

МАКС
MAX

ЭПОХА МЕЧЕЙ

КОРОЛИ В ИЗГНАНИИ
ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ
ВРЕМЯ ЖИТЬ, ВРЕМЯ УМИРАТЬ

Макс Мах
Эпоха мечей: Короли
в изгнании. Времена
не выбирают. Время
жить, время умирать
Серия «БФ-коллекция»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59664096

*М. Мах. Эпоха мечей: Короли в изгнании. Времена не выбирают. Время жить, время умирать: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-133595-3*

Аннотация

Если существует дверь, то, возможно, она открывается с обеих сторон. И если есть два ключа, то почему бы не быть и другим? Посетив иные реальности, Виктор и Макс дали толчок новой цепи событий, ведь если ты зашел к кому-то в гости, следует ожидать ответного визита. Так устроен человеческий мир, таковы его законы. Приключения героев романов «Квест империя» и «Короли в изгнании» продолжаются. Им и их друзьям предстоят захватывающие приключения тела и духа на трех Землях, в космосе и во времени, потому что роман «Времена не

выбирают» – это еще и книга о времени и о судьбе. И о том, что время, несмотря на все свое могущество, не всесильно, потому что есть в этом мире нечто, что сильнее времени и пространства, судьбы и обстоятельств. Это Любовь, Дружба, Честь и Долг, и пока они существуют, человек непобедим. Это главное, а остальное – всего лишь рояли в кустах. Итак, квест продолжается, и наградой победителю будет не только империя.

Содержание

Короли в изгнании	6
От автора	6
Глава 1. Вербовка	9
Глава 2. Будни марсианского агента	34
Глава 3. Страна Утопия	72
Глава 4. Предчувствие	99
Глава 5. Кержак	128
Глава 6. Королева	169
Глава 7. Все, как оно есть	199
Глава 8. Снятие печатей под гарантию	216
Времена не выбирают	268
Пролог. Время грамматическое	268
Глава 1. Коронация. Когда-то потом.	268
Будущее ультимативное	
Конец ознакомительного фрагмента.	282

Макс Мах

**Эпоха мечей: Короли
в изгнании. Времена
не выбирают. Время
жить, время умирать**

© Макс Мах, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Короли в изгнании

*Он ищет не любовниц, не вина,
Но многие края и племена
Изведает беглец неутомимый...*

Дж. Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда

*Увы, Любовь, весь мир в твоих руках:
Ты – слабых власть и сильных укрощенье!*

Дж. Байрон. Дон Жуан

*О походах наших, о боях с врагами
Долго будут люди песни распевать.
И в кругу с друзьями часто вечерами
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...*

И. Френкель

От автора

Автор обращает внимание читателей на тот факт, что в целях сокращения количества сущностей, с которыми приходится иметь дело, везде, где это возможно, используются

земные аналоги представителей животного и растительного царств, а также социальных, культурных, религиозных и экономических явлений и понятий в применении к иным мирам и народам, их населяющим.

Отдельно следует сказать несколько слов относительно личных имен и части географических названий. Как часто случается и в земных языках, перевод имен собственных невозможен в принципе. Но и то, как произносится имя на том или ином языке и как оно звучит, скажем, по-русски, «две большие разницы». Так, например, следует иметь в виду, что верхнеаханский – так называемый блистательный – диалект общеаханского литературного языка включает 18 йотированных дифтонгов – гласных звуков (типа я, ё, ю). Кроме того, имеются три варианта звука й и 23 гласных звука (типа а, о, у), различающихся по длительности (короткий, средний, длинный, очень длинный). Соответственно, то, что мы, к примеру, можем записать и произнести по-русски, как личное имя Йя, есть запись целой группы различных имен. В данном случае это четыре личных имени, три из которых женские, а одно – мужское, и еще два слова, одно из которых существительное, обозначающее местный кисломолочный продукт на северо-западе Аханского нагорья, а второе – глагол, относящийся к бранной лексике. Соответственно запись имен и географических названий, данная в тексте, есть определенная форма графической и фонетической (звуковой) условности.

Другая трудноразрешимая проблема касается отдельных религиозных, исторических и литературных реалий миров империи. Автор решает ее некоторым количеством сносок в тексте.

Глава 1. Вербовка

– Здравствуйте, Игорь Иванович, – сказал за спиной Кержак нежный женский голос.

Кержак не остановился и не обернулся. Он сделал как бы по инерции еще два-три шага и только после этого начал медленно поворачиваться на голос. Голос окликнувшей его женщины ему не понравился. Не то чтобы голос был неприятный или интонации какие-то особые, угрожающие, например. Напротив, хороший это был голос, чистый, красивый, но не *здеишний*, «не тутошний», и интонация как бы не сегодняшняя, не обыденная. Так, наверное.

Поворачивался он медленно, всем телом, по-стариковски. И то сказать, в его возрасте вполне legitimately. Между тем и женщина проявила завидное терпение, удивительный такт или, может быть, выдержку и ничего к сказанному ранее не добавила, а стояла там же, откуда окликнула Кержака, и молчала.

Игорь Иванович мазнул взглядом вдоль улицы и углядел припаркованный неподалеку «ауди» с тонированными стеклами и примечательной парочкой, курившей у открытой водительской двери. И опять же, как и с голосом окликнувшей его женщины, имело место вопиющее нарушение стандарта, принципа, стиля, если хотите. Ведь у нас как? Если «ауди» последней модели, то и персонажи у этой оперы

должны быть узнаваемые, свои. Быки, скажем, или солдаты. На худой конец, «джентльмены» в траурных тройках, но не две барышни невиданных даже в нынешней скоробога-той Москве статей. Высокая брюнетка, судя по первому впечатлению, Шемаханская царица на каникулах, во всем черном, и невысокая блондинка в белом и голубом («Вот тоже мне израильская патриотка нашлась!»), скандинавское происхождение которой только что на лбу у нее не было написано большими такими рунами.

«А пожалуй, что темненькая и не азиатка вовсе, – догадался Кержак, упираясь наконец взглядом в женщину, которая с ним поздоровалась. – Русская она. Вот черт!»

Перед ним стояла высокая, на голову выше Кержака, которого за глаза называли карликовым сибиряком, рыжеволосая женщина в костюме из светло-коричневой замши. Зеленые глаза с насмешливым интересом наблюдали за маневрами Игоря Ивановича, и он с неудовольствием понял, что дамочка видит его насквозь.

«Вот же тварь!» – зло подумал Кержак, ответно рассматривая неведомую диву. Была она не просто красива, а вызывающе, запредельно хороша. И все было при ней, и рост, и стать, и внешность не рядовая, и что, пожалуй, важнее и того, и другого, и третьего – стиль. И еще кое-что углядел Игорь Иванович, прежде чем произнес на автомате дежурное: «И вам здравствуйте, барышня, коли не шутите». Поза. То, как она стояла, как было расположено в пространстве ее те-

ло, — положение рук и ног, наклон головы — все выдавало бойца высочайшего уровня. Но среди женщин Кержак бойцов такого класса до сих пор не встречал.

Рыжая стерва улыбнулась Кержаку и сделала пару шагов навстречу. В буквальном смысле, перетекла с одного места в пространстве улицы в другое, продемонстрировав Игорю Ивановичу такую технику, которую опытный Кержак в жизни не видывал и увидеть не предполагал. И вдруг преобразилась. Он не успел даже понять, когда и как это произошло, но вот уже стояла перед ним обыкновенная, пусть и безобразно молодая и бешено красивая русская женщина, а не какая-то экзотическая птица нездешнего полета.

— Не бойтесь, Игорь Иванович, — сказала она, и тень улыбки коснулась ее полных губ.

— Пустое, — неискренне ответил Кержак, который на самом деле был готов сейчас к любым неприятностям, в том числе и крупным. — Я свое уже давно отбоялся. Позвольте полюбопытствовать...

— Позволю, — царственно улыбнулась женщина. — Называйте меня Катя.

Эта женщина была изменчива, как речная гладь под облаками. Она все время менялась, представляя перед Кержаком то такой, то эдакой, но никак не давая ему себя понять.

— Катя, — повторил Кержак, как бы пробуя имя на вкус, и пришел к выводу, что оно липовое.

— Катя, — подтвердила женщина. — У меня к вам дело.

– Дело, – кивнул Кержак, не успевший еще решить, что бы все это могло значить, и соответственно не выбравший подходящей тактики.

– Вам привет от Федора Кузьмича, – сказала Катя, и Кержак почувствовал, как моментальной болью свело желудок.

Ему стоило огромных усилий – в его-то возрасте! – справиться с потрясением и не показать собеседнице, что она сумела-таки взять его за «мягкое».

– Это какой Федор Кузьмич? – спросил он с видимостью заинтересованности в голосе. – Чугуев? Или Кобзев?

– Нет, – снова улыбнулась Катя, вот только глазищи ее зеленые стали вдруг пристально внимательными. – Суздальцев.

– Помню, – спокойно сообщил Кержак (а боль между тем начала медленно охватывать грудь, и застучало в висках). – Был у него на похоронах в семьдесят первом. Достойный был человек.

– Да, Федя чудо, – согласилась с ним Катя. – Игорь Иванович, вы уверены, что вам не стоит принять лекарство?

– Благодарю вас, Катя, – сухо ответил Кержак. – Это лишнее. Я чувствую себя превосходно.

На самом деле он чувствовал себя отвратительно. Вот только показывать этого не хотел. Не мог. Не привык.

Кержак был одним из очень немногих людей, доподлинно знавших, что генерал Суздальцев не умер. Более того, именно он, Игорь Иванович Кержак – в ту пору молодой энергич-

ный подполковник – и «похоронил» генерала Суздальцева. Кержак был доверенным лицом Федора Кузьмича на протяжении многих лет, до и после мнимой кончины последнего. И если вначале старик тривиально держал его за яйца (потому что провалы такого уровня, какой по молодости и глупости допустил однажды Игорь Иванович, контора рассматривала как предательство, и обычно не без оснований), то позже Кержак вполне оценил своего шефа и работал на него уже не за страх, а за совесть. Из любви к искусству, так сказать.

Но все это кончилось однажды ночью, десять лет назад. Федор Кузьмич позвонил Кержаку на мобильный телефон, о существовании которого он один и знал, и спокойным голосом сообщил, что умер окончательно и в последний раз. И все. Исчез.

Утром стало известно, что дача Федора Кузьмича сгорела дотла, а еще через неделю примерно, по смутным и плохо поддающимся проверке данным, Федор Кузьмич, если, конечно, это был все-таки он, появился на подмостках действительно в последний раз. В компании невыясненных личностей числом от трех до пяти он прилетел в Питер из Мюнхена на частном самолете, зафрахтованном на имя леди Виктории Хаттингтон – старой английской аристократки, жившей в Греции, и... Дальнейшее тонуло в тумане неопределенности. Даже Кержаку – с его-то связями и опытом – так и не удалось узнать, что же на самом деле произошло в тот давний уже вечер в гостинице «Невский Палас». Определен-

но там произошло боестолкновение нештучного масштаба. Но кто, как и почему перебил в гостинице массу служилого и очень неплохо обученного народа во главе с полковником Казиным, так и осталось Игорю Ивановичу неизвестно.

В определенных кругах, впрочем, циркулировали две передаваемые почему-то шепотом версии – чеченская и мафиозная, из которых ни одна не казалась Кержаку реалистичной. Но факт. Если Федор Кузьмич там все-таки и был, то после боя в гостинице он быть где-нибудь еще перестал. Исчез. А учитывая возраст генерала, теперь, в 2010-м, привет от него звучал несколько странно.

«Из ада она проклюнулась, что ли? – с поразившим его самого ужасом подумал Игорь Иванович. – А что, если да?»

«Ну не из рая. Это точно», – обреченно констатировал он, припомнив мимолетно дела, которыми занимался при жизни Федор Кузьмич. Некоторые из дел, а именно те, о которых Кержаку было позволено знать.

– Да, Федя чудо, – сказала рыжая Катя.

– Ну и как он там? – кисло улыбнулся Кержак.

– Вашими молитвами, господин Кержак. Вашими молитвами. Помолодел, поправился. – Казалось, что женщина говорит серьезно.

– Допустим, – задумчиво протянул Кержак. – Серные ванны... то да се. Тепло опять же. Но вы, кажется, говорили о деле?

– Да, о деле, – кивнула Катя. – Мне нужна ваша помощь.

– Милая девушка, – сказал устало Кержак (силы вдруг покинули его, и он вполне почувствовал свои не очень здоровые семьдесят пять лет). – Вы знаете, сколько мне лет? Я не просто на пенсии, я *давно* на пенсии.

– Возможно, это даже к лучшему. – Женщина не шутила, она размышляла вслух. При этом ее глаза, казалось, проникали под его черепную коробку и читали там подробную летопись жизни Игоря Ивановича Кержака, написанную его собственным крупным и разборчивым почерком прямо на обоих полушариях головного мозга.

«Се ля ви, – подумал он с тоской. – Вот так живешь, грешишь, а потом приходит ангел смерти с зелеными глазами и передает привет от покойного начальника».

– Тогда излагайте, – сказал он, чтобы что-нибудь сказать.

– Мне надо сколотить небольшую армию, – как о бездельнице, сообщила ему Катя, снова ставшая «обыкновенной» женщиной.

«Воевать, значит, собрались. Котлы не поделили? – хотел спросить он. – Или дрова?»

Но сказал, естественно, другое.

– Всего-то делов! – усмехнулся Кержак. – Теперь, Катя, это не так уж и просто.

– Было бы просто, я бы к вам не обратилась, – объяснила она, как если бы речь шла о починке какого-нибудь электрического утюга.

– Лет десять назад, – сказал задумчиво Кержак, на самом

деле вспомнивший те былинные годы. – А еще лучше, в середине девяностых... А теперь – увы. И я не тот, и страна не та.

– Не верю, – возразила Катя. – Вы только не обижайтесь, Игорь Иванович, но я вам не верю. Федя ясно выразился. «Кержак может все».

– Так и сказал? – Игорь Иванович удивлялся самому себе. Каким-то неведомым образом эта рыжая чертовка смогла втянуть его в совершенно невероятный, булгаковский какой-то, разговор. Вот и боль оставила, и спокойствие неведомо почему вернулось, и интерес нешуточный пророс на бесплодной, казалось, почве его старой души.

– Так и сказал?

– Так и сказал, – подтвердила женщина. – И потом, я к вам, Игорь Иванович, не за солдатами ведь пришла, а за командирами. Не может быть, чтобы вы так уж никого подходящего и не знали. А возраст – в пределах разумного, конечно, – и состояние здоровья препятствием для меня не являются. Главное, опыт и характер. Вы меня понимаете?

– Возможно, – сказал Кержак, мысли которого лихорадочно метались сейчас, как сумасшедший голубь, сдуру залетевший в комнату и ищущий путь назад, на свободу.

– Допустим, – сказал он осторожно, решив все-таки бросить пробный шар. – Вот есть такой полковник ВДВ Икс. Сорок восемь лет, без обеих ног, хронический алкоголик... Подойдет?

– Знания? Опыт? Характер? – быстро спросила Катя, и у Кержак снова скрутило кишки.

«Неужели да?» – веря и не веря, и страшась заглянуть во внезапно открывшуюся перед ним бездну, и страстно этого желая, подумал он.

– Боец, – сказал Кержак вслух. – Первоклассный. Полк доверил бы, не глядя. Бригаду тоже, но...

– Имя, адрес. – Катя не шутила. Впрочем, об этом Кержак догадался уже несколько минут назад. Но с другой стороны, он ведь только хотел ее спровоцировать, не так ли? И про Васю Никонова только потому и вспомнил. Ведь Вася давно и надежно был списан в безвозвратные потери, но эта тетка, похоже, так не считала.

– Вы серьезно?

– Вполне.

– Без ног.

– Это не ваши проблемы, господин Кержак.

– Литовченко, – севшим от напряжения голосом сказал Игорь Иванович, пытаясь дожать там, где, интуиции следуя, дожимать не стоило. – Спецназ ГРУ. Майор. Семь лет в отставке. Нет левой руки и глаза.

– Вы его рекомендуете? – Голос у Кати стал теперь насквозь деловым.

– Рекомендую. – Кержаку снова стало трудно дышать.

«Помру сейчас», – обреченно подумал он и полез в карман за таблетками.

Женщина терпеливо ждала, пока он проглотит крохотную таблетку и сунет другую – валидол – себе под язык.

– Он... – Кержак с трудом проглотил мятную горечь слюны. – Он действительно вас послал?

– Нет. – Женщина правильно поняла его вопрос. – Он занят сейчас. Немного.

Какая-то тень или тень тени стремительно пробежала по ее лицу, промелькнула и исчезла. И снова ее лицо выражало только безмятежный покой.

– Но он много рассказывал о вас, Игорь Иванович, а мне как раз срочно понадобилась помощь.

Странно, но именно такой ответ направил мысли Кержака в неожиданном, но вполне определенном направлении, и направление это оказалось совершенно непредсказуемым. Для него самого, Игоря Ивановича Кержака, непредсказуемым. Но прежде чем сделать то, что он решил, решился, ну почти решился сделать, Кержак совершил последнюю попытку «пролить свет» и расставить хоть какие-нибудь точки над некоторыми «i». Среди обрывков слухов, витавших, словно слабый дымок над остывшим уже пожарищем, над событиями десятилетней давности, был один...

«Рыжая, – сказал себе Кержак. – Она рыжая».

– Скажите, Катя, – спросил он. – Вы были тогда в гостинице?

– Была, – ответила она сразу, и глаза ее стали такими холодными, что от их взгляда оказалось трудно дышать, как на

сорокаградусном морозе. И Кержак понял, что эта женщина не только первоклассный боец. Это очень и очень непростая женщина, и служить под ее началом...

– А старому разведчику в вашей армии... – медленно начал Кержак.

– ...найдется и место и дело, – закончила за него Катя. – Я просто постеснялась вам это предложить с самого начала.

«Нет, милая, – грустно констатировал Кержак. – Ничего ты не стесняешься и не стеснялась, ты меня вербанула на раз, а я... тут же на цирлы встал, как так и надо».

– Но знаете, Игорь Иванович... – Голос ее сейчас напоминал мурлыканье сытой, довольной жизнью кошки.

«Только, – отметил Кержак, – не маленькой домашней кошечки, а такой кошки, с которой не приведи господь встретиться на тропе войны».

– Но знаете, Игорь Иванович, – сказала Катя и улыбнулась, – давайте зайдем куда-нибудь, посидим в покое, позавтракаем... поговорим.

– В семь утра? – усмехнулся Кержак.

– Самое время, – снова улыбнулась рыжая Катя. – Не знаю, как вы, а я всю ночь на ногах. Ну так как?..

– Согласен, – сказал Кержак и понял, что попался, как дите малое. Теперь к нему и силу применять не надо, сам согласился «пройти».

«Ну так, значит, так, – сказал он себе. – Значит, пришло время. И ведь когда-то это должно было случиться? Вернее,

могло случиться, и не раз».

Но женщина поняла его и на этот раз.

«Мысли мои она читает, что ли?» – удивился он.

– Не волнуйтесь, Игорь Иванович, – сказала она. – Если бы вы были жертвой, вы бы ею уже стали.

И она приглашающе взмахнула рукой, указывая на «ауди». «Успокоила», – мысленно усмехнулся Кержак и решительно направился вслед за рыжей к ее машине.

– Разрешите представить вам, дамы, – сказала Катя, подойдя к автомобилю, и Кержака удивил выпененный характер фразы. – Игорь Иванович Кержак. Игорь Иванович, познакомьтесь. Это Клава, а это Ира.

Кержак сдержанно поклонился брюнетке, носившей редкое ныне в Москве имя Клава, и блондинке, у которой оказалось вполне привычное русское имя.

Женщины улыбнулись в ответ.

– Приятно познакомиться, – пропела Клава.

– Будем знакомы, – решительно протянула ему руку Ира.

Рукопожатие Иры оказалось крепким, а говорила она с сильным, но совершенно незнакомым Кержаку акцентом.

– Да, кстати, – сказала Катя, когда все уже расселись в машине. – Ира – супруга Федора Кузьмича.

И у Кержака в третий раз свело мгновенным спазмом внутренности.

«Что происходит? – спросил он себя. – Что за фантазматическая история?»

Кузьмичу, как ни крути, должно было быть теперь сильно за сто. И даже если он был действительно жив и жил в какой-нибудь далекой Аргентине, то и тогда навряд ли мог не то чтобы жениться на молодой и красивой женщине, но вообще мысль о женитьбе не могла бы посетить его плешивую голову. И женилка отсохла давно, и в голове уже должен оставаться один маразм.

«А ведь она не шутит, – думал он с удивлением и почти со страхом. – Она не шутит, но тогда...»

Машину вела Ира. Манера вождения у нее, как автоматически отметил Кержак, была резкая, напомнившая ему Костю Лифарева – вертолетчика, с которым он много летал в Афгане, а потом плотно общался в Москве. К сожалению, Кости давно уже не было в живых, а то бы...

«Что? – спросил он себя. – Что мешает им вернуть и его? Нет, – напомнил он себе. – Они ведь никого не знают. Они здесь чужие и потому пришли ко мне. А там... Кто знает, какие мы там?»

Каких бы чудес ни ожидал Кержак или, напротив, какие бы прогнозируемые или не прогнозируемые ужасы ему ни мерещились, но приехали они в самое обычное место. Машина остановилась около ничем не примечательного дома на Плющихе, и квартира, куда его пригласили, тоже оказалась самая обычная. Это была одна из тех квартир, которые с незначительными изменениями пережили и демократизацию с гласностью, и период первоначального накопления ка-

питалов, и новый порядок. Узнаваемая хоть в советские, хоть в постсоветские времена квартира со старой, еще гэдээровского производства гостиной, чешской стенкой и почти наверняка венгерской спальней, которую Кержак, впрочем, воочию не видел. Когда-то роскошная, а ныне такая же ничемно старая, потасканная и, пожалуй, даже обветшала, как и те люди, что состарились в то же время.

Проводив Кержака в гостиную и усадив его в кресло у журнального столика, Катя и Ира исчезли, и с Игорем Ивановичем осталась одна только Клава. Судя по звукам, доносившимся из кухни, находившейся по другую сторону длинного коридора, дамы взялись собирать завтрак. Впрочем, слух уловил и приглушенный мужской голос, но обладателя этого голоса представлять Игорю Ивановичу не спешили.

«Ну нет, значит, нет, – решил Кержак. – Захотят, представят, а не захотят... не захотят, не представят».

– А вы, Клава, откуда родом будете? – спросил он.

Кержак обратил внимание, что в комнате имелось как минимум три пепельницы, и во всех трех находились окурки. Так что изображать интеллигента и спрашивать, можно ли закурить, он не стал.

– С Кубани, – спокойно ответила женщина.

Войдя в квартиру, Клава сбросила тонкий кожаный плащик и осталась в облегающих черных штанах и тонком свитерке того же аспидно-черного цвета. На ногах у нее были сапожки незнакомого Кержаку фасона, впрочем, в этих де-

лах он ориентировался не ахти как. Зато в драгоценностях Игорь Иванович толк знал и сразу же отметил, что надетые на Клаву камешки тянут на целое состояние. Не рядовые безделушки украшали незаурядное тело этой кубанской казачки.

– Казачка, значит, – кивнул Кержак.

– Да нет, – улыбнулась Клава, показав два ряда ослепительно белых зубов. – Я русская.

– А казаки, что ж, не русские? – удивился Игорь Иванович.

– Казаки, Игорь Иванович, – наставительно сказала Клава, – они казаки и есть. А я русская. Была... – добавила она после секундной паузы, как если бы обдумала сказанное и пришла к выводу, что есть нечто, что следует уточнить.

Вот это *была* вздернуло расслабившегося было Кержака, как доза боевого стимулятора.

– И давно быть перестали? – как можно более небрежно спросил он.

Но Клаву вопрос не удивил и не смутил.

– Давно, – равнодушно повела она плечами. – Лет с полста будет как.

«То есть как?» – хотел спросить Кержак, но не спросил.

Перед ним в кресле напротив, – так близко, что протяни руку и дотронешься, – сидела молодая, максимум лет тридцати от роду, ухоженная красавица с черными как смоль волосами, темными миндалевидными глазами и точеными

чертами лица. То есть сидела перед ним вылитая Шемаханская царица или царица, скажем, иудейская, если, конечно, у иудеев были свои царицы, но в любом случае царица, украшения которой как раз царицам и впору, благоухала какими-то дорогими духами, и эти вот изящного рисунка губы – полные жизни, между прочим, – только что произнесли фразу, смысл которой при любой интерпретации был более чем странен. Мягко говоря.

– И что же, если не секрет, случилось пятьдесят лет назад?

– Вы, Игорь Иванович, с какого года в Конторе? – вопросом на вопрос ответила Клава.

– С шестидесятого, – почему-то искренне ответил Кержак, чувствуя, как пересыхает его рот.

– Ну тогда вы этой истории не знаете, – раздумчиво сказала Клава. – Хотя... Фамилия Чертков вам что-нибудь говорит?

– Георгий Борисович? – холодея, спросил Кержак, который эту, именно эту конкретную историю, по случаю, знал.

– Да, – кивнула как ни в чем не бывало Клава. – Георгий Борисович. Мне говорили, он застрелился в пятьдесят девятом?

– Застрелился, – как эхо, повторил за ней Кержак, уже зная, что за этим последует, вернее, предчувствуя и боясь услышать то, что ему, вероятно, предстояло услышать. – Вы...

– Я, – снова кивнула Клава.

– Вы капитан Фролова? – У Кержак поплыла перед глазами комната, хотя он и полагал, по самонадеянности, наверное, что уже принял предложенные ему «правила игры».

– Бывшая капитан, – уточнила Клава.

И в этот момент в комнату вернулись Катя и Ира.

Кержак взглянул на сервировочный столик, который вкастила в комнату Ира – он видел сейчас все, как сквозь воду, – отметил, что кроме тарелочек и вазочек с закусками имелись там и несколько бутылок, и решил, что семь бед один ответ и что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Катя, – сказал он. – Вы бы меня уж познакомили со всеми.

– Как скажете, – усмехнулась Катя, на лице которой появилось какое-то – «предвкушающее», что ли, – выражение. – А не страшно?

– Не страшно, – ответил Кержак. Он был искренен.

– Миша! – позвала Катя. – Иди сюда. Игорь Иванович хочет с тобой познакомиться.

Скрипнули половицы, и в комнату вошел высокий широкоплечий блондин. В следующее мгновение Кержак, зрение которого наконец прояснилось, понял, что показалось ему не так при первом взгляде на Мишу.

Миша был... Ну как объяснить словами, чем был Миша? Белой горячкой, ночным ужасом или плодом фантазии голливудских режиссеров? Если не считать лица, он был вполне человеком, но звериная морда в сочетании с голубыми глаза-

ми и волнистыми волосами цвета созревшей пшеницы... это было уже слишком. Тем не менее Игорь Иванович воспринял явление монстра гораздо спокойнее, чем можно было ожидать. В конце концов, ужасный Миша демонстрировал простой, наглядный ужас, тогда как великолепные дамочки своими намеками и недоговоренностями ввергали Кержака в ужас абстрактный. Что тут лучше, а что хуже, вопрос дискуссионный, но Кержаку, человеку насквозь земному и реалисту, по факту переварить Мишу оказалось проще.

– Доброе утро, – сказал на чистом русском языке монстр Миша. – Меш.

Он подошел к вставшему Кержаку и протянул могучую руку.

– Кержак, – представился Кержак. – Игорь Иванович.

Рукопожатие Миши («Но он, кажется, сказал – Меш?») оказалось крепким, но щадящим. Силач показал, что понимает, с кем имеет дело.

– А по отчеству, простите? – поинтересовался Кержак, получая свою руку обратно. В целости и невредимости.

Миша посмотрел на него с интересом. Во всяком случае, Кержак оценил выражение его глаз именно так.

– Меш Жуашевич Нош, – сказал монстр после секундной запинки и усмехнулся.

«Интересно, – с удивившим его самого равнодушием подумал Кержак. – Это я в штаны наложил, или только кажется?»

От улыбки Меша Жуашевича можно было не только обделаться, но, кажется, все обошлось, только трусы прилипли к вспотевшей заднице, а рубашка к спине.

Между тем под любопытствующими взглядами дам Кержак вернулся в кресло, а Миша взял с сервировочного столика бутылку какого-то вина и стал изучать этикетку.

– Что скажешь? – спросила Катя, закуривая какую-то толстенную лиловую сигарету.

– «Вайоц Дзор», – прочел вслух Миша. – Что это за символы?

– Это армянское вино, – ответил ему Кержак. – И написано там по-армянски, я думаю.

– Кто такие армяне? – Миша взял штопор и в несколько отточенных стремительных движений освободил бутылку от пробки.

– Армяне – это народ, – объяснила Клава, подставляя свой бокал.

– На кого они похожи? – Миша налил ей и себе и вопросительно посмотрел на Кержака.

– На меня, – сказала Клава.

– Спасибо, – отказался Кержак. – Я предпочитаю их коньяк.

– Такие же красивые? – с иронией в голосе спросил Миша, возвращая бутылку на место.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказала Катя.

– Нет, такие же черные, – сказала Клава, принохиваясь к

вину.

– «Хеннесси» подойдет? – спросил Миша, беря в руки другую бутылку.

– Вполне, – кивнул Кержак.

– Мне тоже, – нарушила молчание Ира.

– И мне, – сказала Катя.

– Где они живут? – спросил Миша, разливая коньяк по толстостенным стаканам.

Лил он щедро, грамм по сто пятьдесят, как прикинул Кержак.

– Армяне живут на Кавказе, – сказала Катя, беря один из стаканов. – Это...

– Я знаю, моя королева, – галантно перебил ее Миша и отпил из бокала.

– Вино не очень, – сказал он, покатав напиток в своей пасти. – Но пить можно.

– Пил бы ты коньяк, Миша, и не было бы у тебя забот, – улыбнулась Катя.

– Ничего неожиданного, – сказал Миша. – Сердце, печень, почки, все не очень, но не смертельно.

– Да? Это обнадеживает. – Катя поднесла ко рту стакан и начала пить.

Она пила коньяк, как пьют воду или, скорее, горячий чай – маленькими неспешными глотками, – и на ее лице явственно проступало выражение удовольствия.

– Неплохо, – сказала она, выцедив весь стакан. – Не «Ле-

ро»¹, но тоже ничего. Система кровообращения?

«О чем они?» – с удивлением подумал Кержак, отпивая из своего стакана.

– Не знаю, но точно, что ничего смертельного, – ответил Миша, наливая ей еще коньяка.

– Тогда полечим его пока домашними средствами, а лоск наведешь попозже, когда время будет, – решила какую-то не вполне понятную Кержаку проблему Катя и принялась за второй стакан.

«Не закусывая», – отметил Кержак.

Сам он, сделав пару небольших глоточков, отставил стакан и, зажевав коньяк ломтиком севрюги, наконец позволил себе закурить. Курил Кержак всю жизнь, чуть ли не со дня рождения, и, дожив до времени, когда врачи категорически запретили ему курить, вовсе курить не бросил, но, сократив количество выкуриваемых сигарет до минимума – десять, мучительно переживал такое ограничение в житейских радостях.

– Нас вызывают! – неожиданно встрепенулась Ира, стоявшая до этого у окна и с отрешенным видом отпивавшая понемногу из своего бокала.

– Слышу, – невозмутимо откликнулась Катя и тут же что-то сказала прямо в воздух на каком-то очень странном, на слух Кержака, языке.

«По-китайски она, что ли? – удивился он. – Нет вроде.

¹ Коньяк «Леро» («Lheraud», Grande Champagne).

Может быть, это какой-то из индийских?»

Он с интересом прислушивался к певучей, но при этом чуждой русскому слуху речи Кати, которая явно вела с кем-то оживленный разговор. Кержак уже понял, что Катя говорит посредством какого-то очень портативного прибора связи.

«Скорее всего, ушной телефон, – прикинул он. – И микрофон в... ну, микрофон может быть и в серьге, и в зубе... и еще где-нибудь».

– Так, – сказала наконец Катя по-русски. – Один из наших «друзей» только что связался напрямую с крейсером.

– Значит, у них есть что-то посерьезнее радаров ПРО, – сразу же откликнулась Ира.

– Чего он хочет? – спросила Клава.

– Все то же, – пожала Катя великолепными плечами. – Он желает говорить с Дефризом.

«Дефриз!» – с изумлением констатировал Кержак и тут же заметил, что Катя смотрит на него с тем вниманием, за которым обычно скрывается знание.

«Вот так и лажаются», – грустно подумал Кержак и сказал:

– Так я вам, Катя, поэтому нужен был? Могли бы сразу сказать, а не ломать комедию.

– И поэтому тоже, – ничуть не смутившись, ответила ему та. – Но все наши планы остаются в силе. И даже больше того.

Она насмешливо взглянула на него, но ее усмешка, отметил про себя Кержак, была не добрая, но и не опасная. И

Игорь Иванович успокоился окончательно. Он понял, женщина не шутит, но и не обманывает.

– Подождите, пожалуйста, Игорь Иванович, я сейчас вернусь, – сказала Катя и вышла из комнаты.

Ждать ее действительно пришлось недолго. Она вернулась через считанные минуты, Кержак как раз докурил свою сигарету. Остальные, не обращая на него внимания, подкреплялись и выпивали, изредка обмениваясь ничего не значащими репликами.

Вернувшаяся Катя подошла к Кержаку и протянула ему на ладони ампулу с темно-синей прозрачной жидкостью.

«На медный купорос похоже», – подумал он скептически, беря ампулу.

– Это очень сильное лекарство, – сказала Катя, глядя прямо в глаза Кержаку. – У вас таких еще нет. – Она выделила слово «вас» особой интонацией, и Кержак понял, что Катя имеет в виду не только русских.

– Это средство поддержит вас, Игорь Иванович, до тех пор, пока мы не сможем предпринять более действенных мер по вашему оздоровлению. Будете принимать по два раза в день в течение недели. – И она протянула ему другую ладонь, на которой лежал довольно длинный «патронташ» из какого-то пластика с такими же, как и первая, ампулами.

– Ампулы из пластика. Так что не бойтесь, не разобьются, – объяснила она серьезно. – А головка просто свинчивается. Там есть резьба, только ее не видно.

Кержак взял ампулу, она была легкая и прохладная на ощупь.

«Так просто? – спросил он себя, рассматривая лежащую на его ладони вещицу. – Всего-то и дел, что это вот принять? И как же быть тогда с данайцами и их дарами?»

Но на самом деле он уже все решил. Ну какие, на хрен, могли быть здесь сомнения? Все ведь было до ужаса просто, как дважды два или еще что-нибудь в этом же роде. Достаточно было всего лишь взглянуть на себя честно и беспристрастно, и правда – вся, как она есть, вставала перед ним, нелицеприятная, как зеркало утром после загула. Еще несколько часов назад Кержак был несчастным стариком со славным прошлым и, по-любому, без всякого будущего. Он, конечно, держал марку, изображая по привычке и из гордости стареющего джентльмена, но на самом деле он был уже вне нормального ритма жизни. Одинокая старость – страшная вещь. Это болото, вонючее гнилое болото, в которое ты погружаешься медленно, но неумолимо. И сам знаешь, что тонешь, и душа рвется завопить от ужаса перед неизбежным, от тоски и отчаяния, но вопить бесполезно, потому что это ничего не изменит. А эта вот рыжая Катя, кем бы она ни была на самом деле, предложила ему, Игорю Кержаку, будущее. Будущее, которое стоило любых усилий. Ну почти любых. И Кержак все это прекрасно понимал и готов был платить. Не всякую цену, положим, но почти любую. А продавать родину его пока никто не просил. И не факт, что попросят. Интуи-

ция подсказывала, что не тот это случай.

«Ну на кой ляд сдалась им моя Родина? – грустно усмехнулся Кержак, вполне оценивший собственный маразм. – Вот ведь как вколотили в нас весь этот бред. О Родине вспомнил, а о душе вечной – нет».

Глава 2. Будни марсианского агента

Кержак проснулся среди ночи. В доме явно что-то происходило, слышалась тихая возня и приглушенные голоса, поскрипывал под осторожными шагами пол. Интуиция подсказывала, что это серьезно, но не опасно. Во всяком случае, речь не шла о непосредственной опасности.

«Это не захват», – решил Игорь Иванович и взглянул на часы.

Было около трех. 2:47, если быть точным. Он сел на кровати, взглянул в окно, где в лунном свете серебрились усыпанные цветами кусты сирени, и решил, что имеет право на нормальное человеческое любопытство. Он взял со стула у кровати брюки и, встав, стал одеваться. Получалось у него это легко и непринужденно, как если бы дело происходило лет тридцать назад, а то и поболее. Силы возвращались к Кержаку настолько быстро и демонстративно, что это уже не столько радовало, сколько пугало. И то сказать, за три дня, что миновали с момента «исторической» встречи с рыжей Катей, Кержак если и не помолодел внешне, то уж случившиеся с ним внутренние изменения иначе, как драматическими, назвать было сложно. Силы возвращались, возвращались забытые уже подвижность суставов, скорость и выверенность движений, ясность мысли, выносливость и много чего еще. «Медный купорос» в пластиковых ампулах оказался таким

же противным на вкус, каким, по мнению Игоря Ивановича, и должен был быть купорос настоящий. Но действие на организм Катин эликсирчик оказывал совершенно фантастическое. Права, ох, права была Катя, когда сказала, что таких лекарств у них еще нет. Нет таких лекарств на Земле. Это Кержак знал и без ее объяснения. Есть, конечно, всякие экзотические средства, дорогие, как ракетные крейсера, и не менее сложные в применении, требующие времени и большого штата квалифицированных специалистов, но даже они, насколько знал Кержак, не гарантируют такого эффекта. И так быстро. И так просто. А у него уже позавчера ночью... И смех и грех! Тоже ночью проснулся – не здесь еще, а на городской квартире – и с ужасом понял, что у него снова стоит. И как стоит! Вроде бы от счастья до потолка прыгать надо было, а он растерялся. Перед чудом растерялся.

Кержак хмыкнул, осознав, о чем думает, и, застегнув рубашку, направился к двери.

Перебраться за город, между прочим, была его идея. И дом этот нашел тоже Кержак. Это был, можно сказать, его первый вклад в общее предприятие, каким бы оно ни было, а он так до сих пор и не понял, во что же на старости лет вписался. Но вернее, наверное, было бы определить это как первый платеж за самый дорогой и ценный в мире товар, за молодую силу, за новую жизнь.

Его наниматели были люди странные и страшные, не в том смысле страшные, что опасные для него лично, но интуиция

подсказывала, что не дай бог иметь их врагами. Лучше уж самому руки на себя наложить.

Но при всем том в некоторых вопросах были они наивны, как дети, и в жизни современной России ориентировались почти так же, как какой-нибудь австралиец, взявший тур, чтобы подивиться на аутентичную Русь-матушку. Вот и начал Кержак понемногу помогать, очень быстро поняв, однако, что наивными-то его знакомцы как раз и не были. То есть, по большому счету, наивность их видимая была следствием обычного незнания, но, в отличие от настоящих валенков, эти ребята и сами знали, как мало они знают. Так и вышло, что какие бы планы по отношению к Кержаку они ни лелеяли, для начала они вполне трезво эксплуатнули его опытность и ориентированность. А потому позавчера уже вся немаленькая их компания переместилась в этот старый подмосковный особнячок, потасканный, не без этого, но зато удобно расположенный и спрятавшийся от чужих глаз на большом, заросшем неухоженным садом, участке. Здесь, полюбому, было и уютнее и удобнее, в смысле, просторнее.

Кержак вышел в коридор, прошел к лестнице, кивнув по дороге крепкому рыжему парню из охраны, дежурившему на втором этаже, и стал спускаться в залу. Он шел нарочито медленно. Под ногами по-домашнему поскрипывали разошедшиеся ступени, и по мере спуска ему постепенно открывалась диспозиция «тайной вечери». Внизу присутствовали все основные персонажи той пьесы абсурда, в кото-

рую нежданно-негаданно встроился старый разведчик Кержак. Рыжая Катя, одетая в изумрудную блузку тончайшего шелка и обтягивающие, как чулки, кожаные штаны, но при всем том босая («Если бы только босая!»), сидела в кресле у разожженного камина, курила пахитоску («Эти сигареты, Игорь Иванович, называются пахитосы, или пахитоски, слышали, наверное?»), а в руке держала большой шарообразный бокал, наполненный на две трети темно-коричневой жидкостью.

«Коньяк употребляем», – удовлетворенно отметил Игорь Иванович, успевший за время знакомства узнать, что все «три грации» пьют часто, помногу и с видимым удовольствием, но без видимого эффекта. Но даже на их фоне брутальная Катя выделялась недюжинными способностями в этом непростом и, по мнению многих шовинистов, исключительно мужском виде спорта.

Итак, великолепная Катя сидела в кресле перед камином. А Ира столбом стояла в темном углу, как всегда, одетая по всей форме и в одной и той же цветовой гамме. Сейчас на ней были белые кроссовки, белая же мужского покроя рубашка и голубые джинсы. Выражения ее лица было не разобрать из-за тени, падавшей ей на лицо, но Кержаку показалось вдруг, что выражение это должно быть сродни равнодушию камня или каменной статуи.

А вот выражение лица бывшего капитана Фроловой было очевидно. Клава волновалась, и сильно. Одетая она была

в одну полупрозрачную ночную сорочку, едва доходившую до середины ее великолепных бедер, но столь легкомысленное одеяние, насколько понимал Кержак, ее ничуть не смущало. И не смутило бы, будь здесь даже полно особой противоположного пола, а не они двое, он – Кержак – да страшнолюдный Миша, сидевший сейчас на стуле у круглого стола и меланхолично употреблявший какое-то очередное экзотическое вино, до которого он был сильно охоч.

– Доброй ночи, – сказал Кержак, входя. – Не помешаю?

– Присоединяйтесь, Игорь Иванович, – не оборачиваясь, сказала Катя.

Остальные кое-как кивнули ему, но и то сказать, всего три часа, как разошлись по кельям.

«Виделись».

Кержак неторопливо подошел к столу, нашел чистый стакан и плеснул себе немного Kilbeggan², который углядел среди разномастных бутылок, украшавших собой стол в эту ночь. По части выпивки, а впрочем, и других прелестей жизни тоже, его наниматели были людьми со вкусом и выдумкой. Они, как он уже успел убедиться, могли обходиться малым, но если имелась такая возможность, то никогда не отказывались от скрашивающих унылое существование излишеств. А возможности у них были не рядовыми.

«И откуда только деньги берутся?» – равнодушно подумал Кержак, которого на самом деле вопрос о деньгах совершен-

² Ирландский виски.

но не волновал. Есть, и слава богу. Не было бы, была бы очередная головная боль. А так что ж! Когда деньги есть, отчего бы и не быть сибаритом? Все бы были, если бы средства позволяли.

Пригубив виски и закулив сигарету – теперь он мог себе снова позволить курить «от пуза», – Игорь Иванович озвучил наконец свое недоумение:

– Что-то случилось?

– Пожалуй, – после паузы откликнулась Катя.

– И что, если не секрет? – поинтересовался Кержак.

В комнате повисла напряженная тишина. Что бы это ни было, это затрагивало так или иначе всех присутствующих. Так понял ситуацию Кержак. Мотивы, однако, у всех присутствующих были разные. Это он почувствовал тоже.

– Видите ли, Игорь Иванович, – сказал наконец Миша, когда молчание затянулось дальше некуда, – некоторое время назад нам пришлось разлучиться с близкими нам людьми.

Миша встал из-за стола, аккуратно поставил на стол большой хрустальный фужер, наполненный гранатово-красной жидкостью, и повернулся лицом к Кержаку.

– Так сложились обстоятельства... – объяснил он обтекаемо. – Теперь эти люди прибыли и должны вот-вот появиться здесь.

– Но?.. – спросил Кержак, в очередной раз восхитившись безукоризненным русским монстра. – Я так понимаю, что имеется некое НО.

– Да, – подтвердил его догадку Миша. – Мы ожидали, что придут все, но двое не прибыли. – Миша внимательно посмотрел на Кержака и добавил: – Это вызывает определенную обеспокоенность, хотя, я полагаю, совершенно излишнюю. *Эти люди* не пропадут.

Последнее явно было адресовано не Кержаку, а женщинам, и Кержак понял. Конечно, исходных данных было мало, но интуиция великая вещь и в жизни разведчика играет порой не меньшую роль, чем знания, умения или опыт.

У них там, где-то – где бы то ни было – случился большой облом, понял Кержак. Что-то до крайности серьезное, и им пришлось уходить в спешке, если и вовсе не с боем. В ходе отступления, как бы это ни выглядело на самом деле, они разделились. И вот теперь сюда добралась вторая группа, но без двоих, и эти двое собравшимся здесь, скажем мягко, не безразличны. Вот и объяснение той тяжелой атмосферы, что сгустилась в комнате. Однако в чем тут дело, в смысле подробностей, он, естественно, не знал и соответственно не мог оценить полностью важность происходящего на его глазах. Впрочем, уже через несколько минут он смог убедиться в том, что, как бы ни был он прозорлив, по-настоящему этих людей не знает и, значит, не понимает.

Следующие полчаса прошли почти в полной тишине. Молчание, воцарившееся в комнате, было тяжелым, давящим, изматывающим. Никто ничего не говорил или, вернее, почти ничего. Так, слово здесь, короткая реплика там. Кер-

жак, что естественно, тоже не встречал. Не его это были проблемы, но и уйти теперь он не мог. Неудобно было.

Кержак пристроился в уголке на диванчике-двойке, сидел там тихо, попивал свой виски, покуривал и наблюдал. Впрочем, ничего определенного углядеть было невозможно. Эти люди великолепно собой владели, и Кержак не сомневался – будь им надо, были бы здесь сейчас и веселые пикировки, и разговоры зазвучали бы о том и о сем, и смех. Но они здесь были все свои, а его или не стеснялись, или просто за человека не считали, вот и позволили себе раскрыться, но и то лишь на самую малость.

Катя все так же сидела спиной ко всем в кресле перед камином, протянув к огню свои голые ступни. Ноги у нее были длинные и красивые, но Кержак обратил внимание не на них, а на то, как близко к огню находились сейчас ее ноги. На его взгляд, Кате должно было быть «жарковато», но ее это, по всей видимости, совершенно не волновало.

За прошедшие дни Кержак немало думал о своих новых знакомых. Он успел немного приглядеться к ним и кое-что, как ему показалось, понял, хотя вопросов по-прежнему было много больше, чем ответов на них.

Так, например, он решил для себя, что все они – даже страхолюдный монстр Меш – люди.

«Люди, люди, – сказал он себе почти уверенно, понаблюдав за их поведением в тех или иных обстоятельствах. – Не ангелы, но и не черти, а люди».

Во всяком случае, человеческого он в них видел гораздо больше, чем нечеловеческого. А в Мише так и вовсе поболее, чем у иных москвичей или у тех же Кати или Иры. Скорее всего, решил Кержак, они какие-нибудь инопланетяне – хотя бы некоторые из них – или, что дела сильно не меняло, выходцы из какого-нибудь параллельного мира, или еще что-нибудь в этом роде. В качестве рабочей гипотезы такое предположение его вполне устраивало. На первый случай, разумеется. Но для начала и этого было достаточно. А там, глядишь, и разъяснения могли случиться.

Катя была у них главной. Тут и гадать не приходилось. Короля играет свита, ведь так? А Катю играли вполне даже отчетливо. Но с другой стороны, кем бы она там ни была, ее отношения с Клавой, Ирой и Мишей были все же скорее дружескими, чем наоборот.

Вот охрана, тут дело другое. Совсем другое! Эти крепкие, не шибко высокие и не сильно могучие на вид парни и девушки почему-то напомнили Кержаку виденный им в начале девяностых израильский спецназ. Саерет маткаль³ называется. Только те потемнее были, а эти почти все, как на подбор, были блондинами, а которые блондинами не были, те были рыжими. И вот охрана дистанцию держала четко. Вот они Катю играли, так играли.

А Катя... Кержак коротко взглянул на Катю и сразу же

³ *Саерет маткаль* – разведка Генерального штаба, подразделение 262, ответственно за антитеррористические операции за рубежом (вне границ Израиля).

отвел взгляд.

Очень необычная женщина. Какие-то оговорки, детали, вернее, детальки вроде бы указывали на ее земное происхождение. И даже более того, было у Кержака ощущение, что она местная. В смысле, не просто человек, земная женщина, а русская из России.

Но было в ней и другое, много другого, странного, порой притягательного, порой пугающего, но тоже притягивающего, манящего, как манит бездна или бушующее пламя. В ней был аристократизм, причем аристократизм, какого не только что на этой несчастной земле, но и в благополучной Европе теперь не сыщешь. Давно повывелся на старушке Земле этот редкий зверь, который живет не в титулах, а в крови. Какие там аристократы?! Где она, голубая кровь? Одни нувориши да выродки остались. А тут... Кержак понял наконец, что означает слово «порода» в применении к таким людям, как Катя. Вот порода; неведомая, не здешняя, не знакомая, но узнаваемая – не умом, а шестым чувством узнаваемая – говорила в Кате во весь голос. И голос этот был сродни и победительной песне боевых труб, и перекличке охотничьих рожков, но и к сладостной грезе клавесина или рыку охотящегося зверя был он близок тоже. Вот и думай теперь, что она такое и кто?

Но дело даже и не в том, как она себя ведет, с какой естественностью переходит из одного состояния в другое, хотя и в этом конечно же тоже. Есть и еще кое-что, от чего ото-

ропь берет и мураши бегут по коже. Вот, например, как сидит она сейчас, индифферентная ко всему вокруг, замкнутая, закрытая, вся в себе, а между тем ее голые ступни едва не купаются в огне. Того и гляди, штаны загорятся, а ей хоть бы что. Сидит, курит, выпивает потихоньку, равнодушная ко всему, безмятежная, как дерево или цветок.

А вот Клава другая. В ней тоже, конечно, чего только не намешано. Но Шемаханская царица была Кержаку гораздо понятнее и ближе, даже несмотря на непроясненность истории с капитаном Фроловой. Дикой истории, если по правде. Ведь тогда, в далеком уже, былинном, как Киевская Русь, пятьдесят девятом, случилось что-то настолько странное, из ряда вон выходящее, что и спустя год-два отголоски той истории продолжали звучать в коридорах Конторы, так что и до молодого Кержака добрались. Дело в том, что в кабинете застрелившегося полковника Черткова, в его сейфе, следственная группа обнаружила документы, свидетельствующие о том, что покойник вел операцию не больше, но и не меньше как против мирового кагала⁴. Простенько и со вкусом. Несанкционированную операцию! Семь лет! И заслал, судя по всему, в этот самый кагал лучшего своего агента, капитана Фролову. С концами заслал, так что с тех пор ни слуху, ни духу той несчастной дуры нигде не наблюдалось.

И вот спустя полстолетия капитан Фролова вернулась. Не

⁴ Кагал (на иврите *какал*, букв. «община») – в широком смысле община, в более употребительном – форма ее самоуправления.

постарев, не изменившись – если только к лучшему, – вернулась и о прошлом говорит, как о чем-то обыденном. Но и сидит она, и пьет, и, вообще, ведет себя, как человек. Не простая барышня. Красивая и опасная, и все-таки скорее человек, чем нет. Даже наверняка человек. И Ира тоже человек. Хотя Ира и другая. Снова другая. Демонстративно жесткая, холодная и как бы даже равнодушная, но все это могло быть и напускным, а вот аристократизм ее был естественным, как дыхание.

Вот так и сидел Кержак в тихом уголке, стараясь слиться с окружающей обстановкой. Пил виски, курил и думал о своем, об актуальном.

А потом все как-то вдруг *подобрались*. У Кержака не нашлось другого слова, чтобы обозначить произошедшую перемену, хотя и оно, это слово, действительности соответствовало только отчасти. Не то чтобы перемена в поведении присутствующих была так уж заметна, но Кержак кожей почувствовал – сейчас!

И в самом деле, в дверь позвонили. Последовал короткий энергичный диалог Клавы с кем-то из наружной охраны – все на том же неизвестном Кержаку языке, и дверь открылась. Сколько народу находилось сейчас в обширном вестибюле дома, Кержак не знал, но почувствовал, что четырьмя вошедшими список не исчерпывается.

В комнату вошли три мужчины и женщина, одетые вроде нормально, но как-то так, что сразу было видно – одежда не

родная. Впрочем, к женщине это не относилось. Пепельноволосая красавица была не просто хорошо одета, но, в отличие от своих спутников, умела эту одежду носить.

Все четверо были высокими, сильными и молодыми если и не по возрасту – тут можно было и засомневаться, – то уж точно по состоянию тела и души.

«Ну да, – грустно усмехнулся Кержак, рассматривая атлетически сложенных мужчин и невероятной красоты женщину. – Эти птицы ведь из одной стаи. Тут и гадать нечего».

Между тем Игорь Иванович обратил внимание на то, что никто в комнате не двинулся, не изменил позы, не сказал ни одного слова. Создавалось впечатление, что на пришедших демонстративно не обращают внимания. Но и члены «делегации» вели себя так, как если бы все это было в порядке вещей. Вот только напряжение в комнате сгустилось до того, что, казалось, первое произнесенное слово или повиснет в спрессованном этим напряжением воздухе, как муха в янтаре, или, напротив, взорвет его к чертовой матери, как искра бензиновые пары.

Пауза продлилась несколько секунд и была прервана женщиной, которая заговорила все на том же странном их «индийском» языке. Кержак, естественно, ничего не понял из тех трех-четырех фраз, которые прозвучали в предгрозовой тишине, упавшей на комнату. Но он был совершенно очарован голосом женщины. Так, вероятно, поют птицы в раю.

Она сказала, и ей ответила Ира, продолжавшая стоять в

тени. Ира сказала что-то короткое и резкое, прозвучавшее, как удар бича. Высокая пепельноволосая женщина заговорила снова, сопроводив свои слова сложным жестом правой руки и одновременно коснувшись указательным пальцем левой руки своей левой брови. Однако Ира снова произнесла что-то короткое и решительное. Тогда заговорил один из мужчин.

Он был старше всех в этой комнате, кроме Кержака, разумеется. Впрочем, в этом Игорь Иванович не был до конца уверен. Однако у мужчины, у единственного, черные длинные волосы были густо забелены благородной сединой. Он был величествен и красив, как какой-нибудь римский сенатор из американского блокбастера. У него был красивый «располагающий» голос, и он долго – минуты две как минимум – говорил что-то всем присутствующим, но глядел при этом только на Катю. Когда он закончил, в комнате снова воцарилась тишина.

Пауза тянулась, как мертвые пески пустынь, и у Кержака возникло даже нехорошее предчувствие.

«Жаль, языка не знаю! – в который раз посетовал он на судьбу. – Тут, похоже, такая драма, что Шекспир с Шиллером отдыхают. Дай бог, чтоб не трагедия!»

На этот раз паузу прервала Катя, которая во все время разговора, если обмен репликами можно, конечно, счесть разговором, продолжала смотреть на огонь в камине, не вмешиваясь и, казалось, даже не обращая ни на кого внимания.

Теперь, нарушив молчание, она сказала что-то тихим голосом, и один из вошедших мужчин, не мешкая, приблизился к столу, достал из кармана какой-то предмет и положил его на столешницу. Мужчина, в котором, несмотря на «партикулярное платье», Кержак сразу же признал военного в немалых чинах, постоял секунду возле стола, как бы не зная, что ему теперь делать, но, в конце концов, все-таки вернулся на прежнее место.

В следующую секунду Игорь Иванович Кержак пережил чудо.

Он все еще разглядывал предмет, лежащий на столешнице, – серый каменный диск диаметром сантиметров в десять, когда Катя тихо и, как показалось Кержаку, торжественно произнесла одну короткую фразу. Что она сказала, он не знал, но, к своему удивлению, понял, что, что бы она ни сказала сейчас, *все это абсолютная правда*.

Кержак не знал, откуда пришло это странное знание, но он не сомневался – все сказанное ею ПРАВДА. Озадаченный, он перевел взгляд с диска на Катю, все так же безмолвно сидевшую в кресле и смотревшую в огонь, и пропустил что-то важное, что как раз в эту секунду произошло в комнате. Он успел ухватить только какое-то общее впечатление, и в следующую секунду стал свидетелем совершенно невероятных событий.

Пепельноволосая красавица – на вид ей было лет тридцать, но Кержак был в этом до конца не уверен – плавно при-

близилась к Катиному креслу, неуловимым движением опустилась на колени и, взяв левую руку Кати в свои руки, поднесла ее к губам. А Катя погладила склоненную голову женщины правой рукой и что-то тихо и нежно («Нежно? Ну, пожалуй, что и нежно») сказала. Женщина поднялась с колен и, нагнувшись к Кате, прижалась на мгновение щекой к ее щеке. Потом, услышав еще несколько обращенных к ней слов, отстранилась и, обойдя кресло, встала справа от него. В ту же секунду, к немалому удивлению Кержака, которому только и оставалось, что удивляться, к женщине стремительно приблизилась суровая Ира, обняла, коротко прижавшись к ней всем телом, резко отстранилась и, встав рядом, замерла.

«И что у них тут за отношения? – спросил себя Кержак. – Вроде бы только что собачились, а теперь обнимаются».

А на коленях перед Катей уже стоял «римский патриций». Он удостоился только нескольких произнесенных Катей слов и, встав с колен, занял место за ее левым плечом. То же произошло и с двумя другими мужчинами: коленопреклонение, поцелуй руки, несколько Катиных слов и позиция слева от кресла.

«Цирк! – подумал Кержак, с интересом наблюдавший эту диковатую сцену. – Но, похоже, у нас новый крестный отец. Вернее, мать».

Впрочем, спектакль еще не закончился. Теперь в комнату вошла еще одна, на этот раз более молодая женщина. Она была высока, и волосы ее, стянутые в толстую длинную ко-

су, были черны, как ночь, но кожа ее была бела, как снег. Кержак залюбовался красавицей, однако почувствовал, что женщина эта не только красива, но и необычна в каком-то не вполне понятном ему, но тем не менее интуитивно улавливаемом смысле. Женщина подошла к Кате, встала перед ней и, помолчав секунду, произнесла несколько слов. И тут Катя поднялась из кресла и встала лицом к женщине, что позволило Игорю Ивановичу оценить истинный рост незнакомки. Она была под два метра, не меньше.

«Ну ни хрена! – только что не присвистнул Кержак. – Где же обитают такие дивные птицы?»

Незнакомка между тем что-то сказала и, неожиданно достав из складок платья кинжал с чуть изогнутым лезвием, протянула его Кате ручкой вперед.

«А это что за хрень?» – устало подумал Кержак, который, кажется, все понял правильно, поскольку сцена была предельно лаконична, но именно поэтому сам себе и не поверил.

Между тем Катя взяла кинжал, попробовала пальцем клинок и в следующее мгновение быстро и технически грамотно полоснула стоящую перед ней женщину по горлу. *Как бы полоснула*, потому что кинжал стремительно прошелестел в миллиметрах от горла, но следа на белой коже не оставил.

Последовала короткая реплика Кати, и женщины, синхронно качнувшись навстречу друг другу, прижались одна к другой и замерли в неподвижности чуть ли не на минуту. Только после этого обладательница сказочной косы быстро

опустилась на колени, поцеловала Катину руку и, получив причитающуюся ей ласку, отошла за правое Катино плечо, где уже стояли две другие женщины.

«Мальчики налево, девочки направо», – констатировал Кержак, подозревавший, однако, что за позицией стоящих кроется и какой-то иной, не связанный с половыми различиями смысл. Но, увы, в тайны «мадридского двора» он посвящен не был.

Тут, очевидно, имели место какие-то непростые личные отношения, тесно увязанные, впрочем, даже переплетенные, наверное, с отношениями, скажем для простоты, служебными. Но что мог поделать Игорь Иванович, если он изначально ничего не знал об этих людях. Потому и было все тут неясно для него и непонятно, потому и оперировал он противными его природе расплывчатыми определениями, типа кто-то, что-то, где-то и как-то.

А потом в комнату вошли девочки. Их было трое, девочек-подростков, и две из них – шатенка и брюнетка – обещали вскорости «опериться» и «встать на крыло» в той же райской стае, к которой принадлежали взрослые женщины, находившиеся сейчас в комнате. А третья – блондинка – оказалась сродни монстру Мише. Те же самые голубые глаза и золотые, цвета спелой пшеницы, волосы, и те же, скажем мягко, особенности строения лицевых костей.

Катя приголубила всех троих, как родных, хотя перед этим девочки проделали тот же церемониал, что и взрослые:

преклонить колени, поцеловать руку, услышать пару слов. Вот только ласки Катины были в этом случае гораздо более очевидными.

«Как дочек привечает, – отметил Кержак. – По-матерински».

И глядя на то, как обнимает и целует Катя девочек, Кержак понял вдруг, что ему нечего здесь больше делать. Он вполне оценил широкий жест Кати, позволившей ему увидеть то, что он увидел, но он ощутил, что его время кончилось и ему следует уйти. Он встал с дивана и тихо вышел. Никто не обратил на него внимания, а он сам был настолько занят идеей «побыстрее покинуть подмости», что, только поднявшись к себе, обнаружил зажатый в левой руке стакан с недопитым виски.

Он подошел к окну, закурил и долго стоял, глядя на залитый лунным светом неухоженный сад, покуривал тихонько, отпивал малюсенькими глотками виски из стакана и думал об этих людях, его нанимателях. Ничего нового он, естественно, не надумал, даже после спектакля, увиденного им этой ночью, но одну мысль, которая начала созревать у него еще в пору их первого разговора с рыжей Катей, он наконец сформулировал для себя со всей возможной ясностью. Кто бы они ни были – порождения ада или пришельцы из иной вселенной – ему с ними интересно, и они вызывают у него скорее симпатию, чем наоборот. Следовательно, у него нет никаких очевидных причин отказываться от сотрудни-

чества. Напротив, у него уже есть достаточно причин быть честным со своими щедрыми нанимателями. Кажется, они предложили ему приключение, от которого трудно было отказаться.

Кержак усмехнулся своим мыслям и, поняв, что спать уже не будет, решил выйти в сад. В прямом смысле, а не в переносном – выйти на улицу, подышать предрассветной прохладой.

«Ну что, пошли, власовец, – сказал он себе. – Погуляем».

На самом деле это и был единственный пункт в его отношениях с Катей, который по-настоящему тревожил Кержака. Но опасных симптомов пока не наблюдалось, и значит, совесть его могла спать спокойно.

Он снова вышел в коридор, но пошел не к лестнице в «залу», а в обратную сторону, где за близким поворотом имела еще одна лестница – едва ли не винтовая, которая выводила в заднюю часть дома и соответственно к дверям во двор. Здесь, внизу, тоже была охрана – совсем молоденькие на вид парень и девушка, сидевшие на табуретках в маленьком предбаннике перед кухней. Кивнув им, Кержак вышел во двор, и неторопливо пошел, огибая угол дома и углубляясь в заросли одичавшего сада. Он прошел несколько метров, когда около разошедшегося теннисного стола увидел еще одну диву из Катиной охраны. Девушка была ладненькая, как и все остальные девушки в странном Катином спецназе, хотя об этом приходилось скорее догадываться, потому что

барышня была одета в широкие штаны и какую-то бесформенную рубашу, доходившую ей до колен. Но когда она делала резкие движения, а она их делала, так как Кержак застал ее за выполнением комплекса упражнений, напоминавших одновременно йогу, тэквондо и художественную гимнастику; так вот, когда она делала резкие движения, фигура ее, вернее, детали этой фигуры проступали мимолетно здесь и там, так что, имея воображение, об остальном можно было догадаться. У Кержака воображение имелось, и он несколько секунд не без удовольствия понаблюдав за девушкой, делавшей удивительные вещи. Но поскольку долго стоять и пялиться на занятого делом человека было неудобно, Игорь Иванович, тяжело – в душе – вздохнув, отвернулся и сделал уже шаг прочь, однако далеко не ушел.

– Кержак, – сказала блондинка ему в спину. – Ты что здесь делаешь?

– Ничего, – пожал плечами Кержак, снова поворачиваясь к девушке. – Подышать вышел. Или нельзя?

– Можно, – улыбнулась девушка, и в свете уходящей луны ее зубы засветились, как две нитки голубоватого жемчуга. – Ты же сам по себе, Кержак. В автономном режиме.

Если не обращать внимания на странный, незнакомый, но не сильный акцент, барышня говорила по-русски вполне сносно, достаточно правильно, но, главное, разборчиво. Только Кержак ее все равно не понял.

«Что значит в автономном режиме?» – задумался он.

– Кержак, – спросила между тем девушка, рассматривавшая его с видимым интересом. – Я тебе нравлюсь?

Вопрос был неожиданный, и Кержак растерялся.

«Нравится? – спросил он себя. – А как, скажите на милость, такая может не нравиться?»

– Нравишься, – сказал он вслух, думая о том, что, вероятно, за всем этим что-то кроется, и разговор начат неспроста, потому что затевается какая-то интрига. Но через считанные секунды уже понял, что если и затевается, то скорее не интрига, а интрижка, в том самом, простом и незатейливом первоначальном смысле этого слова.

Дама его, Кержака, незатейливо клеила, а он разведывательные подходы искал.

«Придурок!»

– Идем, – сказала девушка и, повернувшись, зашелестела между кустами сирени.

Потоптавшись секунду на месте, все еще ничего толком не понимающий Кержак поплелся за ней. Буквально в метре-полтора, за кустами, точнее внутри зарослей сирени, обнаружилась крохотная полянка, на три четверти занятая неведомо когда и как попавшей сюда кроватью. К удивлению Кержака, кровать была застелена. Впрочем, в этом он мог и ошибиться, все-таки ночь на дворе. Но одно из двух: или кровать действительно была застелена бельем аспидно-черного цвета, или это у него воображение разыгралось.

Между тем блондинка («Ее зовут Тата, – вспомнил он. –

Тата Кээр».) подошла к постели, если, конечно, это все-таки была постель, и повернулась к Кержаку лицом.

Как исчезла с нее одежда и куда, Кержак заметить не успел. Но факт, вот она стоит перед ним, одетая в свои широкие штаны и бесформенную робу, и вот уже она нагая – белое тело, кажется, фосфоресцирует в лунном свете – делает шаг ему навстречу.

Взгляд Кержака непроизвольно уперся в густо заросший курчавым волосом лобок девушки. Если лунный свет не обманывал, Тата и в самом деле была блондинкой.

– Ну же, Кержак! – сказала Тата, нежно и повелительно одновременно. – У вас что, принято выдерживать паузу?

– Нет, – ответил Кержак, с трудом протолкнув слово через мгновенно пересохшее горло. – У нас...

«Ох, черт!»

Тата решила оставшиеся нерешенными проблемы сама. У нее оказалось упругое и горячее тело, и двигалась она грациозно и в то же время стремительно. Кержак просто за ней не поспевал, но ее это, кажется, совершенно не беспокоило, потому что понятно было – ему понятно, а уж ей тем более, – что это не он ее имеет, а она его. По полной программе.

Впрочем, очнувшись от нежданно свалившегося на него наваждения, – уже под ласковыми солнечными лучами – Кержак с чистой совестью мог сказать хотя бы самому себе, что ни о чем не жалеет. Тата, по-видимому, тоже осталась довольна, но ее рядом с собой он не обнаружил.

Хмыкнув, Кержак поднялся с постели – это все-таки была именно постель, – собрал с кустов разбросанные в спешке детали своего гардероба и быстро оделся. Не хотелось предстать с голым срамом перед кем-нибудь еще. Только приведя себя в божеский вид, Кержак позволил себе закурить. Он снова присел на кровать – обычная такая полутораспальная кровать, даже новая, кажется, – вытащил из кармана пиджака пачку «Мальборо», на которое подсел еще в восьмидесятые, выудил сигаретку и прикурил от зажигалки.

Наступило утро. Уже было не только светло, но и стало заметно теплее.

«А кстати, – лениво подумал Кержак, затягиваясь. – Как мы с Татой не замерзли? Ночью, поди, градусов пятнадцать-шестнадцать было!»

Он посидел немного, покуривая, потом посмотрел на часы – было 7:20 утра, пожал плечами и, встав с кровати, неспешно пошел к себе, раздумывая о том, будет или не будет у них, в свете ночных происшествий, традиционная «семейная» трапеза, в данном случае завтрак? И что ему делать, если нет? В том смысле, что удобно ли заявиться на «господскую» половину в поисках «хлеба и питья насущных»?

Раздумывая об этом, он миновал пост охраны, поднялся наверх, заглянул в уборную – отлить и лицо сполоснуть – и, так ничего и не решив, вернулся в свою ком-нату.

Но, как оказалось, приключения, начавшиеся еще ночью, отнюдь не закончились. Он только собрался пойти принять

душ, переодеться и побриться, а там, глядишь, и вопросы с завтраком как-нибудь прояснятся, когда в дверь вежливо постучали.

– Войдите, – предложил Кержак, оборачиваясь к начавшей открываться двери.

За нею в коридоре обнаружились давешние ночные гости. Мужчины. Все трое. Руки у них были заняты, потому что в руках гости держали массу разнообразных вещей: кофейник, чашки, какие-то кувшинчики, сделанные из желтоватого поделочного камня, хрустальные стаканы и что-то еще.

«Ну что же, – решил Кержак. – Похвально. Пришли знакомиться не с пустыми руками».

– Мы не знакомы, – словно читая его мысли, сказал тот, что постарше. – Разрешите представиться, Йёю.

Это был высокий представительный мужчина, но не грузный, а, наоборот, поджарый, подтянутый. Кожа у него, как и у его спутников, была смуглая, и до того, как он начал сидеть, Йёю был жгучим брюнетом. Эдакий француз или итальянец, но из южных, разумеется.

– Йёю, – сказал гость.

– Йёю? – удивленно переспросил Кержак.

– Да, просто Йёю, – подтвердил тот. – Но, если вы предложите какой-нибудь аналог в русском языке, я возражать не стану.

У Йёю был красивый «бархатный» голос – баритональный бас – и интересное лицо, а глаза его были внимательны и

выдавали наличие недюжинного интеллекта.

«Непростой дядя, – отметил про себя Кержак. – И сколько же раз мне еще придется употреблять это поганое словечко ”непростой”?»

– Да нет, отчего же! – якобы смутился Кержак. – Йёю. Это я могу запомнить. Ну а я, стало быть, Игорь.

– Очень приятно, Игорь, – склонил голову Йёю. Жест был вроде бы знакомый, естественный, но выполнен как-то не так. Не по-человечески.

– Мы подумали, что вы не спите уже, и решили зайти. Разрешите? – Йёю говорил по-русски, как иностранец, выучивший язык в тиши лингафонных кабинетов, где-нибудь в Оксфорде или Йеле, но никогда в России не бывавший.

– Проходите, пожалуйста, – сразу же ответил заинтригованный Кержак.

И они вошли.

– Счёо, – представился второй мужчина. Он тоже был высок, – худощав и подтянут, но по-другому, иначе, чем Йёю. Кержаку он чем-то напомнил пародийного немца из старых советских фильмов, только монокля не хватало, да волосы были темно-каштановыми, а не белесыми.

– Скиршакс, – сказал третий. Этот, несомненно, был военным, как установил для себя Кержак еще ночью.

– Очень приятно, – ответил им Кержак. – Игорь. Да проходите же! Ставьте все на стол, – предложил он, видя, что гости не знают, как распорядиться принесенным с собой иму-

ществом.

Мужчины не заставили его повторять приглашение дважды и, войдя в маленькую комнатку Кержака, ловко по ней распределились, так чтобы не мешать один другому, и споро расставили многочисленные предметы на крошечном столике.

– У вас отменно вкусный кофе, – сделал комплимент Йёю, разливая горячий – над ним поднимался ароматный пар – кофе по маленьким фарфоровым чашечкам.

– А это наш, как сказать?.. – Скиршакс запнулся, подыскивая подходящее слово в чужом языке. – Коньяк? Бренди? Да, так. Попробуйте, Игорь.

Скиршакс взял один из кувшинчиков, разлил «коньяк» – напиток насыщенного чайного цвета – по стаканам и один из них протянул Кержаку. Кержак попробовал. «Коньяк» оказался неплох. Резковат, пожалуй, несколько прямолинейно крепок – градусов под пятьдесят, не меньше! – но вкус и запах имел вполне достойный.

– Отличный бренди, – похвалил он, доставая из кармана сигареты. – Не возражаете?

– Ни в коем случае, – ответил Йёю, в свою очередь доставая из внутреннего кармана темно-серого пиджака толстую черную сигару.

Комната, в которой жил Кержак, была уютная, но маленькая. Кроме кровати, шкафа и низкого столика, целиком занятого сейчас разнообразной посудой, в ней имелось только

два стула. А собравшихся было четверо.

– Садитесь, господа, – предложил Игорь Иванович, делая широкий жест рукой. – Правда, стульев у меня маловато, так что кому-то придется сесть вместе со мной на кровать.

Скиршакс кивнул и сел на кровать. Остальные тоже сели.

– Игорь, – сказал Йёю, сделав глоток кофе и секунду с видимым удовольствием смакуя его вкус, – вы ведь разведчик, не так ли?

– Ну, где-то так, – уклончиво ответил Кержак, повторив любимую присказку своего учителя.

– Не прибедняйтесь, – усмехнулся в ответ Йёю. – Я правильно сказал? Вы генерал.

– Генерал-лейтенант, – уточнил Кержак. – В отставке.

– Мы все в отставке, – сухо сообщил Счёо.

– Я даже два раза. – Йёю был невозмутим. – Я, Игорь, пережил два переворота, но жизнь от этого стала для меня только интересней. Поверьте!

– У вас там переворот? – поинтересовался Кержак. Разговор принимал очень интересный оборот. Очень.

– У нас *там*... – Йёю отметил слово «там» грустной улыбкой, – у нас там, Игорь, тотальная война и переворот одновременно.

– Плохо дело, – обтекаемоотреагировал на новость Игорь Иванович. – А с кем воюете?

– С врагами. – Ответ Скиршакса был предельно лаконичен.

«Ну что я, в самом-то деле?! – остановил себя Кержак. – Можно подумать, что я знаю, о чем идет речь».

– Не обижайтесь, – сказал Йёю, который, по-видимому, все понял. – Еще успеете разобраться. Все равно ведь придется разбираться.

– Полагаете, придется? – Такого оборота Кержак, признаться, не ожидал.

– Разумеется, – поддержал Йёю Счёо. – Ведь вы теперь с нами. А мы с вами.

Он улыбнулся. У Счёо была странная улыбка. Скорее это был намек на улыбку, но намек блеклый, неживой, как свет болотных огоньков.

– До переворота я стоял во главе Личного Его Императорского Величества Информационно-аналитического бюро, – продолжил Счёо. – Это была личная разведка покойного императора. Так что мы коллеги. Правда, воинского звания у меня не было.

– У меня тоже, – кивнул Йёю. – Я делал то же самое для предыдущего императора.

«Вот оно как! – не очень сильно удивился Кержак, чего-то в этом роде и ожидавший. – Интересно, как часто у них меняются императоры?»

– А я был командиром гарретских стрелков, – сказал Скиршакс. – Гвардии полковником.

Кержак из его слов ничего не понял и вопросительно посмотрел на Йёю.

Йёю не заставил себя просить дважды и тут же пояснил:

– Гарретские стрелки – это название гвардейского полка. Гвардейский полк – это примерно то же самое, что корпус спецназа, а звание гвардии полковника соответствует армейскому званию генерал-лейтенанта.

– А теперь, значит, к нам прибыли, – вроде бы нейтрально, но на самом деле с вполне определенным подтекстом подытожил Кержак и сделал глоток кофе.

Кто бы его ни варил, кофе вышел хороший. Без дураков.

– Вам не следует об этом беспокоиться. – Йёю понял и контекст, и подтекст правильно. – Ваша планета – нейтральная территория.

Он втянул в себя дым сигары – Кержак успел уже заметить, что Йёю затягивается по-настоящему, – выпустил его и продолжил:

– Наша цель, Игорь, империя, а не Земля. – Он посмотрел Кержаку в глаза и кивнул, как бы подтверждая этим свои слова. – Мы хотим вернуться, и на Земле нам делать нечего. Отдохнуть, набраться сил, это да, но не более. По некоторым обстоятельствам, о них позже, мы не можем включить Землю в состав империи. Таково условие, но!..

Йёю выделил это свое «но» интонацией, и Кержак догадался, что именно он сейчас услышит.

– Но, – сказал Йёю, – это условие не распространяется на некоторых людей. На вас, например.

Кержак сказанное оценил. Вполне. Его приглашали на та-

нец. Ну, по сути, он уже и так танцевал, ведь разговор с Катей состоялся несколько раньше. Но теперь, кажется, дошло уже и до деталей. А вот детали могли изменить благостную картину, которую рисовал ему Йёю, самым кардинальным образом.

– Вы можете не доверять моим словам, – сказал Йёю. В его голосе не было ни раздражения, ни желания убедить в своей искренности. Просто констатация факта. – Однако вопросы доверия зачастую решают все, не правда ли? – казалось, Йёю просто размышляет вслух.

– Истинная правда, – поддержал его Кержак, размышлявший над тем, какой ход имеется в запасе у этого «гладкого» господина. Ну не стал бы Йёю, велеречивый аристократ от разведки, начинать такой разговор, не имея туза в рукаве.

Так думал Кержак, и, разумеется, он был прав.

– Я рад, что мы понимаем друг друга. – Йёю выпустил изо рта очередную порцию густого сигарного дыма и сделал маленький глоток бренди. – Признаться, у меня были опасения, что разница в культурных традициях не позволит нам достигнуть взаимопонимания.

«Чешет, как по писаному! – искренне восхитился Кержак. – Прямо как писатель какой-нибудь, а не шпиён».

– Так вот. – Йёю взял со стола кофейник – Еще кофе, Игорь?

– Нет, спасибо, – отказался Игорь Иванович. – А вот от бренди не откажусь.

Скиршакс тут же, но без суеты, взял со стола кувшинчик («А кстати, почему не бутылка?») и наполнил стакан Кержака на треть.

– Прозит! – сказал Скиршакс.

– Нет, полковник, – возразил молчавший до сих пор Счёо, – в этом случае следует говорить «на здоровье!». Ведь так?

– Давайте оставим филологию филологам, – усмехнулся Кержак. – Главное, что я вас понял, господин Скиршакс. Этого достаточно.

– Так что там у нас с доверием? – спросил он, снова поворачиваясь к Йёю.

– С доверием у нас все просто, – чуть улыбнулся Йёю. – У нас, к счастью, есть прибор, позволяющий отличать правду ото лжи. Вы, кажется, присутствовали при его использовании, не правда ли?

И верно: ночью Кержак видел этот или подобный ему прибор в действии.

– Правда, – согласился Кержак. – Было что-то такое. – Он сделал неопределенное движение рукой: – Предлагаете попробовать еще раз?

– А что нам мешает? – Йёю повернулся к полковнику. – Полковник, будьте любезны.

И снова, как давеча ночью, Скиршакс подошел к столу и выложил на столешницу серый каменный диск. Теперь все присутствующие, и Кержак тоже, смотрели на ни чем не при-

мечательную вещь, лежащую среди стаканов и чашек.

– Я, адмирал Йёю, – сказал Йёю торжественно, – обещаю говорить вам сейчас только правду.

«Врет», – сейчас же понял Кержак. И снова, как это случилось с ним ночью, он не мог бы объяснить, откуда взялось это знание, но он знал, доподлинно и однозначно: услышанная им фраза содержит ложную информацию.

Между тем Йёю помолчал секунду, внимательно следя за реакцией Кержака, и произнес ту же самую фразу еще раз, правда, изменив свое титулование:

– Я, герцог Йёю, обещаю говорить вам сейчас только правду.

«Он говорит правду», – как и в прошлый раз, Кержак был потрясен.

Встреча с чудом – это ведь нелегкое испытание.

– Итак? – спросил Йёю, дав Кержаку переварить случившееся. – Вы готовы?

– Да, – просто ответил Кержак.

– Тогда слушайте. Я, герцог Йёю, даю вам слово, Игорь, – медленно и внятно произнес Йёю, – что ни у меня, ни у моих друзей нет никаких планов относительно Земли. Мы не собираемся ее завоевывать или покорять, подчинять, закабалить каким-либо иным способом. Мы не планируем никаких враждебных, опасных, недружественных действий в отношении планеты Земля и населяющего ее человечества.

«Смешно, – подумал Кержак, внимательно выслушав сло-

ва нового знакомого. – Как просто могут решаться вопросы доверия. Смешно».

– А скажите, герцог, – усмехнувшись, спросил он, – что вам сказала Катя, когда вы прилетели?

Ответом ему было молчание.

Молчал Йёю. Молчали и двое других. И Кержак почувствовал, что за этим молчанием, как за завесой плотного тумана, прячется бездна, шагнув в которую, он уже никогда не сможет вернуться назад. Никогда.

Туман, обрыв и полет в один конец.

«Зачем же я спросил? – Мысль была необязательная. – Затем, что, как выясняется, именно этого я и хочу».

– Если я вам скажу, вам придется принять на себя определенные обязательства. – Голос Йёю был ровен, но дело было в другом. Его покинула жизнь, эмоции умерли, и их место заняли холод выстуженных равнин и равнодушие вечных льдов.

– И у вас имеется способ наложить их на меня? – как можно более равнодушно спросил Кержак.

– Да, имеется, – просто ответил Йёю. – Лояльность в такого рода делах обязательна.

– Я согласен. – Кержак едва не засыпал, когда-то он был хорошим игроком. – Накладывайте.

Кержак уже все для себя решил, так стоило ли волноваться о формальностях.

– Вот. – Йёю указал на диск, все еще лежащий на столе.

– Вы хотите, чтобы я поклялся не разглашать доверенную мне тайну? – любопытствовал Кержак.

– Нет, – остановил его Йёю. – Эта вещь, Игорь, гораздо более замечательная, чем вы можете себе представить. Очень редкая и ценная вещь, Игорь, поверьте мне на слово. Это просто удача, что она у нас есть.

Кержак, заинтригованный словами Йёю, снова посмотрел на диск. Ничего особенного в нем не было. Во всяком случае, Кержак ничего такого в нем не обнаружил. Диск. Из камня, как кажется. Из серого пористого минерала. Сантиметров десять-двенадцать в диаметре и два-три сантиметра толщиной. Все.

– Если вы, Игорь, – Йёю посмотрел ему прямо в глаза, – если вы коснетесь ее пальцем и обещаете, что все услышанное вами здесь и сейчас останется тайной для непосвященных, то так оно и будет.

– И все? – удивленно спросил Кержак. Он был озадачен. Вроде бы именно это он и предложил несколько секунд назад. – И все?

– Все, – подтвердил Йёю и неожиданно усмехнулся: – Но не так просто, как вам показалось. Видите ли, Игорь, – Йёю сделал вынужденную паузу, снова затянувшись дымом сигары. – В этом случае вопрос не стоит о вашей искренности. Вопрос касается сохранения конфиденциальной информации.

– И что же будет на этот раз? – поинтересовался заинтри-

гованный Кержак.

– Печать. – Йёю на секунду задумался, вероятно, подыскивая подходящие объяснения. – Камень наложит печать... на ваш мозг. Так будет правильно. Вы, Игорь, просто не сможете никому ничего рассказать, даже если захотите или вас очень об этом попросят. Никогда и никому.

«Никогда и никому». – Кержак принял сказанное за данность и попытался представить, что это значит. Представилось с трудом. Это была сказка, но сказка не детская, а страшная сказка и жестокая, как жизнь.

«Ну что ж, – решил он наконец. – Чему быть, того не миновать».

– Хорошо, – сказал он вслух и положил руку на диск, как кладут руку на Библию, когда клянутся в суде «говорить правду, только правду и ничего, кроме правды».

«Интересно, – мелькнула в голове дурацкая мысль. – А почему Хозяин не ввел и у нас такой же обычай, – вполне можно было заменить Библию на первый том "Капитала" или на "Краткий курс"?»

– Клянусь, – сказал Кержак вслух, – что все услышанное мной от вас останется нашей тайной. Этого достаточно?

Но уже спрашивая, Кержак понял – достаточно.

«Черт!»

Он понял, еще даже не услышав ни одного слова из тех, что должен был сказать ему Йёю, что никогда и никому из непосвященных не сможет не то чтобы их пересказать, а да-

же наметнуть на что-то, с ними связанное. Ни при каких обстоятельствах. И уж точно, что не по доброй воле.

«Ужас!»

Иёю ничего на его вопрос не ответил, потому что все это знал заранее, и ощущения Кержак знал тоже.

– Я вас слушаю, – обреченно сказал Кержак, подозревая, что услышит сейчас что-то вполне сенсационное, но втайне опасаясь, что получил пломбу на память из-за какой-нибудь глупой ерунды.

– Хорошо, – кивнул Иёю и сделал еще один крошечный глоток кофе. – Итак. Мы все жители империи, Игорь. Это очень большая страна. Много планет, вращающихся вокруг многих солнц. Вы понимаете? Так вот. Сейчас империя переживает не лучшие дни. Плохое время, Игорь, очень плохое. Смутное время.

Иёю снова сделал глоток кофе и посмотрел на Кержак.

– Война, – сказал он. – Это во-первых. У нас, Игорь, сильный враг, и он имеет самые решительные намерения. И, во-вторых, переворот внутри империи. Детали пока вам ни к чему, но главное в том, что империя может лишиться самой своей сути. Стать чем-то другим, возможно, даже лучшим, чем то, что было до сих пор, а может быть, и худшим. А может быть, она и вовсе не уцелеет. Трудно сказать, трудно предполагать, но тем не менее одно очевидно. Что бы это ни было, оно неприемлемо для нас и многих других. Это, как вы понимаете, преамбула. Теперь о словах Кати.

Тут уже имелся явный подтекст. Йёю было не просто называть Катю этим именем. Кержак это почувствовал и не удивился. Что-то такое он и сам для себя уже вывел.

– Империя, Игорь, – снова заговорил Йёю, – существует три тысячи лет, и все это время империей правила одна и та же династия. Понимаете? В глазах очень многих людей империя и ее императоры неразделимы. Это одно целое. Но...

Договорить Йёю не успел. Его прервал Скиршакс.

– Извините, господа, – неожиданно сказал Скиршакс. – Но этот разговор нам придется продолжить в другое время и в другом месте. Получен приказ на срочную эвакуацию.

Он был явно озабочен, но отнюдь не растерян.

– Что случилось? – спросил Счёо, опередив Йёю, который, по-видимому, тоже собирался об этом спросить.

– Сорок минут назад на границе системы появился неопознанный корабль. Приборы крейсера зафиксировали след выхода из прыжка, но он пока далеко, и сказать о нем что-нибудь определенное невозможно.

«Ну началось, – решил Кержак. – Жили сами по себе и горя не знали. А теперь что? Проходной двор какой-то получается».

А в доме уже поднималась узнаваемая деловитая суета. Эвакуация!

Глава 3. Страна Утопия

– Ну, – сказал Виктор, проходя сквозь «дверь». – Раз не пидорас, два не считается, а на третий раз...

Макс, прошедший следом, только хмыкнул и решительно направился к лестнице, ведущей из подвала, в котором они оказались. В подвале было темно, это становилось уже традицией – попадать при переходе из света во тьму, но рассмотреть, что это помещение является подвалом, Виктор мог. Точно так же он достаточно отчетливо видел и крупные предметы – в данном случае бочки с пивом, загромождавшие подвал, – чтобы на них не налететь. О том, что именно зреет в бочках, ему поведал недвусмысленный пивной дух, стоявший под низким сводчатым потолком, такой густой, что сразу захотелось на воздух и кружку пива в придачу.

– На засов закрыта, – сообщил сверху Макс, обследовавший дверь. – Снаружи. И дверь железная.

– А на дворе ночь. – Виктор обнаружил маленькое глубокое оконце под потолком. За окном было чуть светлее, чем в подвале, но все равно темно.

– Наследим, – без особого сожаления в голосе подвел итог Макс. – Но не сидеть же нам здесь до утра?

Он достал из кармана свой УРИ, и тут же тьма шарахнулась от Макса, взорванная лучом ослепительного бело-голубого лезвия, в центре которого, если приглядеться, отчет-

ливо проступал густой фиолет. Виктор отвернулся и задействовал свой коммуникатор в режиме приема. Впрочем, пока вычислитель перебирал доступные радиочастоты, он достал из наплечной кобуры подаренный Гиди длинноствольный револьвер.

«Береженного Бог бережет, не так ли?» – подумал он, прислушиваясь к шумам исследуемого коммуникатором эфира.

К тому времени, когда Макс справился с дверью, Виктор услышал достаточно, чтобы понять – они находятся, как и было обещано, в Амстердаме. Немногочисленные радиостанции ночного эфира всюду трепались по-фламандски. Голландского Виктор не знал, но опознать среди других языков германской группы мог. Впрочем, когда он стал подниматься по лестнице вверх, к гостеприимно распахнутой Максом двери, коммуникатор зацепил несколько более слабую, чем голландские, но устойчиво принимаемую станцию, вещавшую на немецком языке. Виктор уже прошел внутрь закрытого на ночь паба, когда завершилось исполнение какого-то местного шлягера, в котором фигурировал любимый исполнительницей Ганс и не любимый ею Дитрих, и начались беседы в прямом эфире. В неведомом далеке прорезался писклявый голосок юной и, как почему-то подумалось Виктору, наверняка прыщавой Бригитты из Лейпцига, которая интересовалась, можно ли быть коммунаром-спартаковцем и одновременно лесбиянкой? Ведущий ночного эфира для неспящей продвинутой молодежи полагал, что одно не

мешает другому, потому что... Но слушать этот бред Виктор считал излишним и запустил коммуникатор на дальнейшие поиски. Русское радио он поймал как раз тогда, когда, вскрыв кухонную дверь, они с Максом выбрались в темный и пустой задний двор. За подворотней лежала неплохо освещенная и тоже пустая улица, а дикторша с красивым грудным голосом рассказывала полуночникам о трагической и прекрасной судьбе и духовных исканиях поэта Николая Клюева.

«Кучеряво! – восхитился Виктор, осторожно выглядывая из подворотни на улицу. – Хорошо, хоть пролетарским по-этом не обозвали. А так что ж, можно и Клюева».

Улица была пуста. Они вышли из подворотни и неторопливо пошли туда, где за домами угадывалось мерцающее, далекое еще море огней и где соответственно предполагался городской центр. Итак, они в Амстердаме, и хотя это был совсем не тот Амстердам, который давно и совсем не плохо знал Виктор, само имя города направило его мысли по вполне определенному руслу. По сути, это были мысли не о том месте, где они находились с Максом сейчас, и даже вовсе не актуальные мысли, если честно, а воспоминания о мыслях, имевших место быть давным-давно и совершенно по другому поводу. Дело в том, что парадоксальным образом в сознании Виктора всегда уживались, не мешая один другому, но и не смешиваясь, не пересекаясь, два совершенно не совпадающих образа этого города.

Один – исключительно абстрактный, почерпнутый в ос-

новном из литературы, рассказов других людей и прочих тому подобных источников. Образ шумного сумасшедшего Амстердама-Вавилона, где в кофе-шопах явственно ощутим сладковатый запах граса, где узкие ночные улицы полны искателей приключений на свою голову, текущих плотной толпой мимо витрин с неаппетитными «девочками»; города, где крутятся большие деньги, где работает казино, где голландское пиво и шотландский виски пьются легко и в больших количествах вместе со всеми другими возможными в данных обстоятельствах напитками. Но параллельно этому веселому и беспечному Амстердаму в сознании Виктора существовал и другой Амстердам, город кровавых схваток с агентами семи разных разведок; схваток, в которых поучаствовал Виктор лично в долгое и бурное предвоенное десятилетие. И темный, суровый, выстуженный дождями и ветрами Амстердам сорок второго, в который занесла его нелегкая во время страшного «транзита в Непал», за который он получил в сорок четвертом орден Ленина, а в сорок шестом чуть не получил двадцать лет лагерей или шесть граммов свинца в затылок. Такой Амстердам Виктор помнил тоже...

Утро они встретили в харчевне для шоферов и портовых рабочих, которая то ли вовсе не закрывалась на ночь, работая в круглосуточном режиме, то ли открывалась настолько рано, что в шесть часов утра низкое, но обширное полуподвальное помещение было уже затянуто плотными клубя-

ми табачного дыма. Здесь царила полумгла и играла громкая музыка: кто-то что-то пел, вернее быстро и неразборчиво произносил ритмичным речитативом по-голландски. Народу было немного, и они легко нашли себе столик, стоящий как бы в стороне и в тени, хотя и под окном, косо уходящим вверх сквозь толстую кирпичную стену. Они сели, и Виктор сразу же закурил, предпочитая дышать своим дымом, а не чужим.

Деньги и одежду они добыли два часа назад старым испытанным способом, вскрыв двери пары магазинчиков в темных переулках старого города. Так что обмундированием они не выделялись; копейки на первый случай имелись, а в смысле документов решено было ими озаботиться, но несколько позже, а пока, если что, косить под русских товарищей. Русские товарищи должны были по идее быть и в этом мире такими же разгильдяями, как и в их собственном, если, конечно, здесь не произошло каких-то по-настоящему драматических изменений в национальной психологии.

Макс подозвал официантку, не отпуская ее, быстро просмотрел меню и заказал две порции жаркого с картофелем и брокколи.

– И пиво, – сказал он в завершение, ткнув пальцем в меню. – Вот это и еще, пожалуй, это. Две порции. Вы меня понимаете?

Он говорил по-немецки, но, как видно, немецкий кельнерша знала или хотя бы понимала, потому что слушала

Макса со вполне осмысленным выражением лица и кивала в строго положенных местах.

– Что означает *это* и *это*? – уточнил Виктор, когда кельнерша, перезревшая девушка лет тридцати, неторопливо отплыла от их столика и растворилась в дымной, подсвеченной желтоватыми лампами полумгле зала.

– А черт его знает, – пожал плечами Макс. – Пиво называется Mestreech Aajt, темное, но я такого сорта не помню. Я «Хайнекен» пил, а водку помню – гадость, но пить можно. «Кетель». Впрочем, у нас она называлась как-то по-другому. «Кетель оне», может быть? Биться об заклад не буду.

– И не спорь, – согласился Виктор. – Идеи имеются?

– Поедим, отдохнем, – предложил Макс.

– Погуляем по городу, посмотримся, – продолжил Виктор в той же тональности.

– Часов до десяти.

– Почему именно до десяти?

– Университетская библиотека уже наверняка откроется.

– А! – сказал на это Виктор. – Пожалуй, это лучше, чем покупать книги в магазине. Мы в магазине купим тетрадки и ручки.

– Будем конспектировать, – поддержал его Макс. – До вечера надо снять девочек.

– Вот в библиотеке и снимем, – согласился Виктор. – Не может быть, чтобы у них в библиотеке не оказалось парочки шмар. Амстердам все-таки. Или при советской власти все

повывелись?

– В СССР не было проституток? – усмехнулся Макс.

– Были, но нам ведь не проститутки нужны, а...

– ...студентки, – закончил за него Макс. – А строй у них народно-демократический, если я ничего не путаю.

– По большому счету... – начал Виктор, но тут вернулась давешняя кельнерша, оказавшаяся на редкость оперативной. Она принесла мясо, пиво и водку и даже пожелала им приятного аппетита на вполне сносном немецком языке.

– По большому счету нам не стоит болтаться в одном и том же месте больше одного дня, – сказал Макс и отхлебнул из бокала. – Нормально, – сказал он спустя секунду.

– Да, – подтвердил Виктор, которому пиво тоже скорее понравилось, чем наоборот. – Вполне. Как тебе идея идти морем?

– Боюсь, что для этого нам сначала придется долго изучать ситуацию и навигацию, а это было бы неприятно.

– Увы, ты прав, Макс, – грустно усмехнулся Виктор. – Это я так не смешно шучу. Просто домой ужас как хочется, а здесь по прямой до Питера всего ничего.

– Да, – кивнул Макс, взявшийся между тем за мясо. – Я тебя хорошо понимаю. Я тоже соскучился...

В харчевне, «за водочкой и пивком», они просидели почти до восьми, но в конце концов вынуждены были выйти на свет. Не то это было место, чтобы сидеть в нем до бесконечности, не вызывая при этом опасного в их положении любо-

пытства. И они отправились гулять. Они неспешно дошли до Нового Рынка, а там было уже рукой подать до Дамрак, куда они было уже и направились, когда Виктор углядел впереди группу туристов. Туристы глазели по сторонам, фотографировали все подряд и громко выражали свои мысли и эмоции вслух на великом и могучем русском языке.

– Ты когда последний раз по карманам шарил? – спросил он, задумчиво изучая туристов.

– Не помню, – откликнулся Макс. – Думаешь?

– Думаю, – подтвердил Виктор, решивший, что не может быть, чтобы среди двух десятков туристов не нашлось ни одного, похожего, пусть и отдаленно, на него или Макса. – Иди-ка ты, Макс, в библиотеку, разбирайся в ситуации и ищи ночлег, а я займусь документами.

– Можно и наоборот, – предложил Макс.

– Можно, – согласился Виктор. – Но я первый предложил.

– Хорошо, – кивнул Макс. – Встречаемся в шесть вечера у вокзала.

– Почему у вокзала? – не понял Виктор.

– А где? – с интересом спросил Макс.

– А! – понял Виктор. – Ну да. Вокзал, он всегда вокзал. Ладно. У первой платформы.

И Виктор стал неторопливо нагонять туристов. Сделать это было тем более просто, что уж эти-то точно никуда не спешили. Впрочем, эта первая на его пути группа оказалась практически бесполезной. В ней не нашлось никого, кто бы

ему приглянулся, но вместе с шумной компанией тамбовских рабочих Виктор проник уже ближе к обеду в огромную гостиницу, где не только пообедал на халяву, но и порезвился от всей души среди простых и сердечных соотечественников.

День удался. К четырем часам дня Виктор оказался обладателем двух комплектов надежных документов и довольно крупной суммы денег в рублях, гульденах и «сосках», как называли советские товарищи денежные знаки Совета Социалистической Кооперации, имевшие хождение во всех странах социалистического содружества. За время блужданий по городу он выяснил, что вокзал остался в Амстердаме на прежнем месте и никакого другого, нового, вокзала в городе не появилось, так что где искать Макса, он представлял, и по случаю – конечный пункт его затянувшейся прогулки находился совсем недалеко от Центрального вокзала. Поэтому оставшееся до встречи время Виктор использовал с толком и со смыслом. Он постригся по местной моде, то есть так коротко, как «не стригся» со времен, когда был полностью лыс. Затем он переоделся, честно купив одежду в большом универмаге на Nieuwezijds на уворованные у тружеников города и села деньги, выпил кофе с рюмочкой французского коньяка в bruin cafe⁵ на Stromarkt и без четверти шесть уже прогуливался по Stationplain вдоль дивной красоты фасада старого вокзала.

⁵ Bruin cafe – «коричневое» кафе; заведения, напоминающие лондонские пабы.

«Жизнь прекрасна», – решил он, с удовольствием щурясь на заходящее солнце.

Погода вполне соответствовала его настроению, она была не по-амстердамски ясной и теплой. Виктор чувствовал, все будет хорошо. Все просто обязано было быть хорошо, но будет, он знал, еще лучше, потому что он – Виктор. А Виктор означает победитель.

«Пришел, увидел, победил, – усмехнулся он, затягиваясь. – Нет, не так. Пришли, увидели, победили. Мы с Максом. Виктор и Макс это вам, хлопцы, не Бонни и Клайд. Мы круче будем!»

В этот момент он увидел Макса и получил, таким образом, еще одно подтверждение своей теории. Судя по всему, Макс тоже выполнил все стоявшие перед ним задачи на ять. На обеих руках могучего Макса висело по упитанной блондинке, вокруг шеи был повязан черный платок, а длинные волосы были собраны в понитейл. Макс тоже переоделся и выглядел сейчас, как преуспевающий деятель культуры. Ну где-то так.

– О! – сказал Макс, приближаясь. Он говорил по-немецки. – Вот и он! Знакомьтесь, это...

– Георгий, – шутейно поклонился Виктор. – Но вы можете звать меня Гошей.

– Хейди, – сказала левая блондинка. – Ты русский?

– Лин, – представилась правая. – Хейди, Макс же сказал, что его друг русский.

Обе говорили по-русски с очень сильным акцентом, хотя и правильно. Обе были студентками и, по-видимому, были не против немного погулять. Во всех смыслах.

Ну а дальше все пошло своим чередом, то есть как по писаному. Амстердам и в этой реальности остался самым собой. Ему даже народная демократия не смогла мозги вправить. В смысле, черного кобеля добела отмывать замучаешься.

«А все-таки интересно, – думал Виктор, когда, перезнакомившись, они отправились гулять по городу. – В чем тут дело? Ведь северный вроде народ?»

Но с другой стороны, продолжал он рассуждать про себя, ведя одновременно непринужденную светскую беседу, которая по необходимости состояла из сплошных неприличных анекдотов, в их родной реальности именно немцы, шведы и прочие голландцы едва ли не первыми на Западе отшумели свою великую сексуальную революцию.

«И может быть, они-то и были правы. Живут как люди, и все им по барабану!» – решил он и уже полностью переключился на беседу.

Между тем погода, как это часто случается в Амстердаме, начала портиться, и начавшийся чуть погода дождик загнал их в бар. Для полноценного загула время было еще детское, но вместе с кофе они употребили по паре бокалов бренди, так что настроение – если иметь в виду девушек, конечно, – начало стремительно подниматься, хотя и так не на нуле сто-

ялю.

– Нет, – объяснил Виктор, покуривая русскую папироску – земляки угостили его пачкой одесского «Беломора», – мы не исторический роман пишем. Мы с коллегой Максом работаем в жанре альтернативной истории.

– Ja, ja! – весело подтвердил Макс. – Die alternative Geschichte⁶. Это про то, что могло бы быть, но чего не случилось никогда.

– А зачем же про это писать? – удивилась несколько прямолинейная Лин. Более простодушной Хейди на эти философские тонкости было наплевать.

– А затем, что, во-первых, это интересно, – наставительно поднял палец Виктор. – Игра ума, полет фантазии... Ну ты понимаешь?

– О да! Да, я понимаю! – У Хейди был грудной голос, полный обещания претворить понимание в действие так скоро, как только будет возможно.

Бренди разогрел девушек, дождь временно перестал, но хмурое небо обещало холодный и дождливый вечер, и компания решила перебраться под надежную крышу квартиры, которую снимали в Амстердаме Хейди и Лин.

– Итак, я продолжаю, – сказал Виктор, когда, покинув бар, они под легким морозящим дождем отправились на квартиру к девушкам. Виктор был рад, что удалось найти такую удачную и, похоже, напрочь лишенную актуальности тему,

⁶ Альтернативная история (нем.).

как альтернативная история.

– Про интерес я вам уже говорил, – сказал он, а его рука между тем начала неторопливое путешествие по спине Хейди сверху вниз. Плавно, медленно, но неумолимо. – Это во-первых, а во-вторых, это ведь весьма эффективный метод моделирования исторических процессов.

– Но этим, кажется, занимаются историки, разве нет? – спросила Лин, которая, судя по всему, была из тех людей, которые никогда не путают дело и «потеху». Огромная ладонь Макса, как-то ненароком сместившаяся с ее плеча на полную грудь, ей не мешала, но и на ход ее мыслей, по-видимому, не влияла.

– Нет, сладкая моя, – возразил Виктор. – Историки лишь пытаются воссоздать ход реальных событий. Реконструировать то, что уже случилось. Мы же пытаемся понять, как складываются исторические события. Случайны ли они, или неизбежны. Детерминизм и неопределенность, как единство и борьба противоположностей.

Макс с интересом посмотрел на Виктора, но ничего не сказал, предоставив Виктору витийствовать и дальше.

– Но Гегель... – Лин была не намерена сдаваться без боя, во всяком случае, не в концептуальной дискуссии.

– А зачем нам сейчас Гегель? – искренне удивился Виктор. – Мы, между прочим, не решили еще, что будем пить.

Дискуссии по этому поводу, однако, не получилось. Де-вушки предложили шнапс, но в результате с легкостью со-

гласились на русскую водку. Макс с видимым и понятным только Виктору облегчением оставил в покое выдающуюся во всех отношениях грудь Лин и отправился покупать водку, пока Виктор и девушки покупали хлеб, сыр и ветчину. Четыре бутылки «Юбилейной», небрежно схваченные за горлышки могучими пальцами Макса, произвели на Хейди и Лин сильное впечатление.

– Не волнуйтесь, барышни, – поспешил успокоить их Виктор. – Три бутылки выпьет Макс, еще одну – я, а вам, боюсь, придется пить воду из-под крана.

Девушки шутку оценили и тут же начали смеяться, но им было неизвестно, что в этой шутке, как и следует быть, было место и шутке и истинной правде. И чего в ней было больше, могло показать только время. Или опыт. Которые в данном случае были одним и тем же.

«Надо было брать пять», – с сожалением подумал Виктор, которого, как истинно военного человека, вопросы логистики и снабжения всегда волновали как бы и не поболее, чем тактические и стратегические изыски.

– И все-таки, – продолжала допытываться Лин, когда, поднявшись на четвертый, последний, этаж, они расселись вокруг небольшого стола в крошечной гостиной их квартиры. – И все-таки! Чем тогда социалистическая по форме и содержанию альтернатива должна отличаться от буржуазной? Она же должна чем-то отличаться, ведь правда?

«Вот ведь настырная девка! – подумал с раздражением

Виктор. – Если она еще и в постели такая же зануда, я Максу не завидую».

Но вслух он этого, естественно, не сказал, тем более что инициативу перехватил почувствовавший его состояние Макс.

– Правда, – кивнул Макс, принимая эстафету, и начал разливать «Юбилейную» по низким тяжелым стаканам с толстым дном. – Мы рассматриваем варианты, а американцы пишут о несбывшемся. Ты чувствуешь разницу, Лин?

– Но ведь и вы пишете о том, чего не было! – Лин так просто уgomониться не могла.

– Так, да не так, – усмехнулся Макс. – Прозит!

Он опрокинул в глотку полный стакан «огненной воды», «закусил» восхищением в глазах обеих фемин и продолжил объяснять Лин основы социалистической теории альтернативной истории.

– Вероятности – вот ключевое слово. – Макс назидательно поднял указательный палец. Палец у него, как с усмешкой отметил Виктор, был таких размеров, что с легкостью мог привлечь внимание не только двух захмелевших девиц, а смеяться мог заставить целую толпу дураков. – Мы занимаемся исследованием вероятностей и вариантов, притом вариантов обязательно убедительных, выдерживающих проверку реальными, объективными фактами истории.

Макс сделал короткую паузу, разом уполовинив содержимое стакана, и продолжил:

– Вот вам, девушки, навскидку два примера о роли личности в истории. Вы знаете, кто такой Ленин?

– Ленин? – переспросила Хейди, которая, судя по выражению ее лица, про Ленина услышала впервые в жизни.

Но вот Лин, изучавшая социологию и историю экономических учений, как оказалось, кое-что о Ленине знала.

– Ты имеешь в виду Ульянова? – деловито спросила она. – Он, кажется, был членом ВРК вместе со Свердловым и Дзержинским?

– Да, – усмехнулся Макс, бросив мимолетный взгляд на Виктора. В его взгляде было столько иронии, сколько поместилось. – Да, Лин, он был тогда в Петрограде. И был он, между прочим, первым предсовнаркома Республики.

– Вау! – Хейди удивленно раскрыла свои небесно-голубые глаза, в которых, впрочем, было сейчас больше алкогольного энтузиазма, чем здравого смысла.

– Точно, – нахмурила лоб Лин, пытавшаяся, видимо, припомнить стершиеся из памяти за ненадобностью подробности.

– Именно, – подтвердил Макс. – И это был, девушки, очень и очень многообещающий политик. И не погибни он летом восемнадцатого, кто знает, какими путями пошла бы в дальнейшем история русской революции.

– А разве у революции могли быть другие пути? – Хейди, кажется, даже протрезвела от такой крамольной мысли.

– А почему нет? – пожал плечами Макс.

– Да, – неожиданно поддержала его Лин. – Могли. Ульянов же был за военный коммунизм и против НЭПа, ведь так?

– Ну где-то так, – вынужден был согласиться Виктор, ругая в душе Макса на чем свет стоит за то, что тот полез в такие дебри. Черт их знает, этих нынешних европейских коммунистов, что они там, вернее здесь, себе думают.

– Вот видите, – усмехнулся Макс. – Та же революция, в той же самой стране, одни и те же люди, но замена одной ключевой фигуры на другую, возможно, – я уточняю, возможно не значит обязательно – могла изменить ход событий самым драматическим образом. Или нет.

– Красиво, – согласилась Лин и подняла свой стакан. – За вариативность истории, геноссен, и за то, что все состоялось так, как состоялось.

Тост всем понравился, и они дружно выпили за неизменность исторической последовательности.

– А второй пример? – вспомнила Лин, глаза которой блестели теперь так же, как и глаза Хейди.

– Второй? – задумчиво переспросил Макс, откидываясь на спинку стула. – Извольте, есть и второй.

Он разлил водку по опустевшим стаканам и продолжил свой мысленный эксперимент с двумя историями одной и той же революции. Виктору показалось даже, что Макс получает от этого какое-то извращенное, по мнению Виктора, удовольствие.

«Ну-ну, – подумал он с сарказмом, – чем бы дитя ни те-

шилось! А девки все равно пьяные, им чего не расскажешь, все будет в струю».

– Второй пример относится к тому же времени, что и первый. К лету тысяча девятьсот восемнадцатого.

Макс замолчал на секунду, видимо, формулируя свою «гипотезу».

– Ну же! – попросила Лин, придвигаясь ближе и заглядывая снизу вверх то ли в глаза Макс, то ли ему в рот. – Ну же, гер профессор!

– Летом восемнадцатого, – немецкий акцент Макса стал отчего-то более жестким, очевидным, – обострились отношения между большевиками и левыми социалистами-революционерами.

– Эсерами, – блеснула неожиданной эрудицией Хейди и пьяно засмеялась, довольная собой.

– Эсерами, – согласился Макс, одобрительно кивнув смешливой девушке. – Причины разногласий были, естественно, исключительно идеологического характера, но в подоплеке имел место личный конфликт, я бы сказал, личностная несовместимость того самого Ульянова, о котором мы уже говорили, и некоторых лидеров социалистов. Так вот, конфликт интересов едва не привел к военному мятежу, но в последний момент Дзержинскому удалось договориться с Александровичем, и кризис был преодолен. Эсеры остались в правительстве, а правительство, в свою очередь, осталось коалиционным, но ситуация в июле восемнадцато-

го была очень и очень напряженная. Еще чуть, и полыхнуло бы!

– Не преувеличивай, Макс, – возразил Виктор, тоже помнивший это место в «Кратком курсе». – Ну какая такая большая беда могла бы случиться? Отодвинули бы эсеров, и всех дел. Их и было-то всего ничего.

– Не скажи. – Макс взял со стола пачку «Беломора», выудил одну папиросу, обстоятельно обстучал ее о ноготь большого пальца («И где только научился, мерзавец!» – восхитился Виктор.), закурил. – Ты не забыл, часом, кто командовал РККА в освободительном походе?

– А! – понял Виктор его логику. – Вот ты о чем.

– Именно, – подтвердил довольный Макс.

– Вы о чем? – поинтересовалась Лин.

– О том, – объяснил Макс, – что главкомом Красной армии в тридцать девятом – сороковом годах был маршал Муравьев⁷, а он, между прочим, в тысяча девятьсот восемнадцатом еще большевиком не был. Муравьев был как раз эсером, как и начальник Генштаба, маршал Егоров, кстати. И вот представьте, сложились дела не так, как сложились, как бы повели себя эти двое? Муравьев ведь тогда фронтом командовал...

– Ты думаешь, маршал мог поднять мятеж? – с ужасом

⁷ *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880–1918) – левый эсер, подполковник Царской армии, с 13 июня 1918 года главнокомандующий войсками Восточного фронта. После левоэсеровского мятежа 1918 года в Москве Муравьев поднял мятеж в Симбирске. Убит при вооруженном сопротивлении аресту.

спросила Хейди.

– Вот этим и занимается социалистическая альтернативная история, – усмехнулся ей в ответ Макс. – Она исследует возможности, варианты событий, проверяет историю на прочность. Теперь понятно?

Он выпил водки и, загасив папиросу в пепельнице, перешел ко второй части вопроса.

– А вот буржуазные альтисторики по своей природе реваншисты. Они сублимируют в своих фантазиях собственный комплекс неполноценности. Свое ощущение обреченности и тотального поражения в историческом споре с социализмом.

«Что он несет? – с опаской подумал Виктор, принимая на себя функции разливающего. – А если нет?»

Но оказалось, что опасался он напрасно. Макс попал в точку.

– Ты имеешь в виду «Два Торнадо» Бёрчера? – спросила Хейди, до этого игравшая роль пассивного слушателя.

– И его тоже, – уклончиво ответил Макс, который, как и Виктор, понятия не имел, кто такой этот Бёрчер («Bircher, надо полагать») и что за книгу он там написал.

– Да, возможно, ты прав. – Лин задумчиво сделала несколько глотков из своего стакана и поперхнулась.

– А мне фильм понравился, – сказала Хейди, перелезая со стула на колени к Виктору. – Я книжку не читала, а фильм смотрела, когда была декада американского кино.

– Мне тоже, – оживилась откашлявшаяся наконец Лин.

Она посмотрела на то, как уютно устроилась в объятиях Виктора Хейди, и, по-видимому, решила не отставать.

– Особенно мне понравилась Кенди Райз в роли пилота Спитфаера⁸, – сказала она, непринужденно пересаживаясь на колени Макса. – А тебе, Макс, фильм понравился?

– Нет, не понравился, – твердо ответил Макс, разливая «Юбилейную» по стаканам. – Идеологически чуждый, игра актеров никакая, и секс, между нами, какой-то простой.

– Ну тут ты не прав, – возразил Виктор, опрокинув в себя очередную порцию и вслушиваясь в то, как жидкий огонь пронзает его сверху донизу. – Секс он и есть секс. Или так, или раком.

Его реплика послужила сигналом к окончанию дискуссии. Опасный разговор – а опасными для них, если честно, были все без исключения разговоры – угас сам собою, сменившись нечленораздельными репликами, вздохами, шуршанием одежды и, наконец, стонами.

«Хочешь жить, умей!..» – мимолетно подумал Виктор, упираясь взглядом в белый упругий зад Хейди...

Он проснулся рано. Его внутренние часы еще не успели настроиться на местное время – «Даст бог, и не надо будет!» Но общее ощущение было именно такое, часов на шесть утра. Так оно примерно и оказалось. 06:47.

⁸ *Спитфаер* – Supermarine SPITFIRE Mk. II – Mk.47, английский истребитель Второй мировой войны.

«Ну не то чтобы так уж и рано, – решил он, бесшумно покидая постель, где тихо посапывала во сне совершенно голая Хейди. – Вполне».

Виктор аккуратно накрыл девушку одеялом и стал быстро одеваться. Это не заняло у него много времени, чай, не парадный мундир черного полковника, и уже через минуту он был в гостиной, где его ждал одетый и умытый Макс. Собственно, осторожные движения Макса Виктора и разбудили. Кивнув другу, Виктор так же бесшумно проскользнул в ванную и быстро умылся. Им обоим не мешало бы и побриться, но это можно было сделать и позднее, в какой-нибудь парикмахерской, типа той, где он стригся накануне.

Они покинули квартиру, предоставившую им вполне приличный ночлег, так и не потревожив спящих девушек. Оно и к лучшему. Продолжения у этого приключения быть не могло.

Погода снова была приличной, и они, не торопясь, пошли в сторону центра.

– Я так понимаю, у тебя есть план, – сказал Виктор, раздумывая над тем, закурить ли ему натошак и всухую, или подождать, пока на их пути не появится какое-нибудь рано открывающееся кафе.

– Непременно, – сразу же откликнулся Макс. – Мы уезжаем.

– Куда? Когда? И как? – поинтересовался Виктор, решивший, что ждать не будет.

– В Берлин, – ответил Макс. – Не озирайся, тут есть кафе, которое открывается в семь. Я вчера по дороге заметил.

– Значит, на поезде поедem, – кивнул Виктор, закуривая.

– Это ты решил, потому что мы идем, к вокзалу? – хмыкнул Макс. – Зря. С Центрального вокзала можно и в Схинхол⁹ ехать.

– Тоже мне ребус. – Виктор вернул Максy ухмылку и затянулся. – Если бы мы собирались лететь, ты бы так и сказал: улетаем. А ты сказал: уезжаем.

– ОК, – Макс не стал спорить. – Как у нас с документами?

– Есть у нас документы. – Виктор достал из внутреннего кармана пиджака краснокожий паспорт и протянул Максy. – Как тебе?

Макс раскрыл паспорт, внимательно изучил первую страницу с фотографией, пролистнул страницы.

– Гусаров Петр Аркадьевич, – произнес он вслух, как бы пробуя имя на вкус. – Хорошо. А тебя как зовут?

– Золотников, – представился Виктор. – Виктор Сигизмундович.

– Что, правда? – удивился Макс.

– Правда, – смущенно подтвердил Виктор. – Такое, понимаешь, совпадение.

– Ну-ну, – усмехнулся Макс. – Бог шельму метит, не так ли?

– А ты, оказывается, талантливый ученик, – рассмеялся

⁹ *Схинхол* – аэропорт Амстердама.

Виктор.

Макс тоже рассмеялся, а тут как раз и кафе обещанное на их пути возникло, так что обсуждение дальнейших планов и деталей их осуществления они продолжили в полупустом по утреннему времени кафе. А уже через три часа желтый с синей полосой экспресс уносил их прочь от Амстердама.

Они устроились на втором этаже вагона для курящих, бросили рядом с собой легкие дорожные сумки и отдались извечной магии пути. Все у них было сейчас не настоящее, хотя бы те же сумки, приобретенные всего за час до отъезда, в которых кроме самых необходимых вещей в основном лежали газеты и журналы. И прессу они тоже купили перед самым отправлением в киоске напротив станции. Но дорога-то была настоящая. Настоящий поезд стучал колесами, настоящие люди ехали кто куда, и вместе с ними куда-то – в Берлин! – ехали и они с Максом.

За окном проносились пейзажи, которые, с одной стороны, были точно такими, какими Виктор их помнил, но к которым, с другой стороны, он относился сейчас совсем не так, как к обычным видам знакомой страны. Он ведь оказался в ином мире, в иной реальности; и пейзажи эти были, следовательно, пейзажами иного мира. Ну, типа, «первые люди на Луне» или «этот маленький шаг...». В таком разрезе.

Газеты, к его удивлению, в большинстве своем носили те же названия, что и в их мире, и писали, в общем-то, о том же самом, о чем писали у них дома. Во всяком случае, десять

лет назад писали. Впрочем, имелись конечно же и различия. В Италии, к примеру, на носу были выборы, и в «Берлинер цайтунг» живо обсуждался вопрос противостояния коммунистов социалистам, объединившимся с христианскими демократами. Автор редакционной статьи полагал, однако, что после трех лет правления социалистического правительства избиратель проголосует за коммунистов, идущих на выборы в коалиции с левыми радикалами и анархистами.

«Веселые люди эти итальянцы, — с уважением подумал Виктор. — Умеют жить нескучно...»

Берлин встретил их моросящим дождем, который, впрочем, успел иссякнуть к тому времени, когда Виктор и Макс выяснили, что билеты есть только на экспресс «Красная Заря», следующий из Парижа в Дзержинск через Берлин, Варшаву и Троцк. Увы, до отправления поезда оставалось еще больше восьми часов, и за неимением других идей они решили прогуляться по городу, благо и дождь перестал.

Здесьшний Берлин производил очень странное, если не сказать тягостное, впечатление. С одной стороны, Виктор с удивлением и даже, пожалуй, с оторопью узнавал тот старый довоенный кайзеровский еще Берлин, который успел застать и запомнить по началу тридцатых годов. А с другой стороны, даже его, Виктора, хорошо помнившего и Берлин социалистический, восточный, ужасно раздражала новая застройка города, которая нисколько не делала его лучше, чем он был

когда-то, но уж точно уродовала его еще больше. Кроме того, если в Амстердаме признаки социализма хоть и присутствовали, но существовали как бы вторым планом, не мешая и не раздражая, то немцы, как, впрочем, и следовало ожидать, оказались большими коммунистами, чем их советские товарищи. Бесконечные монументы, обелиски, памятные знаки и мемориальные доски вполне ожидаемого содержания буквально вгоняли в тоску. А обилие кумачовых транспарантов на улицах, по которым они с Максом шли, заставляло задаваться совершенно дурацким вопросом, не перепутал ли Виктор даты, и не Первое ли мая на дворе? Макс, по-видимому, чувствовал себя не лучше. В конце концов, помаявшись на серых с красным берлинских улицах пару часов, они решили сходить на Унтер-ден-Линден, посмотреть на старые липы, если те, конечно, сохранились, и ехать обратно на вокзал. На такси, естественно. Потому что смотреть Берлин «ногами» уже не хотелось.

Перекусив в каком-то безликом, но чистеньком кафе на Потсдамер-плац, они пошли дальше по Лейпцигер-штрассе, чтобы по одной из перпендикулярных улиц выйти потом к Унтер-ден-Линден. Однако на Лейпцигер-плац их ждала встреча с еще одним образцом монументальной пропаганды, но таким, что мимо него они пройти просто не могли. У основания высокого гранитного обелиска в форме трехгранного штыка застыли приподнятые над землей и устремленные вверх, как будто в боевом порыве, танки БТ-7 и Т-34. Над-

пись на двух языках, врезанная золотом в темно-серый гранит, сообщала, что 17 июня 1940 года первыми ворвались в Берлин танкисты, кавалеристы и пехотинцы Второй ударной армии под командованием командарма второго ранга Чайковского. Ниже перечислялись соединения РККА, участвовавшие в достопамятной операции, фактически положившей конец Второй мировой войне и завершившей освободительный поход Красной армии. Виктор внимательно просмотрел список. Некоторые имена, как он и ожидал, оказались знакомыми. Были среди них и комкор Рокоссовский, и комдив Жуков, и комбриг Павлов, но были и другие, не то чтобы совсем уж не знакомые – что-то такое ворохнулось в памяти, но и не из тех, что на слуху. Комкор Магер, комдив Евдокимов, комдив Грачев, комдив Давидовский...

– Поехали на вокзал, Федя, – нарушил молчание Макс. – Ну их на хрен, эти липы гребаные! А на вокзале должен быть ресторан. Посидим, выпьем... Об альтернативной истории поговорим.

Виктор не удивился. Макс озвучил и его мысли, и даже, что характерно, его собственными, Виктора, словами. И в самом деле, на что им эти липы сдались!

– Поехали, – согласился он. На душе было пасмурно, как и в небе над Берлином. Муторно было. Неоднозначные чувства всколыхнула в его душе короткая, в общем-то, прогулка по столице социалистической Германии.

Глава 4. Предчувствие

«Что было, я знаю, – сказала она себе. – Что будет, не знает никто. А чем сердце успокоится?»

Сердце, счастливое сердце Лики, бившееся сильно и радостно все десять имперских лет, певшее у нее в груди веселую и пряную песню любви и победы, снова узнало тоскливую прозу тревоги, познало горечь поражения и бегства, вспомнило давнюю печаль, наполнилось гневом и тоской. Но сейчас, сегодня и здесь, дело было не в этом. Дело было не в том, что жизнь Лики снова изменилась. Это ведь не сегодня случилось и даже не вчера. Жизнь изменилась, совершив крутой поворот, и – в который уж раз! – изменилась она сама, побывав за Краем Ночи. С этим всем Лика уже научилась жить, признала и приняла, как принимает рожденный под небом необоримое тяготение земли. Со всем этим она могла жить и жила уже долго – ведь разлука умножает печали и растягивает время, – жила, потому что ее держали безмерная любовь и безмерный гнев. Гнев стал лейтмотивом ее новой жизни, наполнил ее смыслом, облек плотью.

Изгнание не вечно, а жизнь... Жизнь продолжается.

«Которая по счету? – с горечью подумала она. – Сколько жизней у кошки? Семь или девять? И ведь барс тоже кошка, не так ли?»

Лика закрыла глаза, хотя с тем же успехом могла их и не

закрывать. Мелькающие за тонированным окном дома и машины ей не мешали. Чтобы вспомнить, как стояла она, объятая холодом наступающей зимы, одиночеством и ощущением поражения; стояла на голой скале, торчащей из свинцовых вод Ледяной, закрывать глаза или делать что-нибудь еще в том же роде ей было совершенно необязательно. Стоило только захотеть, и она снова была *там* и *тогда*. Ощущения были отчетливыми и яркими, такими настоящими, что страшно делалось, и приходила знобкая мысль, воспоминация ли это? Ничто из того, что определяло ее состояние *тогда* и *там*, где и когда она решалась на безнадежный по логике вещей отчаянный бросок «на прорыв», никуда не исчезло. Не ушло в забвение. Не было утрачено. Даже самая малость, ничтожная деталь, тень мысли или мимолетное ощущение – все это и много больше этого, войдя в нее однажды, осталось навсегда.

Лица поежилась – пусть и незаметно для окружающих, но поежилась, – представив в очередной – какой по счету? – раз, что в той особой грани реальности, *тогда* и *там*, она так и будет вечно стоять на высоте, под начавшим моросить холодным дождем, и с тоской и гневом прислушиваться к тому, как бьются в едином ритме три сердца. *Тогда...* Но продолжить мысль она не успела. Что-то опять случилось с ней и с ее миром.

Она почувствовала вдруг что-то такое, как будто птица коснулась сердца крылом. И больно и сладко. Ей захотелось

засмеяться и одновременно закричать.

Что?

Она бросила взгляд в окно. Мимо пронеслась улица Маяковского. Маяковского? Там, в глубине, если вернуться и свернуть, находилась Снегиревка. И что? При чем здесь родильный дом? При том, что в нем когда-то родилась она сама? Или дело в другом? Лифшиц? Но Лифшиц ей не нужен. Ведь это смешно. На самом деле смешно. Что она скажет маленькому сухонькому Лифшицу? «Здравствуйте, Александр Исаакович, – скажет она ему. – Вы меня помните, профессор? Я Лика, я у вас училась... У меня, видите ли, возник вопрос. Возможно ли?» О господи! Ну конечно, невозможно. Вот профессор-то удивится! Да и жив ли Лифшиц вообще?

«Нет, – решила она. – Не то. А что тогда?»

Что-то...

– Стой, – сказала Лика водителю, и Дима Чалик, не переспрашивая и не ожидая дополнительных инструкций, резко и рискованно – хотя тут как сказать, на их-то танке – вывернул из потока и плавно затормозил, притерев огромный «хаммер» к обрезу мостовой.

Стараясь не обращать внимания на взгляды Вики, Кержака и Скиршакса, Лика бросила короткое «Прогуляемся» и выбралась из салона на залитый солнцем Невский. Сейчас они находились всего метрах в сорока от устья улицы Бродского.

«Или ее уже переименовали обратно? Неважно, – отмах-

нулась она. – Какая разница, как она теперь называется. Туда? Можно и туда, – в раздражении подумала она, оглядывая улицу. – А можно...»

Погожий день с ясным голубым небом и не по-весеннему жарким солнцем – такой редкий, неожиданный-негаданный в сыром и хмуром большую часть года Питере заставил горожан раздеться и переодеться. Но и это не помогло. После империи ощущение было такое, что городу и людям не хватает света и цвета. Краски были приглушенные и тяготели к простой дихотомии: черный – белый. А вот темп движения был непривычно, все еще непривычно, быстрым. Люди шли быстро. Может быть, они спешили, а может быть – нет, но в любом случае их было слишком много, и двигались они, с точки зрения Лики, слишком быстро. Улица («Ну да, я помню, что проспект!») буквально выдавливала чужаков, не готовых принять правила ее игры, на периферию, в сторону, в переулки.

«Суета, – подумала она с тоской. – Все это суета. Вот как это называется».

«Езжай к Спасу», – мысленно проартикулировала Лика, зная, что адаптер передаст распоряжение в систему речевой связи обеих машин, и направилась к «Европейской». За спиной обозначились вышедшая на режим боевого взвода Викина Маска и присутствие еще двух очень разных, но одинаково встревоженных сознаний. Вика догнала ее уже на втором-третьем шаге и пошла плечом к плечу, Скиршакс с Кер-

жаком, дипломатично приотстав, шли в нескольких шагах позади. Метрах в пятидесяти от них две симпатичные девушки – блондинка и рыженькая, выпорхнувшие из другого чёрного «хаммера», оживленно обсуждали, куда бы им направиться теперь, туда, *туда* или сюда?

«Уписаться можно от их конспирации, – раздраженно подумала Лика, вслушиваясь в корявый русский своих мечей. – Но ведь покупают!»

Прохожие покупали. Лица мужчин – всех до единого – были обращены к девушкам, и оживившиеся взгляды самозабвенно ласкали все, что у них выступало и круглилось, а этого у ее волчиц имелось в избытке. По местным понятиям, конечно. Впрочем, и по имперским стандартам обе были вполне ничего себе.

Лика шла не торопясь, не ускоряя шаг, отмечая мимолетно краем сознания волны внимания и отнюдь не праздного интереса, накатывавшиеся на них с Викторией со всех сторон. Им тоже доставалось. Вернее, им в первую очередь. Она буквально физически ощущала пряную смесь вожделения, восхищения и раздражения, клубившуюся вокруг них. А душа дрожала, встревоженная непонятно откуда пришедшим посланием, и недоумение и нетерпение гуляли в крови, как алкоголь или наркотик.

– Можно узнать, что случилось на этот раз? – сухо спросила по-английски Виктория, добавив к интонации вопроса пару-другую нот раздражения и даже сарказма. Конечно, ан-

глийский не Ахан-Гал-ши, но кое-что ей передать удалось.

– Не знаю, – честно призналась Лика. Она ведь и в самом деле не знала, и это незнание раздражало и утомляло, но было, как видно, частью игры. Предвидение – странная вещь. И страшная. – Не знаю, – повторила она. – Я что-то чувствую, – попыталась она объяснить подруге. – Только еще не поняла что.

Она помолчала секунду, пытаясь сформулировать свое невнятное озарение.

– Что-то происходит. – Она почти машинально достала из кармана пиджака кожаный портсигар и покачала его на ладони, как будто взвешивая. – Или произойдет в ближайшее время. Где-то здесь. – Лика сделала жест, приглашающий Вику оглядеться, и сама как будто впервые посмотрела вокруг, но новых подсказок не нашла. – Точнее не скажу. Пойдем.

Лика посмотрела в глаза Виктории и улыбнулась, как бы извиняясь за сумбурность своего ответа. И Вика вернула ей улыбку и протянула руку к портсигару.

– Дай и мне, что ли, – пропела она как ни в чем не бывало. Она теперь научилась петь и по-английски. Лика не понимала, как это возможно. Ей казалось, что английский язык приспособлен для этого гораздо хуже какого-нибудь итальянского или, скажем, русского языка. Тем более это не был Ахан-Гал-ши. Но Вика пела.

Они остановились на секунду, закуривая, – Кержак, уло-

вивший причину задержки, догнал их и галантно щелкнул своей зажигалкой – и пошли дальше. И тут слабый порыв теплого, пахнущего бензином ветра донес до нее едва уловимый запах кофе. Откуда? С чего бы? Но факт! И Лика сразу же захотела кофе и что-нибудь сладкое и жирное к нему. Вероятно, пирожное с кремом. И не одно. Мысль показалась ей соблазнительной, и отказывать себе в удовольствии было вроде бы не с чего. Ведь так? И она сразу и решительно изменила направление движения, свернув к гостинице. Сейчас ее вел аромат кофе, становившийся все более отчетливым с каждым шагом.

Миновав швейцара и каких-то дрейфующих по лобби отеля охранников, которые и представить себе не могли, какой ужас только что прошел мимо них в образе двух молодых и фантастически красивых женщин, Лика вывела всю компанию в кафе-дворик, совершенно не представляя при этом, куда идти и где тут что находится.

«Великая все-таки вещь инстинкт», – невесело усмехнулась она, рассматривая неожиданно открывшийся перед ними зал.

– Сядем здесь, если не возражаете, – сказала она Вике и мужчинам, указывая на приглянувшийся ей столик.

Они расселись без суеты, а к ним уже спешила издалека – зал был велик – официантка, и несколько пар мужских глаз – в кафе в этот час находилось очень мало посетителей – уставились на нее. На них. Но через минуту примерно объяви-

лись в кафе весело щебечущие блондинки и оттянули хоть немного одеяло на себя.

Лика раскрыла папку меню, пробежала быстрым взглядом позиции, не разбирая, где написано по-русски, а где по-английски, прислушалась к своим ощущениям и, улыбнувшись официантке, сказала:

– Три двойных маленьких эспresso... нет, пожалуй, четыре, и попросите сварить как следует, я заплачу.

Официантка начала было что-то говорить о том, что у них всегда делают хороший кофе, но Лика отмахнулась от ее слов, как от назойливого насекомого.

«Ну что, в самом-то деле?!»

– Полно, – сказала она строгим голосом. – Я же сказала, что заплачу.

Она внимательно посмотрела в глаза девушке, и та, кажется, поняла, что слова имеют не только прямой смысл.

«Будем надеяться, что поняла».

– И пять пирожных, – снова смягчившись, «бархатным» голосом сказала Лика и подвигала в воздухе пальцами левой руки, пытаясь обозначить нечто не выраженное в словах. – Разных, на ваше усмотрение, но обязательно с кремом, пожалуйста.

– Сию минуту, господа, – пролепетала официантка, которая с перепугу, кажется, вообразила себя в каком-то фильме «про старую жизнь» и хотела уже отойти, но не тут-то было.

– Куда же вы, милочка? – промурлыкала Вика. – Вы же

еще у нас заказ не приняли.

Совершенно обалдевшая официантка осталась на месте и приняла заказ еще на семь пирожных – три для Вики и по два для мужчин – и на несколько порций кофе. (Скиршак захотел капучино, но остальные согласились на эспрессо.)

– И три коньяка, – закончила Вика. – Какой у вас самый хороший?

– «Хеннесси», – обреченно отрапортовала девушка.

– Что значит – «Хеннесси»? – вмешался Кержак. – «Хеннесси», он, знаете ли, разный бывает.

– V.S.O.P.¹⁰ – В глазах у официантки плескалось раздражение вперемежку с желанием угодить серьезным клиентам.

«Ты бы, милая, что-нибудь одно выбрала – или крестик снять, или трусы надеть! А коньяк... что ж, это хорошая идея. Могла бы и сама...»

– О! – сказала она капризно в спину официантке, которая только и успела, что отвернуться от их столика. – Но я тоже хочу коньяк.

– Коньяк, – согласилась официантка обреченно и снова повернулась к ним лицом. – Значит, четыре по пятьдесят.

– Пятьдесят? – удивилась Лика. – Почему пятьдесят? Ты просила пятьдесят? – спросила она Вику.

– Нет, – улыбнулась та как ни в чем не бывало. – Я просто забыла уточнить.

– Двести, – мурлыкнула Вика официантке. – И?..

¹⁰ VSOP (*Very Special Old Pale*) – возраст коньяка не менее 4,5 лет.

– Сто – сказал Кержак.

– Сто – это вот так? – спросил его Скиршакс, показывая пальцами.

– Нет, – покачал головой Кержак. – Это максимум восемьдесят.

– Тогда и мне сто, – согласился Скиршакс и достал из кармана свою трубку с длинным чубуком.

«Запорожец хренов», – усмехнулась про себя Лика.

– Двести, – сказала она вслух. – Мне тоже двести.

«Пять пирожных, – подумала она с вожделением, представляя себе пять пирожных на серебряном – почему серебряном? – блюде и провожая официантку нетерпеливым взглядом. Официантка не спешила, и это раздражало. – Пять пирожных и много крепкого горячего кофе!»

Рот наполнился слюной, и на душе стало чуть легче. Она усмехнулась мысленно, поражаясь тому, как такие маленькие, в сущности, вещи – кофе и пирожные, например, и богатое воображение в придачу, могут повлиять на психическое состояние человека.

«Все мы рабы физиологии, – уныло признала она. – Даже наиболее продвинутые из нас, гуляющие в волшебном Золоте».

– Игорь Иванович... – начала Лика, поворачиваясь к Кержаку. Ее пальцы между тем автоматически достали из портсигара пахитоску, и Лика прикурила от поднесенной Кержаком зажигалки. Получилось, как если бы она просила при-

курить, но она хотела спросить.

– Игорь Иванович, – сказала она, затянувшись и выпустив дым. – А почему именно Ленинград?

Но ответить Кержак не успел. Пока он собирался, Лику окликнули.

– Лика?! – В голосе окликнувшего ее мужчины смешались удивление, недоверие, даже неуверенность, и еще, кажется, оттенки радости примешивались к хаосу эмоций, прорвавшегося в этом голосе.

Взгляд в спину нервировал ее уже секунд сорок, и не только ее. И Вика и Тата тоже его почувствовали и напряглись, хотя истины ради стоит отметить, что никто из троих опасности во взгляде не почувствовал. Если бы почувствовали, бедный Вадик был бы уже трупом и его кисочка тоже. Теперь она его узнала. То есть то, что интересный и хорошо одетый мужик, пьющий с утра пораньше шампанское («Ну и кто ты теперь, Вадик, аристократ или дегенерат?») в компании ухоженной брюнетки, ей знаком, Лика поняла сразу, как только вошла в кафе. Но узнала она его только теперь, услышав голос.

Пятнадцать лет назад Вадик Ставров был веселым красивым парнем. Ну пусть не парнем, а молодым мужчиной – он учился на три курса старше все-таки, – но используемые термины дела не меняют. Он был молод, весел и все было при нем. Высокий, с темно-русыми волнистыми волосами, голубоглазый атлет, он просто не мог не нравиться женщинам. И

он им нравился. Всем. Ну, пусть не всем, но большинству – это уж точно. К тому же и не дурак, что тоже было не характерно. Книжки почитывал, на премьеры захаживал, выставки посещал... А Лика... Лика была Ликой, одной из энного количества дур и дурех, которые ведь и знали наперед, «чем сердце успокоится», но и устоять перед очарованием Вадика не могли.

– Лика?! – воскликнул Вадик, и Лика обернулась.

Она обернулась медленно, чтобы Тата в излишнем рвении не пристрелила красавца, и успела заметить мелькнувший в глазах Кержака нешуточный интерес – еще бы, ему ведь ужасно хочется знать о ней как можно больше, чтобы понять, кто она или что.

Вадик уже был на ногах и шел к ней.

– Лика! – повторил он, радостно и потрясенно вглядываясь в ее лицо. – Это ведь ты? Ведь правда?

«Нет, ну что за дурак! Нет, Вадик, это не я, это тень отца Гамлета».

– Правда, – ответила Лика, рассматривая Вадика. Он заматерел и превратился в интересного мужчину («По местным понятиям, разумеется», – отметило ее циничное сознание), к тому же успешного, судя по костюму и аксессуарам.

– Ты шикарно выглядишь! – Вадик был потрясен, но для нынешней Лики это уже было не актуально. Во всяком случае, в том давнем смысле слова. Однако...

«Он? – удивилась Лика, прислушиваясь к своим ощущение-

ниям, столь неожиданно погнавшим ее "погулять". – Нет, навряд ли. Он никакой».

Действительно, кроме равнодушного интереса к призраку из прошлого, она ничего не чувствовала. Ничто не шелохнулось в душе, и сердце по-прежнему ритмично качало кровь. Или это Маска гнала кровь по ее телу? Неважно. Разделить их теперь было уже невозможно. Никто не смог бы этого сделать. Даже Меш, и тот не мог объяснить того страшного чуда, которое совершил на пару с Саркофагом.

Вадик уже стоял перед ней, растерянно улыбаясь и буквально раздевая ее своим ставшим вдруг жадным и липким взглядом. Его воодушевление позабавило ее на мгновение, но на смену иронии быстро пришло раздражение.

– Иди, Вадик, – сказала она холодно и затянулась. – Иди! Не маячь, а то кто-нибудь из моих людей может тебе что-нибудь сломать. Будет больно. Ты же врач. – Она смерила его взглядом и пришла к выводу, что не ошибается. – Хоть и бывший. Должен знать.

Потеряв к внезапно сдувшемуся, ставшему каким-то мятым и блеклым, как использованный презерватив, Вадiku интерес, она снова повернулась к Кержаку.

– Извините, Игорь Иванович, – улыбнулась она Кержаку. – Нам помешали.

Но им помешали опять. Неожиданно быстро вернулась официантка. Вернее, теперь их было две, и третья спешила следом.

«Дошло наконец, – удовлетворенно констатировала Лика, увидев этот парад, но тут же поморщилась, уловив сквозь сложные запахи кофе («Терпимо») и пирожных («То, что доктор прописал, хотя могли бы быть и свежее») дуновение коньячного аромата. – Ну что за люди!»

Первая официантка – та самая – уже расставляла на столике чашечки с кофе, сахарницу и прочие причиндалы.

– Милочка, – Лика выстудила голос так, что ей самой стало знобко и неуютно, – если я заказываю коньяк, то я ожидаю, что *его* мне и подадут. Она смотрела на вторую официантку, на подносе которой, собственно, и стояли коньячные бокалы.

– Но... – начала отвечать стремительно краснеющая девушка, однако Лика не дала ей продолжить.

– Передайте, милочка, бармену, – сказала она сухо, – что у каждого напитка есть свой вкус и запах. То, что вы принесли, это не V.S.O.P. и даже не V.S.¹¹. Это бренди. Неплохой, положим, даже французский, но бренди, а не коньяк. Вы меня поняли?

– Да, – пролепетала девушка. Руки у нее начали трястись, и бокалы, оставшиеся на подносе, тихо позвякивали.

– Идите, – милостиво отпустила Лика официантку, а взгляд ее между тем скользнул по зеркалу в глубине зала. Растерянный Вадик возвращался за свой столик к ждущей его раздраженной, если не взбешенной брюнетке. Но на свою

¹¹ V.S. (*Very Special*) – возраст коньяка не менее 2,5 лет.

даму Вадик не смотрел, он все время оглядывался на Лику.

– Я, конечно, тоже не подарок, – сказала по-французски Вика. – Но ты стерва.

– Стерва? – переспросила Лика, которая думала сейчас о другом, о том, почему так маятно на душе и что это может означать?

– Стерва, – подтвердила дама Виктория, закуривая. – Это диагноз.

Лика посмотрела на ее сигарету, вспомнила о своей пахитоске и, решительно ее затушив, взялась за эклер.

– Вернемся к нашим баранам, – сказала она, оборачиваясь к Кержаку. – Нам снова помешали, но меня с мысли не сбить. Почему Ленинград?

Кержак помолчал немного, не без удовольствия наблюдая, как исчезает пирожное в Ликином рту («You are welcome, дорогой товарищ!»), а затем, усмехнувшись, прокомментировал:

– Вы очень вкусно едите, Катя, или правильнее – Лика?

– Лучше Катя, – быстро сказала Вика. – Для вас лучше, – пояснила она, видя, что Кержак не смог расшифровать ее интонацию.

«Заботливая, – поморщилась в душе Лика. – Неужели я такая страшная?»

– Извините, – Кержак сказал это вполне серьезно. По-видимому, он понял, что коснулся чего-то, чего касаться не следовало.

– Принято, – сказала Лика. – Так почему все-таки Ленинград?

– Катя, – быстро ответил Кержак, – этот город называется Санкт-Петербург. Давно уже.

Кержак старался не ронять достоинства и делал это неплохо, иногда даже очень хорошо. Он сделал еще одну короткую паузу, дождавшись кивка Лики, и продолжил, понизив голос и стараясь не шевелить губами:

– Рябов ушел в отставку в две тысячи втором. Не по возрасту, а по состоянию здоровья, хотя здоровье у него, насколько я знаю, и сейчас дай бог любому.

– Можете говорить нормально, Игорь, – снова мягко вступила в разговор Вика. – Я включила глушилку, и губы ваши тоже ни одна камера заснять не сможет.

– Спасибо, – как ни в чем не бывало, кивнул Кержак, который тоже умел держать лицо. – Так вот. Рябов был последним начальником группы Ё...

– Ё? – восторженно воскликнула Лика. – Вы сказали Ё?

– Ну да, – удивился Кержак вспышке ее интереса. – То есть это не то чтобы официальное название – я официально и не знаю. Наверняка какой-нибудь номер. А это их самоназвание, так сказать.

«Ё, – думала между тем Лика. – Не может быть! Или просто совпадение?»

Но ведь зачем-то же она приехала в Ленинград? Конечно, их поездка была спланирована, и у нее как будто имелась

конкретная цель. Вполне здравая цель. Хотя... Вот в этом «хотя» и скрывалась проблема.

До сих пор в ее действиях прослеживалась определенная логика. Во всяком случае, Лика хотела верить, что это именно так. Она ведь не собиралась принять то, что произошло в империи, как данность. Принять и бежать. О нет. Лика не могла и не хотела смириться с тем, что произошло. И забыть не могла, и простить тоже. Поэтому она рассматривала свое возвращение на Землю не как бегство, но как отступление. Как ретираду, если уж она теперь Катя. То есть исключительно как тактический ход в длинной игре, которую ей предстояло вести. А игра эта суть война. И на войне как на войне. Во всех смыслах. Это она для себя решила еще тогда, когда стояла на дворцовом балконе и наблюдала за казнью мятежников.

Тогда все было ясно, да и позже тоже. Сомнения если и посещали ее, то касались в основном частных вопросов, способов, но не целей. И прибыв на Землю, она делала все для того, чтобы вернуться. И, казалось, ей казалось, все правильно делала. И сделала уже столько, что самой не верилось. Ведь и трех месяцев не прошло, а первые две гвардейские дивизии уже сформированы и тренируются на «Вашуме», на Марсе и в Южной Америке. И флот начинает возрождаться. Во всяком случае, первые три «Шаиса», как утверждает Йфф, можно ожидать уже через четыре месяца. Вербовка и базы, формирование и финансирование, снабжение... Десятки, сотни,

если не тысячи малых и больших дел. Но ее штаб работал, и она не щадила себя. Крутились тяжелые колеса мобилизации, воссоздавая на пустом месте императорские армию и флот. Теперь уже ее армию и ее флот. И каждое дело, которое они делали, было необходимым и логичным шагом, деталью конструкции, которую Лика строила здесь и сейчас. А вот решение заняться делом Деффриза было – ну как бы это сказать? – необязательным, что ли. Блажь и только. А в отсутствии Макса – «О господи! Макс, ты просто обязан прийти!» – и того более. И все-таки она вдруг решила им заняться, именно им, этим говенным делом ветхозаветной эпохи торжествующего социализма. Не ревнителями, не Домиком в Нигде, а именно семейным делом Макса, которое если и имело какую-нибудь ценность, то, скорее всего, только историческую. Почему? Внутренняя потребность. И что?

«И что?» – спрашивала она себя, направляясь в Питер, и здесь, в Питере, все время возвращалась к этому вопросу. Что это такое, ее внутренняя потребность? Возможно, интуиция, прозрение? Все возможно. Но вот теперь это. То, что заставило ее бросить машину и пуститься в «свободное плавание», отдавшись на волю эмоций и интуиции. Возможно, все это неспроста, и своему чутью она доверяла, но и логикой поверить гармонию чувств не мешало. Макс бы точно не оставил вопросов без ответов.

Обо всем об этом она и размышляла все время, ведя мысль параллельно всем прочим мыслям, простым и слож-

ным, действиям и словам. Вела вторым планом, не бросая, но и не озвучивая. Потому и спросила Кержака, пытаясь понять, случай или Провидение привели ее нынче туда, где она находится, где пьет кофе («Так себе напиток, если честно») и ест пирожные («Ну хоть калории, и на том спасибо!»).

– А это их самоназвание, так сказать, – сказал Кержак.

– А, – сказала в ответ Лика, чувствуя, как в ней поднимается привычная уже тоска.

«Это надо же, чтобы такое совпадение! Ё!»

– И?.. – спросила она Кержака, принимаясь за буше. – Что дальше?

– Дальше? Секунду. – Кержак кивнул в сторону спешащей к ним официантки, которая несла злополучный поднос с коньяком.

Они помолчали, пока подошедшая к ним девушка расставляла бокалы и ретировалась прочь, так быстро, как могла, не нарушая приличий. Лика вдохнула аромат коньяка и осталась довольна. На этот раз их обманывать не стали.

«И правильно, чего дурочку-то валять! Попробовали один раз и хватит».

Она сделала длинный глоток, и на душе немного полегчало.

Кержак между тем продолжил с того места, где его прервали:

– Группа закрылась еще в девяносто первом, и Рябов каким-то образом «приватизировал» часть их архива, в том

числе и дело Дефриза.

Было видно, что Кержак и сам не знает содержания этого дела, но, во всяком случае, он знал его название. И это было очень кстати.

– Ну а в две тысячи втором, когда он уходил, о группе вообще никто уже не помнил. – Кержак тоже пригубил коньяк. – Я обо всем этом от Федора Кузьмича знал и вел Рябова тихонько, как Федор Кузьмич меня и просил. А Рябов съехал в Питер, купил здесь дом и живет вроде бы тихо, но я знаю определенно, Михаил Юрьевич приторговывает информацией, за которую получает большие деньги. Зять у него бизнесмен, а у дочки такие бриллианты... Не как у вас, конечно, но по нашему уровню очень даже неплохие. Вот, собственно, и все.

«И это все? – Лика не была уверена, что это то, что она искала; более того, причина поездки в Санкт-Петербург уже не казалась ей основательной и достаточной, чтобы сорваться вот так, как сорвалась она, бросив на своих помощников массу текущих дел. – Нет, все не так, и дело не в этом старом пне, который держит у себя дело Дефриза!»

Лика допила коньяк и встала.

– Игорь Иванович и вы, полковник, мы с Викой вас оставляем. Через... – она задумалась, пытаясь найти в сердце ответ на простой вопрос, – через два часа встретимся у машин.

– Не возражайте! – осадила она Скиршакса. – Со мной пойдет только дама Э.

Лика сделала короткое движение кистью левой руки – выражение было жестким, даже грубым, но как иначе было добиться результата? – и ее мечи тоже остались сидеть, когда они с Викой направились прочь из зала.

Они вышли на улицу и пошли навстречу аникушинскому Пушкину. Улица оказалась все-таки Михайловской.

«Значит, переименовали», – усмехнулась Лика, сворачивая налево. Вика шла рядом, настороженная, готовая ко всему, но внешне безмятежная. Надо было быть Ликой, чтобы знать, чувствовать, до какой степени напряжена и взволнована дама Виктория.

На Итальянской в глаза Лике бросилась реклама магазина, торгующего DVD и MP-дисками. Стрелка приглашала заглянуть под арку, во двор на задах «Европейской».

– Зайдем? – неуверенно спросила она Вику.

– Зайдем, – согласилась та. Судя по всему, ей не хотелось проявлять инициативу. Она поверила Лике, вот в чем было дело. Ну а если поверила, то, естественно, опасалась своей инициативой «сбить стрелку компаса», ведь кто его знает, что ведет Лику и куда.

Дворик оказался чистенький, вылизанный, вполне себе цивильный дворик. А вот магазин, состоявший из трех практически изолированных друг от друга отсеков («Какие-то выгородки, как при военном коммунизме»), был так себе.

Лика пробежалась взглядом по бедноватым полкам с фильмами и прошла в «зал» музыкальных дисков. Тут тоже

не было ничего интересного, и она решила уже уходить, когда взгляд ее упал на один из дисков, стоявших на нижней полке.

«Хава Альберштейн¹², – прочла она, и сердце дрогнуло. – Хава...»

«"Каждый час поцелуй"... О господи!» – Она вспомнила и песню о лучшем лекарстве от всех недугов, и то, когда она вспоминала о Хаве Альберштейн в последний раз.

«Лемеле, – прочла Лика на диске. – Песни на идиш. И это тоже случайность?» – спросила она себя.

– Я беру это. – Она бросила на маленький прилавок несколько скомканных кредиток. Там было много больше, чем надо, но в ней снова поднялось нетерпение, и, не дожидаясь сдачи, она выскочила на улицу.

– Туда, – сказала она Вике, кивая на канал.

Вероятно, Маска среагировала на какой-то нервный импульс, порожденный смятенной душой Лики, но, выходя на набережную канала Грибоедова, она почувствовала неожиданный для нее самой моментальный взлет. Шум улицы превратился в далекий ровный гул, в котором чуткое ухо искало и не находило опасных звуков. Мир вокруг Лики стремительно замедлился, и она увидела сразу множество вещей, которые могли быть интересны кому-нибудь другому, но не ей. *Не сейчас*. Ее не затронуло затейливое изящество церкви и не заинтересовал пистолет в наплечной кобуре, скрытой

¹² Хава Альберштейн – израильская певица.

под пиджаком встречного мужчины, и острый запах пакетика с дурью, засунутого в трусы рыжеватой блондинки, идущей в трех шагах впереди, тоже оставил ее равнодушной.

Огромным усилием воли Лика сбросила наваждение.

«*He to!*» – сказала она себе и Маске, и Маска согласилась, отпуская удила.

Мир дрогнул и вернулся к самому себе, вернув себе заодно с ритмом звук и цвет обычной интенсивности.

«Ну почти обычной», – согласилась Лика с ею же самой высказанным возражением. Ее, Ликино, восприятие мира вполне человеческим перестало быть десять лет назад. И таким, как было когда-то, никогда уже не будет. Никогда.

Она усмехнулась в душе простой констатации факта, который когда-то сводил ее с ума, но вот теперь был просто данностью. Данностью, для осознания которой уже требовалось особое усилие. Или из ряда вон выходящий случай, или еще что-нибудь в этом же роде. Но и после того никаких особых эмоций этот факт у нее не вызвал.

Мысль была мимолетной, необязательной, и Лика уже было отпустила ее в полет, но в следующее мгновение, когда, перейдя узкую проезжую часть, они подошли к мосту через канал, в ушах Лики зазвучала вдруг странная музыка. Эта музыка... Ну что сказать? Как будто тысячи крошечных серебряных колокольчиков тренькнули слаженно и запели, повели мелодию одновременно чудесную и тревожную. Воздух вокруг нее стал прозрачнее, и солнце засияло ярче. Все оста-

лось таким же, как и было, но стало другим. Это было бы непросто объяснить тому, кто сам, своими глазами, не видел этого чуда. Но Лика никому объяснять ничего не собиралась, не должна была, да и не смогла бы, даже подумай она об этом и захоти это сделать. Но и подумать об этом, вообще, осмыслить увиденное Лика просто не успевала, потому что чудо уже созрело и вершилось вокруг нее и перед ней. Вдоль канала навстречу Лике шел высокий сероглазый мужчина в белой рубашке и кремовых брюках. Он ничем не отличался от других людей, оказавшихся в этот день и в этот час на набережной канала Грибоедова. Еще секунду назад не отличался, как отметила в ней бесстрастная, не подверженная эмоциям часть ее души. Но что-то уже изменилось в мире. Мужчина посмотрел на Лику, их глаза встретились, и он улыбнулся той особой улыбкой, в которой жила светлая печаль человека, прозревшего будущее и принявшего это будущее, как оно есть. Искра мгновенного узнавания пронзила все ее существо, и все, что было связано с этим человеком, ожило в ней, снова стало ярким и актуальным. Прошное – какое? чье? – вернулось и положило руку ей на плечо.

«Здравствуй, сестра», – сказал Вер, подходя и останавливаясь перед ней.

«Здравствуй, брат», – ответила она.

«Ты вырвалась, разве это не чудо?»

«Чудо. Скажи... ты знаешь, что случилось с графиней?»

«Знаю. Она погибла... за четыре часа до меня».

«Как?»

«Зачем тебе?»

«Я ведь тоже графиня Ай Гель Нор».

«Уже нет, ваше величество, теперь вы королева. Или да-же?...»

«Нет, князь, я только королева и останусь королевой гегх. Мне этого вполне достаточно. У императорского трона есть другой хозяин».

«Значит, вы уже все обдумали, ваше величество? Что ж, решение принимаете вы, хотя мне было бы приятно увидеть на этом троне гегхскую королеву».

«Я так решила».

«А я с тобой и не спорю, сестра, решаешь ты, хотя не все в руках человеческих».

«Так ты или вы? Вы все время меняете обращение, князь».

«Решать вам или тебе...»

«Тебе!»

«Да будет так. Ты уже решила судьбу второго?»

«Его трон пустует уже две тысячи лет».

«Надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, сестра, этот трон...»

«Я знаю. Как она погибла, Вер?»

«Она... у аханков были тяжелые сабли... Она умерла у меня на руках. Так сложилось... Когда мы пробились к ней, там уже почти не оставалось живых. И рейтары, и сабель-

ицки, и их кони лежали вперемешку... Но я ее нашел».

«Вы встретились?»

«Я же сказал, что нашел графиню».

«Я имела в виду другое».

«А другое тебе знать не положено, сестра. Твое время еще не пришло».

«Зачем тогда ты пришел?»

«Просто повидаться».

«Повидаться?»

«Да. Удачный случай, не более. Но раз уже я здесь... Иди, куда идешь! У тебя вещее сердце, ему ты можешь верить».

Вер улыбнулся и исчез. Остался сероглазый высокий мужчина в белой рубашке и кремовых брюках, который шел ей навстречу, занятый какими-то своими мыслями и едва ли заметивший ее. Лица недоуменно смотрела на него мгновение, но взгляд издали отвлек ее и заставил отвернуться. С противоположной стороны канала на нее смотрели двое. Пожилой негр в костюме-тройке и женщина, типичная бизнес-вумен, в сером деловом костюме. Они, вероятно, только что вышли из ресторана и остановились на пороге, глядя на нее.

«Ты все сделала правильно», – сказала Сцлафш.

«Спасибо, – ответила Лица. – Я очень старалась».

«Я знаю, – улыбнулась принцесса. – И ведь было ради чего, не так ли?»

«О да! – усмехнулась Лица. – Есть».

«Ты на верном пути, девочка», – сказал колдун.

«Да, ты умеешь чувствовать путь», – добавила Сцлафш.

«Иногда я начинаю в этом сомневаться», – призналась Лика.

«Напрасно, – возразил колдун. – Здесь на Сайёр ты должна чувствовать себя увереннее».

«Сайёр?» – удивилась Лика, которой слово показалось странно знакомым, притом, что она была уверена, что никогда прежде его не слышала.

«Сайёр, – подтвердил колдун. – Ты просто забыла, но это поправимо. Вестник уже в пути, и ведь ты об этом знаешь».

«Значит, я почувствовала это?» – спросила Лика.

«И это тоже, – улыбнулась принцесса. – Доверяй своему сердцу, оно знает больше тебя. Прощай».

«Постойте, – неимоверным усилием воли, не представляя даже, что и как она сейчас делает, Лика задержала готовое исчезнуть мгновение чуда. – Ты знала?»

Она не уточнила, что имела в виду, но Сцлафш ее поняла, и улыбка, появившаяся на ее губах, была сродни улыбке Вера.

«Я чувствовала, – сказала она. – Это не одно и то же, не то же самое, что знать, но это больше, чем незнание, ведь так?»

Негр что-то сказал своей спутнице, та кивнула и достала из сумочки связку ключей. Темно-синяя машина, припаркованная у решетки канала, мигнула габаритными огнями, и двое шагнули на проезжую часть.

– Что-то не так? – с тревогой в голосе спросила Вика.

– Нет, все замечательно, – задумчиво откликнулась Лика. – Сколько это продолжалось?

– Секунду с четвертью, – не задумываясь, ответила Виктория. В ее глазах застыл вопрос.

– Все нормально, – улыбнулась подруге Лика, стараясь ее успокоить. – Пойдем, нам туда.

Она кивнула на переулок на противоположной стороне канала. Сейчас она чувствовала странную уверенность в том, что все делает правильно. Они прошли по мосту, пересекли проезжую часть и по короткому переулку вышли на Малую Морскую. Лика секунду изучала улицу, пытаясь «поймать» направление, потом решительно свернула направо в сторону Шведского переуллка. Там в торце улицы стоял бронзовый полицейский – или это был жандарм? – а за его спиной находился вход в кафе. Именно туда ей и надо было идти. Во всяком случае, так она чувствовала. Вика молча шла рядом, ничего больше не спрашивая, но готовая в любой момент прийти на помощь.

Они подошли к входу в кафе, и Лика почувствовала – *здесь*. Ее сердце откликнулось и рывком подняло ритм.

«Сейчас!»

Лика вошла, спустилась по короткой лестнице вниз и повернула налево. Перед ней открылся небольшой вытянутый в длину зал кафе. То, что она здесь увидела, было неожиданно. Честно говоря, она не знала, чего ожидать, и все-таки

что-то смутное брезжило в ее душе, разбуженное разыгравшейся фантазией. Но вот этого Лика не ожидала никак.

За столиком в дальнем конце зала сидели двое мужчин. Тот, что сидел к ней лицом, курил трубку, в руке у него была кофейная чашка. Увидев Лику, он удивленно поднял бровь и начал медленно подниматься из-за стола. На Лику он больше не смотрел, его взгляд был направлен за ее правое плечо, туда, где стремительно вызревал смерч вышедшей на боевой максимум Серебряной Маски. Но Лика отметила все это только краем сознания, потому что второй мужчина – гигант, сидевший к ней спиной, – уже был на полдороге к ней. Каким-то образом он обогнал время и едва не опередил реакцию Маски, успев обернуться, увидеть, понять и броситься к Лике раньше, чем осознание того, что она видит, приобрело силу свершившегося факта.

Глава 5. Кержак

Дамы ушли. Кержак проводил их долгим взглядом и посмотрел на Скиршакса.

– Что-то происходит, – сказал он, маскируя за видимостью спокойствия чувство неуверенности, которое в последнее время стало, пожалуй, слишком часто посещать Игоря Ивановича. – Вы не находите, генерал?

– Нахожу. – Скиршакс задумчиво рассматривал девушек за столиком у колонны. – Но нам все равно ничего не скажут. Пока или вовсе. Я правильно сказал? Так говорят?

– Говорят, – успокоил его Кержак, любовавшийся Татой. – Правильно.

– Как вы полагаете, Игорь, не пригласить ли нам дам? Им ведь тоже сейчас нечего делать.

– Давайте, – сразу согласился Кержак, получивший уже две улыбки от Таты и полагавший, что в его возрасте от такого счастья не отказываются. Счастье. Именно что счастье, как это ни смешно. Тата была не просто молодой и красивой женщиной. Тата была прелесть. Нет, не так. Тата была такой прелестью, какой Игорь Иванович в жизни не встречал. Это было особое, очень специальное диво, со стальным стержнем внутри и потрясающей наружностью.

Скиршакс кивнул, встал и неторопливо направился к мечам.

«Мечи! – усмехнулся про себя Кержак. – Это же надо! Мечи. Меч!»

Он перевел взгляд с девушек на гвардейца и снова усмехнулся:

«Н-да... Ну что тут скажешь?»

У Скиршакса была весьма своеобразная походка. Он так и не научился ходить по-человечески и шел сейчас своим особым гвардейским шагом, который представлял собой сложный гибрид «боевой побегки» и парадно-церемониального шага. Такая манера ходить, как уже знал Кержак, отличала всех гарретских стрелков, так же, как и выводившая его из себя манера говорить сквозь зубы, не разжимая челюстей. Впрочем, с этим последним недостатком Скиршакс как раз справился, а вот ходить по-людски так и не научился. Теперь все не занятые каким-нибудь полезным делом посетители и работники кафе буквально пялились на Скиршакса, как на невидаль заморскую, пытаясь, вероятно, понять, каким таким особым видом спорта занимается этот высоченный мужик?

Между тем Скиршакс дошел наконец до девушек, улыбнулся, наклонившись вперед с грацией спортсмена и лоском аристократа, каковым он в принципе и был, и сказал что-то приятное феминам, от чего те разулыбались, а Тата послала Кержаку третью улыбку. Через секунду – без суеты, разумеется, и даже видимости поспешности – мечи королевы переместились за их столик. Был сделан дополнительный заказ –

шоколад, еще раз шоколад и коньяк, разумеется, – и время понеслось вскачь. С девушками два часа пролетели, как одно длинное сладкое мгновение, наполненное теплом, смехом и алкогольными парами, смешивающимися с феромонами. Но внутренний сторож не дремал, и в какой-то момент Кержак понял, что сказка закончилась, потому что вышло время. Как видно, бес времени сидел не только в нем. Кержак поднял взгляд на Скиршакса, а тот уже, оказывается, искал глазами его глаза. И девушки как-то сразу подобралась. Одним словом, время.

– Вероятно, нам пора идти, – рассудительно сказал Игорь Иванович и, достав из кармана портмоне, стал вынимать и выкладывать на стол бумажные денежные знаки Российской Федерации.

Оставив деньги на столе, они все вместе вышли из кафе, а затем и из гостиницы и через несколько минут уже увидели стоящие на набережной канала машины эскорта. Чалик, которого иначе, как по фамилии, никто не называл, и второй водитель – Гера Дорофеев, которого, напротив, все звали просто Герой, курили у парапета. Все правильно, солдат курит, служба идет, но Кержака это насторожило и даже встревожило. Катя сказала, два часа, и эти два часа только что, в эту самую секунду, истекли. Он бросил взгляд на часы и удостоверился в том, что чувство времени не подвело его и теперь. Конечно, и Катя и Вика могли постоять за себя и сами, но он чувствовал себя ответственным за их безопасность

и соответственно не тревожиться просто не мог. Служба такая. Вот и все.

«Глупости, – сказал он себе, непроизвольно обшаривая пространство вокруг себя ищущим взглядом. – Катя не обещала вернуться через два часа. Она сказала, часа через два, кажется. А это не одно и то же. И потом, что с ними может случиться?» Действительно – что? Питер не Бомбей какой-нибудь, а Катя с Викторией не Красные Шапочки в дремучем лесу.

«Да и не завидую я тому волку», – успокаивая себя, подумал Игорь Иванович. За сорок девять дней своей новой службы («И двух месяцев нет!» – покачал он мысленно головой) Кержак успел многое увидеть и понять про этих людей вообще и про королеву Катю («Или все-таки Лику?») в частности. Но сейчас, на набережной канала Грибоедова, вспомнился ему один конкретный день. Возможно, причиной тому было присутствие здесь Таты и Скиршакса, но также возможно, что дело было в силе и первичности впечатлений того дня. Он вспомнил («Такое разве забудешь?») – свой первый день на крейсере.

«Шаис», тогда это был еще просто «Шаис», напомнил он себе.

Это случилось уже после авральной эвакуации, так нехотя прервавшей беседу старых разведчиков; и после того, как неопознанный корабль был наконец опознан и оказался ях-

той королевы со странным названием «Чуу»; когда улеглись страсти и стало понятно, что ничего трагического не произошло и можно возвращаться «домой». Но Катя решила, что торопиться некуда, и объявила двенадцатичасовой тайм-аут на «тихий отдых и сон». И вся их сильно разросшаяся за последние сутки компания – дело было как раз после прибытия «Шаиса», да и с «Чуу» народ подвалил – отправилась обедать. Ну, просто сказать, обедать, значит, ничего не сказать. Кержак и так уже находился в состоянии тяжелого обалдения от всех впечатлений дня, доставшихся на его долю. Здесь было все – и новые лица, и открывшиеся ему нечаянно или намеренно сложные и непонятные отношения, связывающие между собой этих более чем неординарных людей и... не людей. Не людей тоже. И непростой разговор с Йёю и Скиршаксом, так неожиданно прерванный тревогой. И Тата... И Тата, конечно. Тата в первую очередь, наверное. Но ведь был еще и взлет на инопланетном космическом челноке, и полет сквозь атмосферу в черное ничто открытого космоса, и крейсер, огромный, как город, звездный крейсер, прячущийся от земных наблюдателей на темной стороне Луны, и... Да что говорить? И можно ли перечислить все впечатления, обрушившиеся тогда на Кержака штормовой волной и не убившие его по чистой случайности? Так что обалдение его было вполне понятным и простительным, но день еще не закончился, этот длинный день, начавшийся, по сути, накануне. Теперь на повестке дня стоял Обед. И это был

действительно Обед с большой буквы. Здесь поражало все. И обеденная зала, перед которой меркла роскошь Эрмитажа и Версаля («И это боевой корабль?»), и фантастические блюда («Вероятно, это съедобно, а это?»), и сервировка, и слуги («Рабы?!» – ужаснулся тогда Кержак), и музыка. Очень странная, непривычная, но при этом какая-то знакомая, что ли? Как будто бы слышанная когда-то где-то, забытая, но не вовсе чужая.

На таком Обедѣ, что, впрочем, не удивительно, Кержак присутствовал впервые.

«Теперь и помереть можно», – сказал он себе тогда, но при этом знал, что лукавит. Теперь-то как раз помирать и не стоило. Не хотелось помирать. Хотелось досмотреть эту сказку до конца. Ну пусть не до конца, а сколько позволят, но чтобы подольше... Подольше!

Но всего этого было много даже для Кержака, и Игорь Иванович впал в протрацию, сродни алкогольному опьянению или «пароксизму сытого доволъства», наступающему после бесконтрольного и бессистемного поглощения больших количеств пищи.

Он очнулся, как будто вынырнул вдруг из морока, как раз к десерту. Видимо, тренированная нервная система, приведенная в порядок чудесными эликсирами Кати, все-таки справилась наконец с информационным обвалом, рухнувшим на его бедную голову. Переварила хотя бы начерно весь этот неподъемный массив фактов и впечатлений, и Кержак,

проснувшийся от очарованного сна, вновь осознал себя как свободную личность и независимый интеллект. Придя в себя, он первым делом осторожно огляделся вокруг. Трапеза, любая трапеза, а такая тем более, позволяет многое увидеть в людях, которые собрались за столом. И Кержак, пропустивший «по болезни» значительный отрезок времени, пребывая в прострации, так сказать, желал теперь «восполнить пробелы» и «наверстать упущенное». Многое из того, что он увидел, было ему уже так или иначе известно, и если все-таки непонятно до сих пор, то хотя бы знакомо. Катя сидела во главе стола, и тут не могло быть никаких сомнений, это – королева. Дело ведь не в титуле, а в том, что все здесь замыкалось на нее и вокруг нее вращалось. По-прежнему непонятными, однако, оставались для Кержака ее отношения с двумя прибывшими прошлой ночью женщинами. Дама Э, потрясающая платиновая блондинка, которая при росте под два метра обладала еще и фантастической фигурой, относилась к Кате как подруга. Может быть, даже как старшая по возрасту и опыту подруга, но все-таки даже она умело и, по-видимому, намеренно, на публику, демонстрировала некую дистанцию между собой и королевой. Небольшую, но отчетливую. А вот другая – красавица с глазами такой глубокой синевы, что они порой казались черными, и с черными, как ночь, волосами – была одновременно и ближе к королеве (Почему? Как?), и значительно дальше от нее. Такое у Кержака состоялось впечатление.

Из вновь прибывших обращала на себя внимание рыжеватая невысокая блондинка с жестким взглядом холодных, оценивающих голубых глаз. Эта женщина – княгиня Фата Рэй – держалась не как аристократка, а как боевой генерал.

«Да, – подумал тогда Кержак. – Точно! Генерал!»

Ее вид, поведение, характер движений и реакций вызывали в воображении образ эдакого крутого, как крутые яйца, генерала спецназа, из тех, которые лично водят своих людей в бой. Вот такого, только что вышедшего из боя фронтового генерала и напоминала эта симпатичная молодая женщина, которую королева посадила за столом рядом с красавицей Ё.

Кержак много еще чего увидел на этом сказочном банкете и слышал тоже, хотя напрочь не помнил, кто и когда прицепил ему на ухо прибор-переводчик; но две сцены почему-то особенно запали ему тогда в душу. Рядом с Мешем сидела женщина с фигурой богини и таким же жутким, как и у Меша Жуашевича, лицом. Но то, как смотрела на монстра Мишу эта женщина и как смотрел на нее он, было настолько по-человечески понятно, выразительно и даже поэтично, в хорошем смысле этого слова, что двух мнений быть не могло – это любовь. Причем такая любовь, что завидки брали, глядя на эту парочку. И на другую пару обратил внимание Кержак и, признаться, удивился, потому что именно от этих людей такого никак не ожидал. Шемаханская царица Клава и вельможный господин Йёю, с которым Игорь Иванович успел познакомиться ночью, сидели, держась за руки, как дети малые,

и смотрели друг на друга с такой нежностью, что слезы на глаза наворачивались даже у несентиментального Кержак. Ну что тут скажешь?

«Возможно, – осторожно предположил Кержак, рассматривая друзей королевы в естественной среде обитания, – возможно, эти люди умеют не только красиво жить, но и любить умеют, как надо. Во всю силу! Или они вообще все так делают? Или по максимуму, или никак?» И вот о чем он тогда подумал. Каким же должен быть тот, кого любит и ждет королева? А в том, что такой человек существует, Кержак уже не сомневался.

Но стоя сейчас в ожидании Кати и Вики в тени Спаса-на-Крови, Кержак вспомнил тот день и тот обед не поэтому, а потому что после обеда ему привелось – вернее ему разрешили – увидеть нечто настолько необычное, что и на фоне ярких впечатлений того дня выделялось своей нездешностью и невероятностью. Он узнал тогда, на что способны его работодатели. В индивидуальном порядке, так сказать. Сами по себе, без техники и других своих инопланетных штучек. До этого Кержак только предполагал, а вот теперь сподобился увидеть. Незабываемое зрелище, если честно, а ведь он много чего в жизни повидал. Такая у него была специальная жизнь, а все-таки предполагать, что такое возможно, и увидеть воочию – две совершенно разные вещи.

После обеда, или, вернее, в его конце, кто-то из гостей, – кажется, это был монстр Миша – предложил «размяться».

Во всяком случае, Кержаку запомнилось именно это слово. «Размяться». Так его перевел Игорю Ивановичу вставленный в ухо автоматический переводчик. Нельзя сказать, что все присутствующие встретили предложение с энтузиазмом. Дама Э, например, отнеслась к нему довольно прохладно и сразу сказала, что она «пас». Но другие... Кое-кто из других принял идею «размяться», что называется, на ура. И через пару минут оживленно, хотя и без ажитации переговариваясь, вся компания проследовала в спортивный зал. Вообще-то, и зал был не спортивный – он назывался Дуэльным полем, не больше и не меньше – и проследовали, это мягко сказано, потому что им пришлось пройти несколько впечатляющих своей отделкой коридоров корабля-дворца и дважды воспользоваться лифтами. Но, в конце концов, они попали в огромный круглый зал с купольным потолком и паркетным полом. Все в зале, кроме темно-коричневого паркета, было белоснежным, даже удобные кресла в ложах для зрителей, расположенных вокруг выложенной деревом арены. И еще здесь было очень много света. Яркий свет заливал арену, возникая прямо из сияющего знобкой белизной купола потолка.

Войдя в зал, Игорь Иванович замешкался было, не зная, куда ему теперь идти и что делать, но неслышно возникшая рядом с ним Тата уверенно взяла его за руку и провела в одну из лож.

– Садись, Кержак, – сказала она на своем корявом, но при-

ятно звучавшем для его уха русском. – Смотри! Такое даже в империи редко увидишь.

То, что она, по-видимому, права, он понял уже в следующую минуту. Он увидел, как сбрасывает одежду Йёю. Ну, в том, как раздевается Йёю, ничего особенно интересного не было, кроме самого факта, разумеется. Впрочем, брови Кержака непроизвольно взлетели вверх, когда он увидел, как герцог сооружает из шейного платка что-то вроде набедренной повязки, совершенно игнорируя тот факт, что делает он это на глазах у всех. А в следующую секунду Игорь Иванович увидел Клаву, идущую к центру арены с противоположной стороны. Клава была ослепительна. Она была чертовски хороша, но Кержака, как школьника, бросило в краску, когда он осознал, что Шемаханская царица не оставила на себе ни одной даже самой маленькой тряпочки. Для вида, не говоря уже о приличиях. Но, как уже знал Кержак, понятия о приличиях у этих людей были весьма своеобразными.

Между тем Йёю закончил «туалет» и тоже отправился к центру арены. Он очень красиво шел. Мягко и легко, грациозно, если такое определение было здесь уместно. Йёю остановился напротив Клавы, поклонился и отступил на шаг назад. Капитан Фролова – «Без вести пропавшая, помнится» – улыбнулась ему в ответ и тоже сделала шаг назад. А потом внезапно, без видимой подготовки, без сигнала или еще какого-нибудь знака два тела рванулись навстречу друг другу и вверх. Кержак уловил серию быстрых ударов, ударов, нане-

сенных обоими участниками спарринга с такой немыслимой скоростью, что он был способен лишь засечь движение, но никак не оценить его направление и характер. Он только понял, что стремительно и легко, взлетая на фантастическую высоту – метра три! – как если бы гравитация для них перестала вдруг существовать, Клава и Йёю не только успели нанести друг другу множество неуловимо быстрых ударов, но, что характерно, и парировать их тоже. Кержак не мог этого знать точно, но предположил, что и сила ударов была нешуточная. Но время, отпущенное ему для того, чтобы увидеть, понять и оценить, было настолько кратким, что он просто ничего не успел. Ни увидеть толком – увидеть, рассмотреть, воспринять – ни понять то, что увидел, ни оценить. А бойцы уже упали на арену, как будто непринужденно сошли с неба на землю, и закружились в стремительном и головокружном танце, каждый в своем, и оба вместе. Общее впечатление было такое, что он видит какой-то балетный танец, красивый до безумия и эстетичный до вычурности. И очень быстрый. Настолько стремительный, что Кержак мог говорить только об общем впечатлении. Никаких деталей он просто не видел.

Бой продолжался две минуты, не больше, но у наблюдавшего его Кержака дыхание было сбито напрочь, как если бы он сам махался на арене, и не две минуты, а час или два. А бойцы... Они прекратили схватку так же внезапно, как и начали, и, судя по ним, не только не устали, но даже не запыхались. И не вспотели. Это Игорь Иванович видел вполне

отчетливо.

«Ну ни хрена себе!» – это было единственное, что он мог сказать по поводу увиденного. Однако это были всего лишь цветочки, ягодки ожидали его впереди. Бой Меша со Скиршаксом оказался совсем коротким. Гвардеец просто ничего не успел, а Кержак не успел увидеть и понять, что там произошло. Но вот противники стоят один против другого, а в следующее мгновение на месте стоит только Меш, а Скиршакс летит, вернее, уже падает на паркет арены метрах в пятнадцать от того места, где только что стоял. Однако, несмотря на мгновенный ужас, испытанный Кержаком при виде этого падения, ничего страшного с генералом не произошло. Упал, «отжался», как говорится, улыбнулся Мешу, поклонился и пошел одеваться.

«Как с гуся вода, а ведь его...» – Но мысль свою Игорь Иванович не додумал.

На арену вышли Катя и черноволосая красавица с нездешним именем Ё. Эта Ё была изысканно красива. Кержак просто не мог подобрать другого слова, чтобы определить, обозначить ее красоту и особую грацию. Но пока Ё медленно выходила к центру арены, Кержак увидел и другое. Она была смертельно опасна, эта молоденькая Ё. Опаснее всех бойцов, которых Игорь Иванович видел в своей жизни, опаснее всего, что он мог себе вообразить. Это был просто воплощенный ангел смерти какой-то, а не живая женщина. А вот отчего он так решил, как увидел в ней это, как разглядел, он

объяснить, пожалуй, не смог бы. Просто увидел. Уловил как-то. Понял и сразу принял, как данность. И вместо нормального мужского интереса, возбуждения и обалдения при виде нагой красавицы Кержак испытал мгновенный ужас, морозом прошедший по его позвоночнику и сжавший стальными пальцами низ живота.

А вот Катя была просто красива. Она была диво как хороша, и ее нагота была удивительно уместной, если так можно выразиться. А как сказать иначе? Как объяснить? Ее нагота не была ни вызывающей, ни вульгарной, но Катей хотелось любоваться, ее хотелось ласкать взглядом, хотя и не более того. Как это возможно? И ведь не было в ней, как в Ё, этой жуткой ауры смерти, жестокой холодной силы тонкого и изящного, но предназначенного для убийства стального клинка. Не было? Кержак оторопел, поняв, что на его глазах свершилась мгновенная метаморфоза, и последние шаги навстречу сопернице делала уже не милая и соблазнительная женщина, а... пантера? Барс? Тигр? Во всяком случае, кто-то в этом роде. Кто-то, кем, как барсом, например, можно, конечно, любоваться, но рядом с которым лучше не стоять. Особенно если зверь голоден.

«О чем я? – удивился Кержак, поймавший себя вдруг на том, что начал мыслить какими-то совершенно несвойственными ему, непривычными, но странно поэтичными категориями и образами. – О чем это я?»

А поединок, вернее то, что Кержак успел и смог уви-

деть, поединок и словами-то нормальными описать было невозможно. Так он и остался в памяти Кержака, как яркий, но невнятный образ. Ощущение осталось. Удивление. Восторг. Недоумение. Они летали, кажется. Может ли человек летать? Может ли женщина взлететь вверх на шесть или семь метров? Без напряжения, без подготовки, разбега... Без ничего. С места. Может? А ведь они вроде бы летали во всех плоскостях; стремительные и неуловимые для глаза, как стрелы, или правильнее, наверное, как пули, и в то же время легкие, как пушинки. Такое впечатление возникло. Какие-то удары, похожие на индийский танец рук, только очень быстрые, какие-то повороты, па, в общем, движения... Осталось впечатление чего-то томительно красивого, изящного до вычурности, чего-то такого. Но Кержак не сомневался, любой из этих ударов убил бы его на месте. Скиршакс, конечно, может быть, и выжил бы, а он – нет. Это он твердо понял.

А потом две сказочные девы-воительницы снова взлетели на невероятную высь и стремительно рухнули вниз. Кержак не успел рассмотреть, что и как там случилось, но Ё упала на спину, а Катя оказалась верхом на ней. Взметнулась Катина рука, обозначая какое-то не то колющее, не то рубящее движение – Игорь Иванович был уверен, таким ударом можно снести голову с плеч, как мечом или секирой, – и пальцы убивающей руки остановились, легко коснувшись белой кожи под подбородком поверженной навзничь Ё. Катя улыб-

нулась и что-то сказала. Ё ответила и тоже улыбнулась, и тогда Катя стремительно наклонилась и поцеловала женщину в губы.

«Они, случайно, не?...»

Кержак находился под впечатлением этого поединка весь «вечер». Это Ёёю сказал ему, что теперь вечер, сам бы он не узнал, время на крейсере отсчитывалось не так, как на Земле. По его впечатлениям и часам, сейчас уже была глухая ночь, но спать он не хотел, оглушенный – да, но одновременно перевозбужденный сверх всякой меры. И предложение Ёёю закончить разговор Кержак принял с облегчением. Остаться одному в роскошной, но какой-то нежилой каюте – цветное стекло, металл, полированный камень – ему не хотелось. Однако «впечатление» жило в нем, никуда не уходя и не оставляя его, и во время разговора, и во время принятия «присяги», произошедшего отнюдь не в торжественной обстановке перед строем, а как-то буднично, по-дружески, «в тесном мужском кругу». И даже тайны империи, сухо изложенные ему герцогом Ёёю, не произвели на Кержака того впечатления, которого они, по-видимому, заслуживали, потому что впечатление было сильнее. Его не заслонила даже Тата, пришедшая к Кержаку поздней ночью.

«Ну это ты загнул, приятель, – усмехнулся Кержак. – Тата кого хочешь заслонит!»

Он улыбнулся приятному воспоминанию и произволь-

но нашел Тату взглядом. Она вместе с Нетой Ноэр стояла метрах в десяти от него. Девушки ели мороженое.

«И куда только влезает?» – подумал он, привычно оглаживая взглядом сложную топографию тела Таты Кээр.

Его взгляд поймал мгновение, когда девушка внезапно среагировала на что-то, что происходило за его спиной, и Кержак стремительно обернулся, а его рука уже летела за спину, где под пиджаком за брючный ремень была заткнута девятимиллиметровая «беретта». Конечно, он не мог соперничать с Катиными мечами. Куда там! Но и он кое-что умел, а теперь и мог. Снова мог. Руку Кержак успел остановить, потому что все было штатно. Просто из ближайшего переулка выходили Катя и Вика, и они были не одни. Рядом с королевой мягко шагал огромный и, судя по всему, невероятно сильный мужчина, а рядом с Викой... У Кержака сжало сердце, потому что этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. Такого молодого и здорового Федора Кузьмича Кержак застать не успел. Тот Суздальцев, которого знал он, был уже не таким. Впрочем, того Федора Кузьмича, которого он знал, больше не существовало. Он умер. Давно. Десять лет назад. Это Кержак понял сейчас вполне определенно. А этот высокий стройный мужчина был кем угодно, но только не Суздальцевым, хотя и Суздальцевым он был тоже.

– Здравствуй, Игорь, – сказал Федор Кузьмич, подходя. – Ты молодец, все правильно сделал.

«Сколько ему лет? – автоматически спросил себя Кержак,

внимательно рассматривая бывшего генерала. – Лет тридцать пять? А на самом деле?»

– Здравствуйте, Федор Кузьмич, – сказал он вслух, стараясь, чтобы голос не выдал охватившего его волнения. – Рад вас снова видеть.

– А я-то как рад! – знакомо хохотнул Федор Кузьмич, оборачиваясь к Вике. – Ты даже не представляешь себе, Игорь, как я рад!

Федор Кузьмич вдруг оборвал смех, резко повернулся к Кержаку и заглянул ему прямо в глаза.

– Власовцем себя считаешь? – спросил он тихо, а глаза, только что полные смеха, стали холодными и неумолимыми, как оружейная сталь.

– Да уж не знаю, что и думать, – почти спокойно ответил Кержак, внутренне напрягаясь.

– *И не думай*, – покачал головой Суздальцев. – Не успеешь. А главное, зачем? – Он усмехнулся, показав Игорю Ивановичу крепкие белые зубы. – Со мной, Игорь, работать не зазорно, вот с этими... – Он повел рукой, как бы охватывая движением кисти набережную, город, страну. – Лучше уж в бардак, вышибалой. Не находишь?

Хотя вопрос был, по-видимому, риторическим, Кержак был готов ответить, но не успел.

– Хватит! – Это прозвучало резко и однозначно, как приказ. Приказом и было.

Катя подошла к ним почти вплотную. Еще секунду назад

ее лицо светилось счастьем, и королева этого не скрывала, и скрывать не собиралась. Сейчас она была серьезна.

– Игорь Иванович, вы получили разъяснения от господина Йёю?

– Да, – согласился Кержак, начиная отходить.

– Великолепно. – Катя смотрела на него холодно и безмятежно. – У вас возникли недоумения. Они разъяснятся, но я хотела бы вам напомнить, что вы принесли присягу. Я не ошибаюсь?

– Нет.

– Тогда успокойтесь, пожалуйста, – сказала она, не меняя тона. – И ты, Федя, тоже. Нечего мне ценного кадра пугать, – улыбнулась королева.

– Кержак, между прочим, мой кадр, – добродушно улыбнулся ей в ответ Суздальцев. – Или уже нет?

– Извините, – буркнул Кержак, сам удивляясь своей неожиданной вспышке.

– Твой, – снова улыбнулась Катя. – Извиняю. Но постарайтесь, Игорь Иванович, чтобы такое больше не повторялось. Макс, познакомься, это Игорь Иванович Кержак.

– Очень приятно, – мягко сказал гигант, который как-то незаметно оказался рядом с Кержаком. Он говорил так, как говорят люди, непоколебимо в себе уверенные. Таким, судя по всему, он на самом деле и был. Притом, что уверенность, которую он излучал, распространялась на все, что его окружало, не умаляя, впрочем, и не унижая других людей.

«Да, таким и должен быть Катин принц-консорт... Или бери выше?»

– Взаимно, – поклонился Кержак, отмечая фантастическую грацию, с которой двигался великан, и легкий немецкий акцент в его абсолютно правильной русской речи.

– Вы, возможно, догадались, Игорь Иванович, – как ни в чем не бывало, продолжила Катя, – что те, кого мы ждали, вернулись, и теперь все в сборе.

Она говорила спокойным ровным голосом, передававшим минимум эмоций, и о том, что творилось в это время у нее в душе, Кержак доподлинно знать не мог. Тем не менее он догадывался, что для нее этот разговор являлся лишним, ненужным и обременительным чрезвычайно. Но она знала, что такое долг и обязанность, и, по-видимому, полагала, что разъяснения должны быть даны. И это его тронуло до глубины души. Нет, не так. Его проняло. Так правильнее.

– Разрешите представить вам, Игорь Иванович, господина Ё, – сказала Катя, делая плавный жест рукой в сторону великана. – Вы можете называть его Максом Давыдовичем. – Она улыбнулась вдруг, но улыбка была почти мимолетной, и через мгновение королева снова была серьезна. – На данный момент господин Ё является по законам Аханской империи хранителем сердца империи, то есть, по-русски выражаясь, Местоблюстителем Престола.

Кержак с новым интересом посмотрел на гиганта и получил в ответ вежливую улыбку. У господина Ё было красивое

выразительное лицо и внимательные серые глаза.

– Федора Кузьмича вы знаете, так что представлять вас друг другу надобности нет. Но я хотела бы довести до вашего сведения тот факт, что, как старший по званию, Федор Кузьмич автоматически становится исполняющим обязанности главнокомандующего вооруженными силами империи. Соответственно вы, Игорь Иванович, снова поступаете в его распоряжение. Это главное. Остальное лирика. И вот лирикой... – Катя, более не сдерживаясь, улыбнулась так, что Кержаку показалось – на улице стало светлее. Значительно светлее. – И вот лирикой мы и собираемся теперь заняться. – Она оглянулась на своего Ё, и теперь уже расцвел улыбкой Макс Давыдович. – Так что мы уезжаем, а вы, Игорь Иванович, свободны... – она задумалась на секунду, вероятно, что-то высчитывая в уме, – на сорок восемь часов.

Она снова улыбнулась:

– Отдыхайте!

«Лирика...»

Кержак проводил взглядом удаляющихся в направлении машин небожителей. Они шли в нормальном темпе, но его не оставляло ощущение, что они торопятся.

Отпуск. Правильнее, конечно, увольнительная, но сути дела не меняет. Сорок восемь часов полной свободы.

«Свобода», – сказал он себе, непроизвольно любуясь летящей походкой королевы.

«Сорок восемь часов? – Его ужаснула перспектива остать-

ся наедине с самим собой на целых сорок восемь часов. И именно сегодня. – Но ведь это приказ, или я чего-то не понимаю?»

Хлопнули дверцы, глухо взревел мощный мотор, и машина королевы плавно тронула с места, с изяществом крупного, но ловкого зверя вписываясь в узость проезжей части. Вторая машина присоединилась к первой с секундной задержкой.

Кержак проводил взглядом удаляющиеся «хаммеры» и огляделся. На набережной он остался один. То есть народу здесь было много, но свои все испарились. По-видимому, уехали во второй машине. Игорь Иванович снова посмотрел вдоль набережной, проследив ее всю до торчащего в недалекой перспективе края Казанского собора, и полез в карман за сигаретами.

«Сорок восемь часов», – повторил он, закуривая, и, развернувшись на месте, неторопливо пошел по направлению к Михайловскому саду. Идти ему, собственно, было некуда. И плана, как убить неожиданно свалившиеся на него сорок восемь часов непрошеной увольнительной, не было. И, значит, идти он мог куда угодно. Ведь не на месте же стоять? А сад, вот он, рукой подать.

Ненавязчивый взгляд в спину он почувствовал, уже входя в сад, но решил игнорировать.

«Легитимно, – пожал он мысленно плечами. – Нешто не понимаем? Понимаем, не маленькие. Доверяй, как говорит-

ся, но проверяй. Проверяйте!»

В саду было хорошо и прохладно. Легкий ветерок тревожил зеленоватый воздух, наполнявший пространство между старыми деревьями. Кержак прошел в глубину сада и сел на скамейку недалеко от пруда. Он закурил новую сигарету и попытался «отдышаться».

«Что, собственно, произошло, гражданин Кержак? – спросил он себя строго. – Что ты психанул-то, как, прости господи, не знаю кто?»

Он усмехнулся мысленно, хотя ухмылки и не получилось. Не до смеха ему было. Совсем. Потому что все было не так и нехорошо, вот в чем было дело. И разборки душевные – раздрай, разброд – были ему почти что в новость. Не привык он к этому и никогда не был склонен к рефлексии, иначе и не состоялся бы ни как человек, ни как разведчик. Он давно ведь позабыл уже, что это такое – быть с самим собой не в ладу. И вдруг такое! Бред.

И встреча с генералом Суздальцевым не была ведь для него вовсе неожиданной. С тех пор как давным-давно – сорок девять дней тому назад – он встретился с Катей, образ «покойного» Федора Кузьмича не раз и не два проходил стороной, как какая-нибудь тень отца Гамлета. Присутствие генерала за кулисами спектакля вполне ощущалось. И дело было даже не в том, что валькирия Ира числилась его законной супругой («А Вика тогда здесь при чем?»), и не в том, что королева Катя («Правильнее, наверное, Екатерина?»), сказала

ему, Кержаку, со всей определенностью, что Федор Кузьмич жив и здоров, «чего и всем нам желает». Дело было в том, что Суздальцев жил в словах, в повседневной речи, так сказать. Кержак постоянно его слышал, то есть не самого Федора Кузьмича, конечно, но его своеобразные словечки и при сказки в репликах Кати и Вики, и Иры тоже. Даже монстр Миша нет-нет да закладывал на своем превосходном русском языке какой-нибудь незабываемый оборот, от которого за версту несло духом Суздальцева.

И вот теперь Суздальцев вернулся. И смутные предположения, начавшие складываться в голове Кержака в самом начале этой истории, получили зримое и вполне материальное подтверждение. Ох, не прост был Суздальцев! Это-то Кержак знал всегда. А теперь вот понял, что был Федор Кузьмич куда более сложной фигурой, чем представлялось ему раньше, в бытность его, Кержака, правой – и левой тоже – рукой генерала.

Но с другой стороны, не лишним было бы задать самому себе простой вопрос – ну и что? Что такого произошло сегодня, что ты впал вдруг в эдакий экстаз?

«Пятачок, мля, старый», – в сердцах подумал он.

В шестидесятые годы прошлого уже столетия, когда Игорь Иванович только начинал свою карьеру разведчика, он женился. Все женились, да и для личного дела было полезно. Вот и он женился. В 1963-м. И детки вскоре родились.

Двое, с разницей в один год. И Игорь Иванович – по мере возможности, конечно, – проявлял себя примерным семьянином, мужем и отцом. Не то чтобы это было внутренней потребностью. Скорее, это была привычка все делать как положено, чувство долга, если хотите, но судят-то по результату, не правда ли? И в те редкие вечера, когда по какой-нибудь случайной причине Кержак оказывался дома, он деток своих и мыл, и кашей кормил, и книжки им читал. И вот среди тех книжек, которые читал детям Кержак, попалась ему однажды читанная и самим Игорем Ивановичем в детстве, но давно позабытая книжка Милна про медвежонка Пу. Впрочем, тогда Кержак называл медведя еще по-русски, Винни-Пухом, это потом – в далях и весях закордонной разведки – он привык к исходному Пу. Так вот, перечитывая книгу, Кержак наткнулся на массу замечательных цитат, которые стал использовать и на службе, подражая все тому же Суздальцеву. И чаще других цитировал он тогда историю про Пятачка и голубые помочи Кристофера Робина. Любое чрезмерное возбуждение коллег по любому поводу он комментировал именно отсылкой к маленькому Пятачку. Выходило смешно и по сути правильно. А теперь получалось, что и сам он попал в точно такое же положение. Ужас!

Действительно ужас, но воспоминания позволили Игорю Ивановичу собраться с мыслями, сняли эмоциональный накал, и он, успокоившись, наконец мог неспешно и обстоятельно разобраться и с собой и с миром вокруг себя.

Выходило, что с ним просто случился срыв. Обыкновенный нервный срыв, которого и следовало ожидать, если не быть чрезмерным оптимистом. Неприятно, но не смертельно и объективно даже хорошо. Потому что если уж это должно было произойти, то чем раньше, тем лучше. Произошло и прошло.

Кержаку по паспорту было семьдесят пять. Это он стал забывать в последнее время, что семьдесят пять, но факто бесспорный. По человеческим меркам, возраст солидный и даже для здорового хорошо тренированного человека пограничный. Еще год, два, ну пусть пять лет, и все. Маразм. Без всякого сарказма. А Кержак здоровым не был. По молодости лет схватил в паре горячих инцидентов пульку-другую да малярию в Анголе подцепил, хорошо хоть не СПИД. Так что он в свои семьдесят пять был уже на пределе. Из последних сил, можно сказать, держался. И вдруг такое. И сразу. И много. Чего же удивляться, что нервная система дала сбой? Этот вот момент господин Гете в своем бессмертном «Фаусте» не разработал. Не хватило у гения психологического чутья. А каково это, получить второй шанс? Когда возвращаются силы, когда начинаешь забывать, что это такое, ощущать свое тело, свой сраный организм? Все время ощущать. Не зря ведь и шутка такая среди старых пней ходит: дескать, если проснувшись утром, ты не чувствуешь, что где-нибудь болит, значит, ты уже умер. Нет, неспроста. Потому что правда. А он стал забывать. Но психику-то не

обманешь. Нет, ее на кривой не обойти. И Тата ему нелегко далась. То есть отдалась-то – или, правильнее, взяла? – как раз легко, но психологически вся эта история, длящаяся уже почти два месяца, простой для него не была.

Моральных проблем она не породила. В этом как раз виноват был его возраст. Жена Кержака умерла пятнадцать лет назад. Верность ей он не хранил и при ее жизни, как, впрочем, и она ему, – об этом Кержак знал наверное – так что тут сложностей не предполагалось. Парни его выросли. Обоим уже к пятидесяти подходит, и оба давно уже живут, как им самим нравится, и об отце вспоминают только по праздникам. Но вот для него самого переход из разряда «уже не актуально» в категорию «все, как у людей» – вернее, много лучше, чем в среднем у людей – такой переход был ох как не прост.

И это ведь тоже еще не все. Потому что встреча с инопланетянами – это вполне экстремальный опыт и сам по себе. Даже для бывшего разведчика, который на самом деле разведчиком быть не перестает никогда. А Кержак еще и на службу к ним поступил, к пришельцам этим. Вот тут как раз и поднялись было в полный рост моральные императивы. И хотя достаточно быстро сомнения его были разрешены, полностью они никуда не исчезли. Это вообще тот еще был казус. С одной стороны, чужие в городе, а с другой стороны...

Кержак понял, что сидеть и дальше на скамеечке в саду ему не хочется. Планов на все сорок восемь часов у него по-

прежнему не было, но вот на ближайшие час-два план появился. Ничего оригинального, просто он вспомнил вдруг, что в окрестностях полно кабаков, а думать за чашкой кофе или бокалом пива куда как приятнее.

«И музыка опять же», – сказал он себе, вставая и направляясь к выходу из сада.

В результате вместо кофе или пива он пил коньяк, устроившись за дальним от входа столиком в маленьком полупустом кафе. Это было четвертое заведение, в которое он заглянул, и оно ему понравилось тем, что свет здесь был приглушен и играла тихая музыка. И не просто так, а джаз, который Кержак всегда предпочитал новомодной попсе. Вот классику он так и не полюбил, хотя честно пытался к ней привыкнуть, а джаз как начал слушать в пятидесятые еще, когда за это можно было и схлопотать, так и продолжал до сих пор. Он заказал сразу двести граммов, чтобы «не напрягаться», дагестанского коньяка, получил заказ на удивление быстро, сделал первый глоток, оценивая качество напитка, признал его достоинства – средний, но не беда – и закурил очередную сигарету. После второй затяжки Кержак понял, что все кончилось.

«Перебесился, – констатировал он не без одобрения. – И правильно. Чего блажить?»

Он был прав, когда решил, что это стресс из него так выходит. Не было настоящего повода для вспышки. Не было. Просто перегрелся. Бывает. Даже с самыми крепкими и тер-

тыми случается. Вот и с ним случилось. Неприятно, но что поделаешь. Жалко только, что королеву задел, да еще в такой день, в такую минуту.

Он вспомнил свет счастья на Катином лице, сияние ее глаз, и ему стало даже неудобно. И перед ней, и перед этим ее огромным Ё, который Кержаку понравился. Серьезный мужчина. И дело не в его размерах, а в сути, которую Кержак успел почуять за считанные минуты знакомства.

«А кстати, кем приходится этот Макс Давыдович Ё нашей красавице Ё?» – Кержак хотел пригубить из стоящего перед ним бокала, но обнаружил, что «тара» пуста. Пуст был и графинчик. Зато в пепельнице лежало уже пять окурков. Думая о своем, он незаметно и, кажется, даже нечувствительно, выпил все. Кержак мужественно выдержал удивленный взгляд девушки-официантки, улыбнулся ей успокаивающе и заказал еще двести граммов. Девушка улыбнулась ему в ответ, подняла брови в притворном восхищении и пошла выполнять заказ.

«А ведь там еще девочка имеется», – вспомнил вдруг Игорь Иванович.

С детьми, прибывшими на «Шаисе», он виделся редко. На Земле они бывали нечасто и оставались обычно ненадолго, да и тогда ими занимались совсем другие люди. Дети находились не в его компетенции, а на «Шаисе», который теперь назывался «Вашум», редко бывал Кержак. Ему просто нечего там было делать. И сейчас, с чувством законного раздра-

жения, Кержак понял, что девочку совершенно не помнит, что было явным упущением. Но сколько Кержак ни напрягал память, ничего, кроме образа высокой и тонкой черноволосой девчушки, в памяти Игоря Ивановича не всплыло. Увы.

С сожалением оставив бесплодные попытки вспомнить то, что не запомнилось, Кержак вернулся к королеве. Катя Игорю Ивановичу нравилась. Она понравилась ему с самого начала, с их первой встречи, когда запугала Кержака почти до инфаркта. Ему тогда действительно стало страшно, даже жутко, но при этом Катя произвела на него впечатление. Сильное впечатление. Даже очень сильное. И потом он в ней не разочаровался. Одним словом, королева. Королева и есть. Красавица и умница, и характер, и внутренняя сила. Все было при ней. И еще одно качество, которое много послуживший Кержак умел понимать и ценить, имелось у Кати. Она умела одновременно держать дистанцию и в то же время быть рядом. Это не простое умение, особенно когда дистанция велика. Ведь если она действительно королева – а похоже, что это именно так – то кто он, Кержак, по отношению к ней? Так, мелкая сошка. Чиновник средней руки. Тем не менее, с тех пор, как он поступил к ней на службу, она всегда говорила с ним исключительно вежливо, уважительно даже, не обижая и не помыкая. А это дорогого стоит!

Поражал и размах. Что такое два месяца? Смотря для чего. За два месяца можно и жениться и развестись, это правда. Но вот родить никак не удастся. И армию создать – пусть да-

же маленькую армию – крайне затруднительно. Но Катя была женщиной необычайно энергичной. И взявшись за дело, перла, как, извините за выражение, бульдозер, и не успокаивалась, пока не доводила дело до конца. Конечно, у нее были хорошие помощники, огромные ресурсы и материал отменный. Во всяком случае, те люди, которых нашел для нее Кержак, были элитой. А ведь не один он старался. Видел Игорь Иванович разок одного из закордонных контрагентов Кати и, признаться, страшно удивился, опознав в лощеном бизнесмене из Швейцарии бывшего командира израильских командос. «И откуда у нее только такие связи?» – подумал он тогда с удивлением. Действительно, откуда? Но всех тайн королевы он не знал и вряд ли когда-нибудь узнает. Не его уровень. А Катя... Что ж, даже с такими помощниками и с такими ресурсами можно провалить любое дело. Имелись прецеденты, и немало. Если есть проблемы в консерватории, ничего не поможет. Но у Кати таких проблем не было.

А что касается того, что они тут все делают, так от Земли не убудет. Может быть, в результате и прибудет. Было у Кержака такое ощущение, что к добру все это, а не ко злу. Кроме того, сами же земляне, и не вообще земляне, а самые что ни на есть русские земляне, среди пришельцев этих тоже ведь имеются. В этом Кержак не сомневался. Ну а если и этого мало, то ведь возможности у Кати таковы, что захоти она – непонятно, правда, с чего бы, но пусть! – так вот, захоти она, мощи одного «Шаиса» хватило бы, чтобы здесь всех

раком поставить. А ведь у нее было два крейсера, а скоро будет целых пять. Для Земли явный перебор, так что, если бы Кержак даже и не получил в свое время «исчерпывающих разъяснений», которые на поверку могли оказаться и липой, логика событий, как видел их Кержак в течение уже двух месяцев, была проста. Эту армию не для Земли готовят. Для Земли у Кати сил хватило бы и без Кержака.

И тут Кержак обнаружил, что у него опять закончился коньяк. Он с удивлением посмотрел на пустой графин и решил сменить место дислокации. Четыреста граммов в одном месте, без закуски и не в компании были явным перебором. Он вежливо поблагодарил официантку, расплатился, оставив много больше десяти процентов чаевых, и пошел «думать» дальше. Неспешные размышления привели его сначала в какой-то незнакомый ресторан на Невском, затем в кафе на Петроградской стороне, куда он приехал на такси – хотя куда он ехал, вернее, куда собирался ехать на самом деле, Кержак успел забыть по дороге, а закончился этот день на тихой и темной улице, названия которой Игорь Иванович не запомнил. Он только твердо знал, что это Васильевский остров, и уже это было достижением, потому что количество выпитого им в течение дня коньяка и виски измерялось уже литрами, а съеденной еды – граммами. Ну, может быть, сотнями граммов. Пилось на редкость легко. Кержак так не пил уже много лет, а так, чтобы почти не пьянеть – ему определенно казалось, что он совершенно трезв, – и вовсе нико-

гда. Но и этот бар ему, в конце концов, надоел, тем более что Кержаку очень не понравилась компания каких-то очень уж серьезных молодых людей, которые старательно делали вид, что не обращают на Игоря Ивановича никакого внимания. Признак был нехороший, и Кержак решил уйти от греха. Прожив почти всю сознательную жизнь за рамками закона и совершая конкретно сейчас явно противоправные действия, среди которых, помимо всяких мелочей, числились и создание незаконных воинских формирований, и такой же насквозь незаконный оборот оружия, Кержак себя никогда – и теперь тоже – с миром криминала не соотносил. Напротив, он люто ненавидел всю эту уголовную шваль, и парни, сидевшие за двумя сдвинутыми вместе столиками метрах в десяти от Кержака, заставили его насторожиться.

Он расплатился, на этот раз стараясь не демонстрировать публике свой портмоне, и без суеты вышел на темную улицу. На улице было пустынно, даже машины почему-то не проезжали.

«Придется драться», – с тоской подумал Кержак, окидывая взглядом поле боя. Куража, как следовало бы ожидать от человека в состоянии острой алкогольной интоксикации, не было и в помине, а стрелять ему не хотелось.

«Может, отдать им бумажник на хрен, и пусть катятся? – спросил себя Кержак, быстро протирая пистолет носовым платком и засовывая его за мусорную урну. – Но черт их знает, что у них на уме, у этих уродов».

Уроды не заставили себя ждать. Они неторопливо вышли из бара, резонно полагая, что далеко клиент уйти не успел, и очень удивились, обнаружив «терпилу» ожидающим их на противоположной стороне улицы. Тем не менее удивление не изменило их планов, и, разойдясь «цепью», охватывающей Кержака и отсекающей его от обоих возможных путей бегства, парни двинулись на Игоря Ивановича. Их было семеро, но напасть на него все сразу они не могли. Кержак занял единственно правильную позицию – спиной к стене дома. И тактику он выбрал единственно возможную в данной ситуации. У него была небольшая надежда, что кто-нибудь в баре заметит драку и вызовет милицию. Но сильно он на это не надеялся, а потому атаковал первым. Поскольку никаких переговоров не предполагалось, так как никаких формальных претензий ему предъявлено не было, Кержак, дождавшись, пока первый из бандюков приблизится на расстояние удара, вмазал ему ногой в пах и моментально переключился на другого. Того, что был справа от страдальца. Этот яйца прикрыть успел, но зато открыл лицо, в которое и врезался с силой левый кулак Кержака. И понеслось. Удары сыпались со всех сторон, знай только уклоняйся и держись на ногах, потому что если упал, то все. Конец. Забьют насмерть.

К сожалению, Кержак ночных охотников недооценил. Оправившись от неожиданности, они действовали грамотно и выучку демонстрировали недетскую. Как ни был занят Кержак процессом, он успел отметить, что как мини-

мум трое из них успели, видимо, отслужить в каком-нибудь спецназе. Причем отчетливые признаки модифицированного тэквондо достаточно внятно указывали на морскую пехоту. Увы. Кержак крутился, как мог, но его доставали все чаще и чаще, и все чаще он с трудом сохранял после пропущенных ударов вертикальное положение и темп. А милиции все еще не было, и можно было предположить, что и не будет. В очередной раз пропустив болезненный удар в плечо, Кержак качнулся к стене, отбил следующую атаку ударом ноги, и тут к нему пришла неожиданная помощь. Стремительная тень материализовалась внутри группы нападавших, и Кержак увидел, как вываливается из боя худощавый высокий парень, тихо и страшно сипя перерезанным горлом. Пораженный Кержак пропустил удар в грудь и с силой приложился спиной о стену. Но это было последнее, на что оказались способны нападавшие. Бесшумный и трудно уловимый взглядом вихрь прошел сквозь их ряды, и все кончилось. Кержак стоял, прислонившись спиной к стене, о которую только что основательно приложился, а перед ним на тротуаре и проезжей части улицы лежали мертвые и умирающие люди.

Асфальт был залит кровью. Крови вообще было много, потому что Тата действовала двумя тонкими стилетами, которые в обычное время служили каркасом ее маленькой сумочки из крокодиловой кожи. Вытерев клинки об одежду лежавшего у ее ног без движения парня, Тата вставила их обратно в сумочку, по-прежнему висевшую у нее на плече, и

посмотрела на Кержака:

– Почему ты не позвал меня, Кержак?

– А надо было позвать?

– Конечно. А почему не стрелял?

– Не хотел привлекать к нам внимание, – устало ответил

Кержак, доставая из-за урны спрятанную там «беретту».

«Да уж, не привлекли внимания, – подумал он, оглядывая поле боя. – О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

– Ты знал, что я иду за тобой? – спросила Тата.

– Знал, чувствовал, – слукавил Кержак, который на самом деле чувствовал только чье-то присутствие за своей спиной, но не знал чье. – Пойдем отсюда, а то милиция скоро набеджит.

– Пойдем, – согласилась Тата. – У меня машина за углом.

Судя по тому, что он чувствовал, у него было сломано и порвано все, что только можно сломать или порвать. Разум и опыт утверждали обратное. Будь он так искалечен, как ему казалось, он не смог бы сейчас идти. Даже ползти не смог бы. А Кержак шел и еще находил в себе силы на неспешный разговор о том о сем. В общем, держал лицо, как говорят его работодатели.

Он хорохорился, конечно, но чувствовал себя отвратительно. Все-таки, как ни крути, он был уже не молод, а так драться ему не приходилось, считай, лет полста. Он мимо-летно вспомнил Бейрут шестьдесят третьего года, но настроения и дальше вспоминать те славные времена у Игоря Ива-

новича не было. Кержак собрал все силы и дошел до машины, которая действительно оказалась припаркована в совсем уже темном переулке за углом. Вполне сносно дошел. И в машине, которую Тата вела, как истребитель в бою, Кержак тоже не показывал вида, насколько ему плохо. Видела Тата что-нибудь или не видела, было ему сейчас неважно, но и открыто демонстрировать перед ней свою слабость он не хотел. К счастью, дорога не заняла много времени. Тата привезла его на одну из опорных точек, в большую ухоженную квартиру на Московском проспекте. Игорь Иванович, скрипя и стenea мысленно, разумеется, только мысленно, поднялся на третий этаж, зашел в квартиру и сразу же «бегом» направился в кухню. Только выпив полстакана холодной, из холодильника, водки, он нашел в себе силы добраться до ванной. Он закрыл за собой дверь, на которой не оказалось ни крючка, ни задвижки, постоял минуту, привалившись к ней спиной, и только отдышавшись немного, преодолел наконец мизерное, в сущности, расстояние до большой облицованной цветным кафелем ванны и пустил воду. Пока в ванну набиралась горячая вода, Кержак сидел на краю и пил из принесенной с собой из кухни бутылки холодный боржом. Ополовинив бутылку, он достал сигареты и закурил. Раздевался он медленно, то и дело прерываясь на то, чтобы глотнуть воды или сделать затяжку. Когда наконец разделся, Кержак увидел в большом, в полстены, зеркале плоды своих ратных трудов. Никаких кровоточащих ран он не нашел, но синяков

и ссадин было много. Очень много. Скептически покачав головой, Кержак допил боржоми и кряхтя полез в воду. Горячая вода оказалась верным решением, но вполне насладиться ванной ему помешали. Он только что допил воду и докурил сигарету, когда, как будто дождавшись именно этого момента – а возможно, что и дождавшись, в ванную вошла Тата. Дверь открылась, и Кержак увидел стоящую на пороге Тату. Тата была, что называется, в чем мать родила, но костюм Евы, как уже успел убедиться Кержак, ей очень шел. Тата была восхитительна, вот только Игорь Иванович был сейчас не в форме. Он был никакой. Так, наверное, правильнее.

Тата молча постояла в проеме двери, глядя на Кержака, который тоже молча смотрел на нее, потом вошла, закрывая за собой дверь, и подошла к Кержаку почти вплотную.

– Кержак, – сказала Тата, присаживаясь на край ванны, – давай я выйду за тебя замуж?

У Таты был приятный грудной голос, от которого Игоря Ивановича и так в жар бросало. Но то, что сказала ему Тата сейчас, его чуть не убило. Он просто не был к такому готов. Он даже не знал, что могут с ним сделать эти простые слова, произнесенные ее голосом. Он обмер. Сердце остановилось или что-то в этом роде, но только он почувствовал, как сжимается все в груди, и разом не стало в легких воздуха, и перед глазами туман. Но даже сквозь туман он видел ее глаза, голубые, как мечта.

Он все-таки справился, прорвался сквозь слабость и ото-

роп и даже смог заговорить, но чего это ему стоило, знал только он один.

– Тата, – первое слово далось с трудом. – Ты знаешь, сколько мне лет?

«Господи! Ведь я действительно старый хрен, я...»

– И ведь я не из ваших, – он улыбнулся грустно, потому что кроме грусти, кроме тоски, ему ничего не оставалось. – Это у вас подолгу живут. А у нас... восемьдесят лет, ну, девяносто, и все. И ведь это уже глубокая старость.

Он говорил, а она смотрела на него, без улыбки смотрела, серьезно, внимательно.

– Катя подарила мне отсрочку, – сказал он. – Я ей очень благодарен. За тебя, Тата, благодарен, но отсрочка – это всего лишь отсрочка. Понимаешь?

– Нет, – Тата осталась совершенно серьезной. – Нет, не понимаю. Королева подарила тебе шанс, а не отсрочку. Ты знаешь, кто я? Я меч королевы. Восемнадцатый меч! Ты просто не знаешь, Кержак, что это такое – восемнадцатый меч. Это первые тридцать. Мы умрем последними, когда у королевы уже не останется никого. Ты понял? Мы ее последний щит и последний меч. И первые в дни мира. Кержак. Ты понял?

Она протянула к нему руку и закрыла пальцами рот, не давая вставить даже одного слова.

– Королева не оставит тебя. Она умеет быть верной и платит верностью за верность. Нор великая королева, Кержак, если ты еще не понял. Но я и сама смогу о тебе позаботить-

ся, Игорь. Я ведь не только меч, я баронесса Кээр, Кержак. Выйду за тебя замуж, ты тоже будешь бароном. У нас хватит денег на полное омоложение. У нас на все хватит денег. Я не покупаю тебя, Кержак, я тебя люблю. Королева сказала, что у нас могут быть дети. Если я не погибну, если не погибнешь ты, мы вернемся на Ойг. В излучине Зеленой реки стоит мой дом, а вокруг тайга, Кержак, триста тысяч квадратных километров тайги.

Она улыбнулась мечтательно, по-видимому, вспомнив свою землю. И снова улыбнулась, но уже по-другому. Улыбнулась Кержаку.

– У меня большой дом, – сказала она. – У нас будет большой дом, Кержак. Я рожу тебе детей, которые наполнят дом смехом, а потом они будут служить королеве и императору, как и положено баронам Кээр, гегхским мечам и ноблям империи.

– Кержак, – сказала она через минуту. – Ты плачешь?

«Я плачу, – признался себе Кержак. – Я плачу...»

– Спасибо, Игорь, – тихо сказала Тата. – Спасибо, но я этого не заслужила.

– О чем ты? – удивился Кержак, старавшийся взять себя в руки. – О чем?

Ему вдруг увиделась вся эта сцена, как она выглядит со стороны, и ему стало жарко от стыда. Сидит голый мужик в ванной и плачет, а рядом сидит – близко, только руку протяни – красивая и тоже совершенно голая девушка и благода-

рит его за слезы. Ужас!

«За эти слезы, Эмма, я люблю тебя еще больше».

Стыд помог ему справиться со слабостью. Только в голове шумело, а так вполне.

– О чем ты, Тата?

– Ты не знаешь, – улыбнулась она, а голубые глаза были полны... мечтательной неги? Возможно. – У гегх есть старинная песня о слезах, которые дарит возлюбленной воин. И она принимает их, как бесценный дар, потому что их подарил ей тот, кто никогда не плачет. Ни от боли, ни от обиды, ни от чего.

– Я возьму тебя в жены, Тата Кээр, если ты готова взять меня в мужа. – У Кержака тривиально кружилась голова. Но он был счастлив. Господи, как он был счастлив!

Глава 6. Королева

А потом она встала и тихо ушла в ванную. Не потому что устала, разве можно от этого устать? Умереть можно. А устать – нет. Она ушла, потому что нельзя. Невозможно. Нехорошо. Неправильно. Так много счастья не положено даже обычным женщинам. Что уж говорить о королевах. Потому что счастье, да еще в таких масштабах, кружит голову и делает людей легкомысленными. А ее удел – война.

«Глупости! – остановила она себя. – Что ты городишь?! Успеешь еще навоеваться! О да! – При мысли о войне перед глазами встал кровавый туман. – О да! Я буду их... Остановись! – приказала она себе. – Сорок восемь часов! Имею я, в конце-то концов, право на счастье или уже нет?»

Но что бы там ни было, она оставила спящего Макса и ушла в ванную. Ванная комната была просторной и неплохо оборудованной. Не роскошно, но вполне терпимо. Хотя, возможно, им следовало сразу же отправиться на «Чуу». Вот только встреча после разлуки – после такой разлуки – не оставляла времени на правильные решения. Они и до этого-то дома едва дотерпели. Чалик, надо отдать ему должное, шестым – шоферским – чувством ухвативший идею, гнал, как сумасшедший, и довез их сюда за рекордные тридцать пять минут. Лика усмехнулась, вспомнив этот заезд наперегонки со временем и дорожной службой, и, тихо прикрыв

дверь, прошла к столику с напитками, который ее люди – по аханской традиции – поставили и здесь. Она опустилась в кресло и прислушалась к себе. Теоретически ей пить не следовало и курить тоже, но Маска привычно уже ответила на невысказанный вопрос. Можно. Все можно.

«Нам, монстрам, можно все», – сказала она себе без прежней грусти и сожаления и посмотрела на свое отражение в зеркале. Увиденное ей понравилось. Как всегда. И подмигнув самой себе, сидящей в чем мать родила в кресле около крошечного, вполне аханского по виду столика, потянулась к бутылке.

«Нам, монстрам, законы не писаны. Даже законы физиологии. На то мы и монстры, чтобы все мочь».

Коньячных бокалов на столике не оказалось («Выпорю бездельников!»), и Лика налила коньяк в стакан для виски. Зато пахитоски в коробке были настоящими. Она закурила, и в этот момент в комнату вошел Макс.

«Я милого узнаю по походке...»

Смешно. Макс был единственным известным ей человеком, которого она «не слышала». Пока он не открыл дверь и не вошел, для нее он продолжал спать. Лежал на спине, расслабив свои потрясающие мускулы, и почти неслышно дышал носом. Но теперь она не была уверена даже в этом. Спал ли Макс, когда она от него уходила? Спал. Или не спал.

Макс вошел, остановился напротив Лики и улыбнулся.

«Я говорила тебе, Макс, что когда-нибудь умру от твоей

улыбки? Нет, конечно. Не говорила».

– Привет, – сказал Макс. Он умел говорить очень мягко, что при его-то баше было настоящим искусством. А еще он умел говорить так, что у нее начинала сходить с ума Маска. Или это она сама начинала сходить с ума? Лика никак не могла вспомнить, бывало ли с ней такое до того. Но все, что она могла сказать, это то, что любила его всегда. Они были нераздельны и неразлучны, ее любовь и Макс, хотя сами они, Макс и Лика, прожили в разлуке больше времени, чем вместе.

– Добро пожаловать в город-герой Ленинград, – сказала она и улыбнулась в ответ.

– Мне понравился *твой* город, королева.

«И что конкретно ты имеешь в виду?»

Макс подошел к столику, взял бутылку, которая показалась совсем маленькой в его могучей руке, и одним ловким движением, не пролив ни капли, наполнил свой стакан до половины.

«Красиво».

– Мне очень тебя не хватало, – сказала она вслух.

Это было правдой. Но это была, кроме всего прочего, такая особая правда, которую мог понять и оценить только он. В любом другом случае ее слова прозвучали бы или как простая констатация очевидного, или как двусмысленность. Макс ее понял.

– Я же сказал тебе тогда, – на мгновение Макс стал совер-

шенно серьезен, – все будет хорошо. Ты видишь, я не обманул.

Он снова улыбнулся. Как тогда. Как всегда.

– Вижу. Знаю. Будем говорить?

«Боже! Только разговора по душам мне сейчас и не хватало!» – подумала она, понимая, впрочем, что и поговорить им надо тоже.

– Если ты не против. – Он сел во второе кресло и закинул ногу на ногу. – Пустить воду?

– Как хочешь.

– Я хочу. – Он взял со столика пульт дистанционного управления и, быстро просмотрев меню, нажал на кнопки. – Ты даже не представляешь, Лика, где нас с Федей носило!

«Представляю».

Неожиданно ей тоже захотелось в горячую воду, а еще она поняла, что проголодалась.

«Еще час, ну два, и надо будет позвать слуг».

Из кранов хлынула вода, а Макс, отложив пульт, сделал глоток коньяка. Количество жидкости в стакане сократилось ровно наполовину.

– Ты знаешь, там, где мы были, тоже есть «Мартель».

– Не заговаривайте мне зубы, мой смарагд, – улыбнулась Лика. – Пахитосу хочешь?

– Не хочу. Ты беременна?

«Ну вот. Вопрос задан. А ты что думала? Он же бес, а не мужик, хоть и без Маски».

– Тебя это тревожит?

– Меня это радует. – Макс смотрел ей прямо в глаза и улыбался.

– А если это не твой ребенок? – Лика взгляда не отвела, но улыбаться перестала.

– То я все равно рад. – Макс тоже стер улыбку с лица. – За тебя... в первую очередь, и за империю – во вторую.

– Ты знал о?..

«Ну что тут скажешь? Он знает!»

– Только догадывался. – Макс протянул руку и нежно тронул кончиками пальцев ее щеку. – Во всяком случае, я думаю, что ты не позволила бы себе родить от кого-нибудь еще.

– Например, от тебя! – От его прикосновения ее снова обдало жаром, как будто бы и не было безумного вечера накануне. И Маска откликнулась моментально, раздувая вспыхнувшее пламя желания.

– Себя я в виду не имел, – сказал Макс, вставая и наклоняясь к ней. – Я вне конкуренции.

Он легко, как пушинку, и нежно, как цветок, достал ее из кресла и прижал к себе.

– Или ты будешь спорить? – шепнул он ей в ухо.

– Не буду. – Слова сорвались с ее губ вместе со стоном, а в следующее мгновение Макс уже закрыл ее рот поцелуем. Больше она ничего сказать не могла. Но говорить она и не хотела. Она хотела кричать и кричала, когда его губы позволяли ей это. В какой-то момент, как иногда с ней случалось,

она взлетела так высоко, что, кажется, душа отделилась от тела. И она увидела, как бы со стороны или сверху, два причудливо переплетшихся тела и слышала свои стоны. И даже подумала, как хорошо, что работает глушилка, «а то мои вопли перепугали бы все ФСБ». Но мысль эта была легкая, не обязательная. Она ничего в ней не затронула и ничего не изменила. Появилась и исчезла, а Лика уже снова взлетала под облака...

Она окончательно пришла в себя в ванне.

Горячая вода обнимала ее со всех сторон, и пузырьки воздуха, стремительно «взлетающие» сквозь толщу воды, ласкали ее расслабленное тело. И руки Макса, нежные, как дуновение весеннего ветра, его могучие и смертельно опасные руки лучшего танцора империи ласкали ее. Ей было дивно как хорошо в горячей воде. Ей было замечательно хорошо у него на коленях. Ее истома была отсветом той неги, которая, верно, ожидает людей в раю, и даже Маска притихла, как разнежившийся на солнышке сытый зверь.

«Она часть меня, а я... часть нее», – лениво подумала Лика, «просыпаясь», материализуясь, возникая из сладкого небытия в комфортном, но все-таки вещном мире.

– Ты страшный человек, Макс, – сказала она и услышала в своем голосе знаменитое норовское мурлыканье сытой и довольной жизнью кошки. Но не той домашней кошечки, которая только притворяется хищником, а сильного и по-настоящему опасного охотника, каким является барс. – Ты чу-

довище, Макс. Я чудовище, и ты чудовище. Мы разные чудовища, но я тебя люблю.

– Нет, милая, это я тебя люблю, – сказал над ее ухом Макс. Он умел говорить даже банальности так, что она сразу и безоговорочно верила каждому его слову. Тем более что она знала наверняка, эти его слова – правда. Все, кроме первого, потому что ни один мужчина – и Макс тут не исключение, хотя он и исключительный мужчина во всех других отношениях – так вот, ни один мужчина не может любить так, как любит женщина. А так любить, как любит она, не может вообще никто.

– Стыдись, Макс, ты говоришь с королевой! – сказала она и счастливо засмеялась. – А королева остается королевой даже нагишом.

– Нагишом ты даже больше королева, чем в коронационном платье. Но! – Его ладонь ласково коснулась ее груди. – Но...

– Моя грудь маловата для твоей ладони? – приснула Лика.

– Но, ваше величество, – как ни в чем не бывало продолжил он, опуская между тем руку ей на живот. – Если вы настаиваете, я готов на компромисс.

– Макс!

– Компромисс...

– Остановитесь, сударь! Ваши векселя могут оказаться...

– Мои векселя? – Его голос набрал мощь, а рука сместилась еще ниже.

– Верю! – потрясенно призналась Лика, почувствовавшая, что его... что он всегда знает, что говорит.

«Но это в последний раз, – решила она. – Пока я не поужинаю, не позавтракаю и не пообедаю, ничего больше!»

Она взлетела над ним в вихре брызг («Сейчас ты узнаешь, Макс, на что способен влюбленный барс! Сейчас ты узнаешь!»), развернулась в воздухе и упала снова к нему на колени, охватывая его торс ногами и сжимая ладонями его могучие плечи.

– Ты сам этого хотел! – выдохнула она, заглядывая в его потрясающие серые глаза. – Сейчас мы узнаем, из какого теста выпечен наш жемчужный Ё!

Она отпустила Маску и одним невероятно легким движением впустила его в себя. Такого безумства они не знали никогда. Просто потому, что Маска если и участвовала в их играх, то только – и всегда – как доброжелательный друг, но никогда не была полноправным участником. А сейчас... Сейчас Ликина страсть кипела в холодном и разрушительном Зазеркалье времени внутри времени, и это, несмотря на все ее опасения, была вовсе не чужая, заемная страсть. И наслаждение не было краденым. И блаженство было ее собственным, и ничьим больше. Оказалось, что возможно быть хозяином положения – «Хозяйкой!» – и при этом не потерять ничего из того, что могла ей дать близость с ее Максом. И Макс! Она видела – и глазами, и своим нечеловеческим видением – он с ней, он переживает то же, что и она, он чув-

ствует, взлетает и падает вместе с ней, потому что они одно. *Сейчас*, в эти волшебные мгновения, они одно целое, как и *тогда*, в страшный миг прощания, когда она думала, что обнимает его сквозь время и пространство в последний раз. Одно. *Целое*.

– Сейчас я вызову слуг, и мы будем обедать, – сказала она непререкаемым тоном, когда все закончилось. – Если я не пообедаю, – добавила она извиняющимся тоном, – я начну есть себя... или тебя.

Она рассмеялась, и он засмеялся вместе с ней.

– Тогда зови слуг, – решительно заявил он, поднимаясь на ноги. Вода стекала по его великолепному телу и сверкала в лучах ярких ламп.

Она тоже поднялась, на секунду задержалась рядом с ним, любуясь двойным отражением в стенном зеркале, усмехнулась, встретив там пьяный и ликующий взгляд своих ошалевших от счастья глаз, и решительно переступила через край ванны. Первым делом она нажала клавишу вызова слуг на дистанционном пульте и только потом, наугад выхватив из стенного шкафа первый попавшийся под руку халат, бросила его на себя.

– Твоего размера у меня ничего нет, – сказала она, в тревоге изучая содержимое шкафа.

– Не страшно, – возразил, подходя к ней, Макс. – У тебя есть простыни. Я сооружу себе тогу.

Он взял с полки одну из махровых простыней и в несколь-

ко движений одел себя в некое подобие римской тоги.

– Вполне, – улыбнулась Лика, открывая дверь и выходя навстречу ночным служанкам.

– Я хочу есть, – сказала она возникшим перед ней девушкам. – Мы хотим есть. Накройте в столовой и разожгите камин. Быстро!

И добавила уже в спину убегающим служанкам:

– Разбудите повара, я хочу горячего мяса.

– Они не гегх, – задумчиво произнес Макс, появляясь в спальне. – И не...

– Они украинки, – объяснила Лика. – Но с ними занимались мои люди... И потом... Ты не поверишь, но «Пленитель Душ» может творить настоящие чудеса.

– «Пленитель Душ»? – Макс подошел к креслу, на котором валялись наспех сброшенные сюда еще вечером его вещи, и достал из кармана куртки пачку сигарет. – Значит, он все-таки уцелел.

Он покачал головой и, достав из пачки сигарету, закурил.

– Последний раз он упоминался в связи со сражением на Легатовых полях, – ответил он на вопрос, вспыхнувший в глазах Лики.

– Я видела, – тихо сказала она. – Я была там, Макс.

И она начала рассказывать о своем путешествии за Край Ночи. Конечно, она не могла ему рассказать все, и потому, что многое было невозможно облечь в слова, и потому еще, что некоторые воспоминания могли принадлежать только ей.

А еще там, в ее путешествии, было много такого, что и сама она еще не полностью поняла и осмыслила. Да и в любом случае, чтобы рассказать все, и целого дня было бы мало, и двух дней, и трех тоже. Об этом им еще предстояло много и подробно говорить, обсуждать и думать, но сейчас она спешила рассказать главное. Главное для нее, главное для него, главное для них всех. Она пожалела было, что здесь нет Феде, но потом поняла, что это не страшно и даже хорошо. Во-первых, потому что все основное ему наверняка расскажет Вика – или уже рассказала, – а во-вторых, потому что сейчас она говорила с Максом, и ее рассказ был поэтому очень личным, интимным, можно сказать. Так говорить при Феде она бы не смогла.

Лика говорила, а Макс слушал. Он умел замечательно слушать, ее Макс. Он слушал, не перебивая и не мешая ей, лишь изредка, только когда это действительно было необходимо, задавая уточняющие вопросы или вставляя свои короткие реплики. Он слушал, и выражение его лица, любовь, которую он не скрывал, и деятельное участие, которое светилося в его глазах, все это помогала ей рассказывать о таком, что и словами-то передать было сложно. Она прервалась только тогда, когда служанки пригласили их за стол, но не прекращала говорить и за столом, автоматически поглощая пищу, вкуса которой она сейчас не ощущала. Она ела, потому что хотела есть. Она что-то пила, потому что Макс наливал что-то в ее бокал. Но занята она была только своим рассказом.

Удивительно! Ведь она уже рассказывала об этом и Вике, и Йффе, и даже Ё, но так, как она рассказывала это Макс, она не рассказывала об этом еще никому. И дело тут было не в дозировании информации, а в том, что сейчас, с Максом, она заново переживала весь свой страшный и прекрасный квест сквозь Другую Сторону Ночи. Вот это и было главным в ее рассказе. Неповторимая близость рассказчика и слушателя. Открытость, невозможная ни с кем другим. Откровенность, возможная только в присутствии любви. Такой *любви* и такого *доверия*.

– Значит, он погиб, как мужчина, – сказал Макс, кладя зажженную сигарету в пепельницу. Он взял со стола бутылку и разлил коньяк. Вид при этом у него был... задумчивый? Наверное, так.

– Выпьем за Вашума, – предложил он, поднимая бокал. – Пусть Добрые Духи не оставят его на Посмертных Полях.

«Спасибо, Макс. Ты... Ты очень добр ко мне и к нему тоже». Она подняла свой бокал, посмотрела Макс, в глаза и выпила. Сразу и до дна, сколько там ни было.

– Ты любила его? – тихо спросил Макс, ставя бокал на место.

– Не знаю, – честно ответила она и поняла, что этого недостаточно. Нет, не так. Она почувствовала, что Макс, она должна сказать все, что ему она может рассказать сейчас все, как оно есть на самом деле, как было.

– Ты знаешь, что у меня было несколько любовников. –

Она не спросила его, а просто озвучила то, что являлось правдой, и о чем, как она полагала, он знал тоже.

– Знаю, – улыбнулся Макс, не принявший заданного ею серьезного тона. – Одна очень жемчужная дама целую ночь исповедовалась мне в своей горячей любви к некой королеве...

– Оставь, – отмахнулась она. – Я не Ё имела в виду.

«Не Ё, не Фату, не Йфф... Господи, какая насыщенная половая жизнь!»

– У меня были и мужчины, – сказала она, криво усмехнувшись.

– Я знаю.

– Еще бы тебе не знать, двоих ты убил сам.

– Одного. И не за это. Граф Щец слишком много разговаривал. А второго убила Ё. Он тоже был болтун.

– Ё убила Таэра? – Это было для нее новостью.

– Его так звали? Да, она его убила. – Макс усмехнулся и снова разлил коньяк. – Видишь ли, милая, дама Ё полагает, что забота о тебе ее святая обязанность, как сестры и как... подруги.

– Она славная. – Лика подняла свой бокал, но пить не стала. – А с Вашумом у меня никогда ничего не было. – Она помолчала, держа бокал на весу и не отрывая глаз от глаз Макса, потом отпила глоток и закончила: – А в последнюю встречу... Ты знаешь, он никогда не давил на меня. Я знала, что он меня любит – ну, как он умел, так и любил, но любил

– и знала, что он меня хочет, но он никогда даже намеком... При его-то власти! Только предложения руки и сердца. В тот раз он снова сделал мне предложение, и я ему опять отказала. А потом... Это было как прозрение, предвидение... Не знаю, но я осталась у него.

– Значит, ты носишь последнего из рода Йёйж, – задумчиво сказал Макс.

– Откуда ты знаешь, что это мальчик? – удивилась Лика.

– А я и не знаю, – усмехнулся Макс. – Я что, угадал?

– Почти. – Лика вдруг поняла, что не знает, как ему это сказать.

– Что значит почти? – Ей таки удалось его обескуражить. – Постой! Ну да! Ты же сказала, три сердца. У тебя двойня?

– Я сказала?

– Милая, – покачал головой Макс. – Ты чуть не убила меня своим объятием.

– Серьезно? – Удивительно, но она сразу поняла, о чем он говорит, и испугалась.

– Ерунда, – улыбнулся он в ответ на ее испуг. – Ты же видишь, я жив, и я здесь, потому что ты меня тогда обняла. И поэтому тоже.

– Вот как... – Она была растеряна и обрадована. – Что ты услышал?

– Много чего, – пожал плечами Макс. – Хотя почти ничего не понял, кроме того, что ты прощаешься, а потом ты вроде бы решила не умирать. А еще там было про Черную Гору и

три сердца. Итак, их двое?

– Двое, – согласилась Лика. – Макс, они от разных отцов!

Она в раздражении опрокинула в себя все содержимое бокала, но даже не почувствовала вкус коньяка.

– Это не повод... – начал было Макс, но она его перебила.

– Я врач, – сказала она сухо. – Может быть, дерьмовый врач, но не настолько, чтобы не знать – это невозможно. Физиологический нонсенс! Но я беременна, и я точно знаю, что их двое, и что девочка от Вашума, а мальчик... Мальчик от тебя, Макс.

Последние слова она сказала шепотом. У нее вдруг не стало сил, и в голове зашумело, и все поплыло перед глазами, как будто весь выпитый за ночь коньяк материализовался сразу, одномоментно в ее крови. Она покачнулась, но огромная стремительная тень была уже рядом. Она почувствовала, как он поднимает ее на руки и прижимает к своей широкой груди.

– Ну и что у нас на этот раз?

Но все уже прошло. Проснулась Маска и моментально привела все в норму. А где, спрашивается, она была до того?

– Спасибо, Макс, – сказала она тихо, прижимаясь к нему, чувствуя тепло, идущее к ней от его большого сильного тела. – У нас будет сын.

– А у него – сестра.

– Ты?..

– А ты что думала?

– Не знаю. Но как это возможно?

– Раз есть, значит, возможно. У тебя же не просто Маска!

– Вероятно... возможно... Не знаю.

– И я не знаю, но это ровным счетом ничего не меняет.

Есть он, и он наш сын. И есть она, его сестра, и, значит, точно такая же моя дочь, как и он мой сын.

Макс говорил тихим убаюкивающим голосом, голосом успокаивающим, разрешающим проблемы. Он сказал ей главное, о главном для них двоих. О том, что она от него ожидала услышать и боялась не услышать. Сказал так, как ей хотелось, чтобы он сказал. Во всяком случае, теперь ей казалось, что именно этих слов она от него ждала. Но теперь, когда их личные проблемы были так или иначе разрешены, вступали в игру совсем другие силы, иные резоны, чужие интересы, которые уже давно перестали быть чужими, став частью их собственной жизни.

Политика.

«Политика! Политика, черт ее подери!»

Ну что тут скажешь? Скажешь – тяжела ты, шапка Мономаха? Скажешь и будешь прав. Она тяжела.

«Господи! Как она тяжела!»

Но что тут поделаешь? И надо ли что-нибудь делать? Такие шапки снимают только вместе с головой. И значит... Значит, не зря она работала, как бешеная, строя свою армию. Не зря рвала жилы и понукала всех и каждого. Не напрасно впрягала в эту тяжеленную повозку и Вику и Йффа. А теперь

будут вкалывать и Макс с Федей. Потому что...

«Нет, – поняла она. – Теперь как раз и настало время решать».

Перед ними лежало множество дорог. Каждая из этих дорог вела в свое особое будущее. Оставалось лишь выбрать одну из этих дорог и сформировать то будущее, которое они себе пожелают. И ключевым здесь было слово «они». Они, не она. Не одна она, а только они – *все четверо*, вместе – могли и должны были решить, что делать дальше.

– Хочешь, я их разбужу? – спросил Макс.

«Господи, он что, мысли мои читает?»

– Не надо, – покачала она головой. – Они уже идут.

В то же мгновение раздался аккуратный стук в дверь.

«Ну что? Теперь, кажется, и я смогла тебя удивить, любимый?»

Она почувствовала Вику еще десять минут назад. Вика не спала, она... Неважно! Дама Виктория обладала редким даром «ощущать» своих. Лику она порой слышала за десять-двадцать километров. Это не было чтением мыслей. Это была... Как назвать то, для чего в земных языках не было слов? Пожалуй, это была эмпатия, доведенная до совершенства. И сейчас Вика услышала ее, почувствовала, что они должны быть вместе. А Лика узнала, что Виктория не спит и чувствует ее, Лику, нужду быть вместе. Все это было запутано и невнятно, но Лика уже несколько минут слышала, как Федя и Вика собираются, одеваются, идут, тихо переговари-

ваясь по-английски, и сейчас они были уже за дверью.

– Войдите! – крикнула Лика. – Не заперто.

Федя был в серых джинсах, но босиком и в расстегнутой почти до пояса темно-синей рубашке.

– Ничего, что я без галстука? – спросил он озабоченно, предлагая руку Виктории, на которой был точно такой же халат, как на Лике, только не персиковый, а канареечный.

– Проходи, Федя, – сказала Лика. – Не стесняйся. Здесь все свои. Доброй ночи, Вика. Спасибо.

– Не за что, – пропела Вика и скользящим шагом последовала к столу. А Лика перехватила восхищенный взгляд Федора, которым он ее, Вику, провожал.

«Н-да! Мы все сумасшедшие. Все четверо».

– Но вы уже все съели! – обиженно заявила Вика, осматривая стол.

– И выпили, – поддержал ее Федя. – Непорядок. У нас в России так гостей не встречают.

– Ты не гость, – остановила его Лика. – Но если вы хотите есть, я сейчас распоряжусь.

Она снова вызвала служанок, и через считанные минуты стол был накрыт. К тому же выяснилось, что мясо, заказанное Ликой, давно уже готово, и повар, который, не получив других указаний, не знал, чем бы ему еще заняться на боевом посту, приготовил и другие вкусоности-разности и теперь готов был их подать на стол королевы.

– Все на стол! – скомандовала Лика. – И все свободны!

Еще через две минуты они наконец остались одни.

– Под мясо – только водку, – наставительно сказал Федя, разливая водку по стопкам. – А стопочки-то какие ностальгические! Ты помнишь, Макс?

– Помню. – Макс взял восьмидесятиграммовую хрустальную стопку, и она полностью исчезла в его сжатой ладони. – За нас!

– А я думал, за прекрасных дам! – усмехнулся Федя. – Ладно, если девушки не обидятся, за них следующая.

– Не обидимся, – улыбнулась Лика. – За нас!

– За нас! – поддержала тост Вика, и они выпили.

– Итак? – Федор уже разливал по новой, хотя никто и не подумал закусить.

– Ты знаешь, что я беременна? – ровным голосом спросила его Лика и потянулась за пахитоской.

– Знаю, – кивнул Федор и посмотрел на Лику с интересом. Он ждал продолжения.

– У меня двойня, – Лика продолжала говорить все тем же ровным голосом. – Срок около трех месяцев. Девочка от Вашума и мальчик от Макса.

– Об этом ты мне не говорила! – Потрясенный Федор переводил взгляд с Вики на Лику и обратно, успевая между делом глянуть на Макса, сидевшего за столом с выражением полного спокойствия на лице.

– Не актерствуй, Федя, – попросила Лика.

– Он только на тридцать процентов играет, остальное –

аутентично, – усмехнулась Вика. – Не расстраивайся, Витя, я сама не знала про мальчика.

– А это вообще-то возможно? – Теперь Федор смотрел только на Лику. – Я имею в виду – от двух отцов? Ох! – спохватился он. – За это же выпить надо! Мои поздравления, королева! Ну и там... Не знаю, что в таких случаях говорят... Легких родов? Ну в этом духе.

Он поднял стопку по-флотски на открытой ладони и, не чокаясь – по-ахански, – выпил водку одним глотком.

– Нам следует решить, что мы делаем дальше, – сказала Вика, выпив. – Я правильно поняла твои сомнения. Лика?

– Да, – Лика отставила пустую стопку и закурила. – Что теперь?

– А что теперь? – удивился Федор. – Теперь-то как раз все ясно. У нас есть, то есть будет, наследница престола. Дочь императора и королевы гегх легитимна до кончиков ногтей! Империя пойдет за нами на ура. Хранитель сердца империи есть...

– Хранители, – поправила его Лика. – У нас целых два уцелевших представителя Первой Дюжины: сенатор Ё и первая Э.

– Тем более, – кивнул Федор. – И принц на подходе.

– Нет, – покачала головой Лика. Она уже думала об этом и пришла к выводу, что такого безобразия она не допустит. – Нет. Они брат с сестрой. Я этих египетских штук не допущу!

Она вдруг замолчала, потому что почувствовала какую-то необычную реакцию Вики на ее слова, ее беспокойство, ее смятение...

– Вика?! – спросила она почти с испугом.

Ничего не понимающие мужчины переводили удивленные и встревоженные взгляды с одной женщины на другую.

– Я... – сказала Вика и начала стремительно краснеть. Та, кого никто из них никогда не видел. Казалось, способность краснеть вообще отсутствовала среди эмоциональных реакций Вики. – Я...

Она смотрела сейчас только на Федора. Глаза в глаза.

– Я... Ну я полагаю, что семь часов назад мы зачали мальчика. То есть я знаю это совершенно определенно. – Она остановилась, и выражение ее лица было такое, как будто она прислушивается к тому, что происходит сейчас внутри нее. – Примерно семь часов назад. Мальчик.

– Я обалдеваю. Я... Я!.. – Федор встал. – Сладкая моя! – завопил он так, что тренькнули хрустальные подвески старомодной люстры на потолке. – Зачали!

Он сграбастал красную, как рак Вику в охапку, не без усилия, но все-таки поднял из кресла и, прижав к себе, закружился по комнате.

– Зачали! – орал он. – Мальчик! Солнце мое! Йфф сойдет с ума от радости! Мальчик! Зачали!.. Шампанского! Море шампанского!

– Витя, милый... – Вика не скрывала своего счастья.

Лика и Макс молчали. Они тоже встали и стояли теперь, потрясенно наблюдая за скачущим по комнате Федором, держащим в руках счастливо улыбающуюся Вику.

– Ты не устал, милый? – нежно мурлыкнула Вика минуты через три.

– Я?!

– Мы не одни, мой дорогой.

– Ах да! – Смущенный Федор остановился, глянул на друзей и, выпустив наконец из своих объятий Вику, поставил ее на пол. – Извините.

– О чем ты, Федя? – всплеснула руками Лика, подходя к Вике и обнимая ее. – Я так рада за вас.

– Вика, Федя! За вас! – Макс уже разливал водку.

– И за вас! – сказал Федор серьезно, беря свою стопку. – Ты права, королева! За всех нас!

– Теперь я хочу услышать грязные подробности этого дела, – заявил он, когда все расселись. – Начнем с вас, государи мои. Вы были первыми.

– Я не знаю, – честно сказала Лика. – Макс думает, что это из-за Маски, то есть не из-за самой Маски, а из-за того, что мы с ней... Ну ты же знаешь, Федя. Меш...

Она вдруг поняла.

– Меш? – спросила она Вику.

– Меш и Риан, – кивнула Вика. – Девочка намного сильнее Меша, но она еще маленькая. Он ее поддерживал и направлял. И... Да, и еще Саркофаг, конечно.

– Ну вы даете! – Федор покачал головой и повторил: – Ну вы даете!

– Вернемся к делам, – предложил Макс. – Теперь у нас есть еще и принц.

– Э, – кивнул Федор соглашаясь. – И Йя.

– Не только, – улыбнулась Лика.

– Ну, Яагши и Варабы в этом случае отдыхают, – отмахнулся Федор.

– А Рюриковичи? – тихо спросила Лика. – А Гедиминовичи?

– Откуда ты?..

– Я, Федя, много чего теперь знаю, – грустно улыбнулась Лика. – И об империи, и о Земле, и о нас, грешных.

– Так, – понял Федор. – Значит, мы снова возвращаемся к судьбе Земли.

– Возвращаемся, – усмехнулся Макс. – Мое мнение – нечего ее жалеть, не маленькая!

Он громыхнул голосом, отмечая последнее слово, усмехнулся, видя реакцию друзей, и вытащил из пачки сигарету.

– Уточни свою позицию, Макс, – попросила Лика. – Пожалуйста.

– Пожалуйста, – снова усмехнулся Макс и прикурил от свечи. – Люди наделали уже столько безобразий...

– И продолжают, – поддержал его Федор.

– Да, и продолжают. Я полагаю поэтому, что гуманизм, в современном европейском смысле этого слова, можно со

спокойной душой оставить борцам за права белых мышей.

– Коллега, где вы учились так афористично выражать свои мысли?

– Не юродствуй, Федя! Скажешь, я не прав?

– Прав!

– Ну вот. Земля... Земля должна стать частью империи, как мы и планировали еще десять лет назад.

– Ну, те планы! – улыбнулась Лика. – Мы же всерьез и не задумывались, как их реализовать.

– Прожекты, – подтвердил Федор и посмотрел на Вику: – А ты что молчишь?

– Я пас, – улыбнулась ему Вика. – Во-первых, Макс еще не закончил свою мысль, а во-вторых, я не человек, и не мне решать судьбу Земли.

– Вах! – усмехнулся Федор. – Какие мы благородные! Ты права, сладкая моя, только относительно Макса, а в остальном чушь! Ты моя жена и мать моего ребенка, и ты не человек? Я вот завтра, нет, сегодня уже – поправился он, взглянув на часы, – возьму и предъявлю претензии на русский престол. И будешь ты, радость моя, царицей Викторией!

– Bravo! – залилась смехом довольная его ответом Вика. – Но ты забыл, что у тебя уже есть жена.

– Пустяки, – отмахнулся под общий хохот Федор. – Как вы ее тут окрестили? Иркой? Вот и чудно! Будет царицей Ириной. Введем для царей институт многоженства... для укрепления устойчивости русской монархии.

– У меня есть другой вариант, – предложила Лика, пытавшаяся подавить kloкочущий в горле смех. – Виктория будет замужем за тобой, как за русским царем, а Йфф – как за великим князем Литвы и Польши. Или королем, если хочешь.

– Вот! – вскинулся Федор. – За это надо выпить. Ну-ка, где у нас тут что?

– Витя, – попросила Вика. – Дай Максу договорить!

– От него не убудет! – возразил Федор, разливая водку. – Свои же люди! Сейчас выпьем, и пусть говорит. Ну, за победу! За *нашу* победу! Вот, – сказал он, опрокинув стопку. – Теперь вы можете продолжать, геноссен.

– Продолжаю, – усмехнулся Макс. – Стратегическая цель – триединая империя. Аханки, той'йтши и люди. Еще в более далекой перспективе и ратай, поскольку они такие же люди, как мы и аханки. А тактически первый этап – захват власти в империи для возвращения власти законной династии. Лика, чем мы реально располагаем?

– База на Марсе, – ответила Лика, которая так или иначе, но уже начала воплощать этот план в жизнь. – Легион, по-видимому, планировал что-то подобное. Но это мы вам потом расскажем. Меш нашел архивы... Потом, – решительно закрыла она тему, останавливая поднятой рукой оживившихся при ее словах Макса и Федора. – Всего, что мы узнали, все равно за одну ночь не рассказать. На Марсе стапели и конструктивные элементы для сборки боевых кораблей. Семь «Шансов», девять легких рейдеров класса «Кот», два тяже-

лых крейсера класса «Леопард», шесть военных транспортов. Их, правда, собрать еще надо – стапели-то одни и специалистов мало, – но Йфф говорит, что за год-полтора они справятся, тем более что и экипажи еще обучать. Оружие, снаряжение... на сто тысяч человек. Есть еще одна база на Венере, но там в основном лаборатории. Это исследовательский центр. И мы его пока не трогали. Стоит законсервированным. На Луне маленький разведывательный центр. Там у нас сидит группа разведчиков барона Счёо. В поясе астероидов – три добывающих корабли и перерабатывающий центр. Их мы запустили на «малых оборотах», металлы и уран могут пригодиться. Есть еще один крейсер на ходу и наш «Шайс». Он теперь называется «Вашум». И моя яхта. Это все.

– Ну что ж, – кивнул Макс. – Для локальной операции достаточно. Для большой войны – нет. Как полагаешь, адмирал?

– Ты прав. Для большой войны придется поставить под ружье всю Землю. А это значит, что сначала ее придется захватить.

– Вот, – согласился с Федором Макс. – Об этом я и говорил. Чтобы открыть Земле имперское будущее – что гуманно, – нам сначала придется вывернуть ей руки...

– И отодрать, – хмыкнул Федор.

– Что не есть гуманно, но не землянам на такую антигуманность кивать.

– Золотые слова и мои собственные мысли! Я – за. – Фе-

дор встал и прошелся по комнате. – Я – за!

– Вика? – спросил Макс.

– За.

– Лика?

– Я уже в деле, – усмехнулась Лика. – И Вика тоже. Но у меня есть несколько уточнений. Макс, налей мне, пожалуйста, коньяку, терпеть не могу хлебную водку.

– Это потому, что школа у тебя не та, – объяснил ей Федор и налил себе еще водки. – Вика, будешь? Или тебе теперь...

– Не дури! – рассмеялась Вика. – Мне все можно. Пока. Так что налей мне коньяку.

– Ты говорила об уточнениях, – напомнил Макс, подавая Лике бокал с коньяком.

– Уточнения? – переспросила Лика. – Ах да! Уточнения.

Она отпила из бокала терпкую ароматную жидкость и почувствовала, что теперь все будет хорошо. Они сделают и это. Она улыбнулась, ощущая, как уверенность наполняет ее тело веселой ликующей силой. Она снова была самой собой. Она снова была королевой Нор, не только по закону и праву, но и по внутренним ощущениям. Она подошла к столу, взяла очередную пахитоску, прикурила от свечи и повернулась наконец к ожидавшим ее слов друзьям.

– Виктор, – она едва ли не впервые назвала его сейчас настоящим именем, – в каждой шутке есть доля шутки.

– Ты что, серьезно?

– Вполне. Я абсолютно серьезна сейчас. Хватит экспери-

ментов. В России должен быть царь, и этим царем должен быть ты. А твоей официальной женой – во всяком случае, здесь, на Земле, – должна быть Вика. Потому что нам нужен порядок и потому что моей дочери нужен венценосный жених. Я ясно излагаю?

– Куда уж яснее... – Виктор посмотрел на Вику, как будто ожидая от нее помощи. Но если он и ожидал от нее такой помощи, он ее не получил.

– Лика права, – сказала Вика спокойно. – Если начинать дело, то делать его надо по всем правилам. – Нам нужен контроль над Землей и абсолютный монарх одной восьмой части суши... У вас так говорят, кажется?

Она улыбалась.

– Ладно, – подумав секунду, согласился Виктор. – Уговорили, но тогда я требую сатисфакции!

– Какой? – спросила его Лика.

– Макс...

– Ах это! – усмехнулась Лика. – Не бойся, Витя, тебе будет кого приглашать в гости.

– Лика! – протестующе поднял руку Макс. – Ты в своем уме? Ты представляешь, что тут начнется?

– С трудом, – улыбнулась ему Лика. – Но их проблемы меня не касаются. Я хочу, чтобы в Иерусалиме снова был царь!

– А храм отстроить не хочешь? – ехидно улыбнулся Виктор.

– Представь себе, хочу, – ответно улыбнулась она. – Будет в Иерусалиме царь и будет храм. Со временем, – добавила она, секунду подумав.

– И союз церквей... – потирая руки, в тон ей продолжил Виктор.

– Замечательная идея! – подхватила Лика. – И союз церквей. А несогласных отправим осваивать Марс!

– Ну ты, гляди, и в самом деле королева! – восхищенно не то сказал, не то пропел Виктор. – Ох и тяжело придется некоторым под твоим скипетром.

– Под твоим, Витя, – тихо сказала она. – И под твоим, Макс. На земле я не королева. Мое королевство – Ойг. А землей будете править вы. Так что впрягайтесь, господа старые коминтерновцы. Эпоха коммунизма завершилась. Капитализма – тоже. Наступает эпоха просвещенного абсолютизма.

– Макс, – сказал, выслушав ее, Виктор. – Где ты нашел такую ведьму?

– В Израиле, – улыбнулся Макс, вставая. – И я ее очень люблю!

С этими словами он подошел к Лике и поцеловал ее в губы. В ответ на прикосновение его губ в голове у Лики тут же начался фейерверк и заиграли многочисленные оркестры. Она почувствовала, как сильные руки подхватывают ее и возносят вверх, и последнее, что она услышала сквозь сладкий шум, не только заполнивший ее слух, но и охвативший

все ее тело, были слова Вики:

– Поцелуйте меня, ваше величество!

Глава 7. Все, как оно есть

– Не царское это дело, – меланхолично заметил Меш, отправляя в пасть очередную греческую маслину.

– Царское не царское, а этого жука я сам трахнуть хочу. – Виктор от своих планов отказываться не собирался. Он предвкушал.

– Это называется зоофилия, кажется, – не меня выражения «лица», сказал Меш и взял из вазочки еще одну маслину.

Лица прыснула.

– При чем здесь зоофилия? – озадаченно поинтересовался Виктор, который шутки не оценил, потому что не понял. Он был занят своими мыслями. Представлял, как будет брать Рябова за яйца и как...

– Потому что трахать надо меня, – наставительно сказала Вика. – И чем больше, тем лучше, а Рябова своего оставь Фате или Скиршаксу. Да вот хоть Кержаку поручи с его баронессой, они его быстро к порядку призовут.

– А! – сказал Виктор. – О! Я понял.

– Нет, – сказал он, обдумав все еще раз. – Нет. С ним я поговорю сам. А потом можно и на трон.

Они сидели в вишневой гостиной на «Чуу» и «пили чай». Сорок восемь часов на лирику, объявленные Ликой, плавно перешли в сто часов на «Чуу», в своей компании и в изыс-

канном комфорте ее Малого Дома. Конечно, эти дни нельзя было назвать каникулами в полном смысле этого слова. Они успели побывать и на Марсе, и на Венере, и в пояс астероидов заглянули, и новые крейсера проинспектировали. И серьезных разговоров состоялось немало. И все-таки это были каникулы. По настроению, по состоянию души. Дивные дни, когда нет надобности разбираться, день нынче или ночь, потому что желание сильнее обстоятельств. Особенно если обстоятельства заранее организованы таким образом, чтобы желаниям не мешать. Славные сто часов, пристегнувшись к феерическим сорока восемью часам, им предшествовавшим. Чудное время, проведенное к компании симпатичных и практически родных людей, ведь и Меш с Сиан были теперь Виктору вроде как родственники. По жене, так сказать. А как скажешь иначе? Но все проходит, как давным-давно заметил один из мудрых пращуров Макса. Прошли и эти дни, и настало время переходить к действиям. И перед тем как начать реализовывать план «Родина» – программу-минимум, сформулированную ими еще в ту ночь в Питере, – Виктор собирался закрыть некоторые счета, оставшиеся им в наследство от прошлого. Дел было немного. Два. Во-первых, он хотел получить у Рябова дело Дефриза, которое сам же и начал бог знает сколько лет тому назад. Дело это лично ему было уже совершенно неинтересно, но он хотел подарить его Максу. «От нашего стола – вашему». Презент, так сказать. И, во-вторых, он собирался встретиться с ревните-

лями. Ничего личного. Теперь уже нет. Но и эту историю следовало закрыть. Эту историю как раз закрыть было необходимо в первую очередь, чтобы не оставлять за спиной никаких непроясненных моментов, чреватых неприятностями.

Между тем в гостиную вошел Макс, облаченный в бирюзовую шелковую пару. Он оглядел собравшихся за столом, оценил выражение их лиц и спросил:

– Я что-то пропустил?

– О да! – ответила ему Лика, губы которой все еще были полны смехом. – Витя собирается трахать жуков.

Она снова засмеялась, и Виктор улыбнулся тоже.

«Смейтесь, смейтесь, королева, но факт! Ты стала называть меня Виктором, не так ли?»

– Не жуков, а одного конкретного жучка, – сказал он ворчливо и, на всякий случай, уточнил: – В фигуральном смысле, естественно. Это я для тех, у кого совсем уже крыша поехала.

Он послал воздушный поцелуй Вике и подмигнул Максу.

– Рябова? – спросил Макс, усаживаясь за стол.

– Рябова, – кивнул Виктор.

– Витя прав!

«О! – восхитился Виктор. – О! Еще один!»

– Я с тобой, если не возражаешь.

– Не возражаю.

– Заодно и ревнителей навестим. – Макс внимательно осмотрел стол, но, видимо, он недавно плотно позавтракал,

так как остановил свой выбор на орехах, что было для него не характерно.

– Ты что, Моз, мысли читаешь?

– Нет, – покачал головой Макс. – Не читаю, а жаль. Кстати, можешь не напрягаться. Я вполне нормально отношусь к имени Макс. Привык.

Он взял графин с коньяком, подержал в руке, рассматривая на свет, потом вынул пробку и понюхал.

– Это что такое? – спросил он, с видимым удовольствием вдыхая коньячные пары.

– «Де Люз», – ответил Виктор, с интересом наблюдая за действиями друга.

– «Де Люз», – повторил Макс. – Нет, не помню, но пахнет хорошо. Будешь?

– Это когда это большевики пасовали перед вызовами эпохи? – усмехнулся Виктор и подвинул к Максиму пустой бокал.

– А вот интересно, – спросила Вика, тоже пододвигая свой бокал. – Ты как, ячейку компартии при дворцовом министерстве образуешь или в Думе будешь состоять?

– В жандармском управлении, – в тон ей ответил Виктор и взял наполненный бокал. – За вас, красавицы! – провозгласил он и пригубил коньяк. Коньяк был хороший. Правильный. – Ну так, – сказал Виктор, возвращая бокал на стол. – Какие у нас планы? В смысле, кто куда, и если не на Землю, то не подбросит ли нас хозяйка до ближайшей остановки ав-

тобуса?

– Подброшу, – улыбнулась Лика.

– Подожди, адмирал, – неожиданно вмешался Макс. – У нас есть еще одно дело, которое не стоит откладывать.

– А именно? – насторожился Виктор. «Что еще за дело вдруг нарисовалось?»

– Я полагаю, – спокойно объяснил Макс, – что нам троим, я имею в виду тебя, Вику и себя, пора выяснить, что лежит у нас под печатями.

«И вправду! – сообразил Виктор. – Об этом-то я как раз и забыл. А зря!»

Он моментально понял, о чем говорит Макс. Несмотря на то что в голове у него стояло очень много неснимаемых печатей, поставленных за многие годы двумя императорами, контрразведкой Гвардии и Легионом, сейчас речь могла идти конечно же только о «Слепом Пятне» – пробелах в памяти, которые по странной случайности у всех троих приходились на один и тот же период. Что случилось тогда, перед самой отставкой, можно было уже и догадаться в свете новых данных. Но догадка хорошо, а уверенность лучше.

– А их можно снять? – спросил он о самом главном.

– Меш берется попробовать, – кивнул Макс на смаковавшего какое-то красное вино Меша.

– И?..

– Полетим на «Вашум», – сказал Меш, отставляя бокал. – Риан уже там. Попробуем Улитку и Пирамиду. Мне кажется,

у нас должно получиться.

Он помолчал секунду, видимо решая, стоит или не стоит об этом говорить, но в конце концов решил, по-видимому, что стоит:

– Есть еще «Пленитель Душ». Вдвоем с Ликой я мог бы попробовать и его...

– Ну что ж, – согласился Виктор. – Я не против.

– Я тоже, – поддержала Вика.

– А я уже сказал, – усмехнулся Макс.

– Когда мы там можем быть? – спросил Виктор.

– Через час, – усмехнулась Лика.

– Так вы что, заранее сговорились?

– Вроде того, – улыбнулся ему Макс.

– Эх вы! – притворно нахмурился Виктор. – Никакой коллегальности!

Он встал и обвел всю мужественно борющуюся со смехом компанию грозным взглядом.

– Сплошные заговоры и интриги! – заявил он и, сложив руки на груди, замер в позе оскорбленного величия. – Вот оно, лицо вашего просвещенного абсолютизма. Dixi, я все сказал.

– Хорош?! – восхищенно спросила Вика.

– Великолепен, – согласилась Лика.

– Ерунда! – небрежно бросил Макс. – Вы не видели его в роли религиозного еврея! Сказка! Качалов и Зускин в одном лице.

– Ты что, видел Зускина? – удивился Виктор, выходя из образа.

– В двадцать девятом в Москве, – пожал плечами Макс. – А что?

– Ничего, просто не сообразил, откуда ты его можешь знать, – объяснил Виктор. – А вообще... Эх, не видели вы «пробуждения в узилище». Вот там я сыграл так сыграл! Сам поверил.

– А что это за пьеса? – подозрительно спросила Вика.

– А вот не скажу! – ухмыльнулся Виктор. – Заслужите сначала.

– Ты хочешь меня прямо сейчас! – нежно пропела Вика, вставая и начиная медленно спускать платье с плеч. – Прямо здесь!

– Вика! – завопил Виктор, испугавшийся того, что может сейчас произойти. Честно говоря, за эти дни они оба уже успели слететь с тормозов, но устраивать оргию на глазах у всех? Это был бы перебор.

– Вика!

Вика залилась таким радостным смехом, какой можно услышать только от качественно нашкодивших злых детей. Она смеялась. И он засмеялся тоже, поняв, как ловко, но главное примитивно, она его сделала.

– Bravo! – сказал он, отсмеявшись. Он смеялся до слез и был последним в компании, прекратившим надрываться от хохота. – Bravo! Я тебе поверил!

– Ты что, думаешь, я шутила? – удивленно подняла бровь Вика. На ее сказочных губах блуждала улыбка «сытого до-вольства». – Ты так думаешь, милый?

Он не успел ответить, как платье – само собой! – соскользнуло с нее, и Вика сделала шаг навстречу Виктору, небрежно переступив через комок алого шелка на полу. Белья на ней, разумеется, не было.

– Я никого не шокирую? – спросила она, оглядываясь через плечо.

– Нет, нет, – улыбнулась Лика. – Продолжай, пожалуйста. Я вся внимание.

– Спасибо, – сказала Вика и сделала еще один шаг.

Виктор видел, сейчас она не шутит. То есть, возможно, и шутит, только это уже такие шутки, что... Действовать надо было быстро и не откладывая.

– Любимая, я весь горю! – завопил он, стремительно под-скакивая к ней и хватая ее в охапку. В следующее мгнове-ние он уже мчался к двери, совершая титанический рывок на прорыв. Он достиг двери в три прыжка, не чувствуя тяжести притихшей у него на руках Вики, вихрем пролетел две смеж-ные комнаты, выскочил в спиральный коридор и ощутил, на-конец, что несет на руках добрых девяносто килограммов очень дорогого для него веса, только на пороге собственной спальни...

Все это уже было однажды. Ну конечно. Все так и было.

Почти так... Только тогда он смотрел на нее через камеры внутреннего контроля «Шаиса», а сейчас он был рядом. Руку протяни, и вот она, его красавица, самая красивая женщина вселенной. Хочешь гладь, а хочешь... не гладь.

«Диалектика!» – усмехнулся Виктор своему «юношескому» максимализму.

«А для Макса самая красивая – Лика, – признал он, лаская Вику взглядом. – И Йффф красивая... и я даже ее люблю, но все равно...»

Он уже привык. Привык за эти годы. Привык? Ну почти. Наверное, правильнее – принял. Принял и потом уже привык. Привык любить двух этих блистательных, очень разных, но таких близких, родных ему женщин. Делить любовь. А ее можно разделить?

«Смешные вопросы задаете, дорогой товарищ!»

Разве можно разделить душу? А сердце?

«Вот ведь бред!» – сказал он себе в сердцах, но этот бред на поверку оказывался самой настоящей правдой. Он любил их обеих, и он принимал это. Принял. И многое другое тоже принял. Привык делить неделимое, делить между ними свою любовь и делить их с... Ну да. Да! Он знал, что Вика спит с Э. И не из чувства долга или притворства ради, а потому что считает это правильным и нормальным. И пусть не любовь, но уж симпатию точно она к этому давно мертвому Э испытывала. И удовольствие получала. Иначе не стала бы с ним спать. Или все-таки стала бы? Для дела? Приходилось

признать, что ответ на этот вопрос – честный ответ – мог ему и не понравиться. Это тоже было правдой, которую пришлось – приходилось – принять, как и известие о том, что Йфф спит с Ликой.

«Вот, елки зеленые, Содом и Гоморра!»

И ведь в империи этим действительно никого было не удивить. Он знал из самых достоверных источников, что и их с Максом отношения трактуются многими самым недвусмысленным образом.

«Ну и кто ты после это? Пассивный гомосексуалист или старый большевик? Суки!»

На Земле, в прошлой жизни – и в этой новой жизни, что начиналась сейчас, – порвал бы, как жучку, а там, тогда, жил себе и в ус не дул. Улыбался только над наивностью людей. И все. Вот какие удивительные вещи творит с нами бытие и как странно порой определяет оно наше бедное сознание. Да, в империи это все было нормально, но сейчас-то они были не в империи! И он мог сказать себе со всей определенностью: другие пусть делают, что хотят, и живут, как пожелают, а он так не может. Никому никогда не скажет – даже ей, но это его право – ревновать. Ревновать их и мучиться из-за своей собственной разделенности.

«Мое право! Как хочу, так и схожу с ума, а другие...»

Макс, возможно, смотрит на это по-другому.

«Царь Иудейский! Вот ведь жуть какая. Узнал бы Берзин, что Византиец... А про меня что сказал бы? Одним словом,

просвещенный абсолютизм».

Вика повернулась к нему лицом и улыбнулась сквозь струи падающей на нее воды. И у него перехватило дыхание. Как в первый раз. Да хоть в сотый раз! У него всегда будет перехватывать дыхание, когда она будет на него вот *так* смотреть и так улыбаться. И всё, что он думал, не стоит гроша ломаного. Дерьма кошачьего не стоит, потому что одна ее улыбка важнее всех его умствований и душевных терзаний. И если что-то все-таки изменилось («Я изменился, она изменилась, мы изменились, и мир вокруг нас тоже»), то изменения эти касались именно их двоих, их отношений, их общего Мы.

Его взгляд совершенно произвольно сместился вниз, скользнул по роскошной Викиной груди, по животу, по густым по имперской моде зарослям светлых, едва ли не седых, волос на лобке, и Виктор понял, *что изменилось*. Он поймал себя на том, как смотрит *туда*, и неожиданно все понял. У них будет ребенок. Мальчик.

«Зачали!» – подумал он потрясенно.

– Только не говори, что ты опять хочешь в постель! – не скрывая удовольствия, заявила Вика и выключила воду. – Через десять минут причаливаем, а я еще не одета.

– Одевайся, кто тебе мешает. – Виктор встал из кресла и покинул ванную. Ему тоже следовало одеться. Он прошел в спальню, открыл шкаф и бегло просмотрел свой жалкий гардероб. За час до отлета на «Чуу» они успели купить только

самое необходимое. А переодеваться в аханские тряпки, как Макс, он не хотел, хотя их здесь было как раз много – старые запасы, прежние времена... Впрочем, Виктор никогда не был модником – ни здесь, ни там – и привередливым не был, ни в еде, ни в вещах. Так что ему хватило и того, что было. Джинсы, ботинки, рубашка – Что еще нужно нормальному человеку, чтобы прикрыть срам?

Пока он одевался, пока ждал неторопливо приводившую себя «в порядок» Вику, пока перебирались они на «Вашум», мысли его переключились с личных дел на дела общественные, так сказать. Вероятно, он просто пытался защититься от слишком сложных даже для него перипетий своей интимной жизни, точно так же как и от мыслей о предстоящем взломе печатей. А вот мысли о деле были, как ни крути, гораздо менее эмоционально остры. Дело, оно и есть дело. Эмоции тут только мешают. А подумать было о чем, путешествие на «Чуу» («Инспекция») подарило ему массу, скажем так, разнообразных впечатлений.

«Будем откровенны, – сказал он себе, по многолетней привычке выстраивая внутренний монолог как диалог. – Впечатляет! Одно слово, наши люди! Но с другой стороны... С другой стороны, тоже наши люди».

Увы, но это было правдой. Люди не меняются, и люди, которые – земляне, и все другие люди тоже. Такие уж мы создания. Разум делает нас такими или еще что, сути дела не меняет. И в добре, и в зле мы только то, что мы есть. Из того,

что они уже знали и о чем узнали теперь благодаря Мешу, с очевидностью вырисовывалась вполне знакомая – и по земной истории и по истории Аханской империи – картина заговора внутри заговора. Банальная интрига, если честно, но что случилось, то и есть. Легион готовил переворот. Теперь в этом не могло быть никаких сомнений. Рекеша был прав, он действительно почувствовал опасность, но даже не представлял, какого масштаба достиг заговор Легиона. Еще пять, ну пусть десять лет – и было бы уже поздно. Никто и ничего не смог бы сделать с такой мощью, но главное, что в империи была бы уже создана полноценная пятая колонна, которая сделала бы любые попытки противодействия Легиону бессмысленными. Это был заговор. Настоящий – без дураков – заговор Легиона, и он провалился по чистой случайности. Во всяком случае, так это выглядело. Однако внутри этого заговора существовал другой заговор – заговор землян. Возможно, что существовал и еще один заговор. Имелись тут и там кое-какие нестыковки в общей схеме событий, как видел их Виктор, кое-какие намеки на неясные и непроясненные обстоятельства. Но все это лежало уже за пределами той информации, которой они располагали. Об этом можно было, конечно, думать; об этом можно было фантазировать сколько душе угодно, но спекулировать здесь было пока нечем.

«Быть может, позже, – подумал он. – Когда выяснится, какая мерзость лежит под этими гребаными печатями? Может быть».

А пока достоверно было известно только о заговоре землян. Чего хотели земляне? К чему стремились? Тут все было вполне ясно и очевидно. Земляне хотели не просто власти в Легионе и империи, они – во всяком случае, значительная их часть – хотели пристегнуть к империи свою родную планету. Возможно – и даже наверняка – одними из них двигали нормальные шкурные интересы. Земля – это ведь огромная сила. В умелых руках, разумеется. Другие хотели блага именно своей Земле, своему собственному роду людскому. Тоже легитимно. Возможны были и другие варианты, на это тоже как будто имелись намеки. Но в любом случае заговор землян имел место. И надо отдать землякам должное, легионеры-земляне действовали упорно, целенаправленно и с размахом. Базу на Марсе они заложили, например, еще в начале двадцатого века и затем постоянно ее расширяли и пополняли. Но и они не успели, как и весь Легион, в целом. Вероятно, что-то такое они почувствовали – недаром же в точке ожидания оказался «Шаис» с Камнями на борту – однако Черная Гора успела их предупредить. Их всех. И теперь все это богатство перешло по наследству, так сказать, к ним четверым. А наследство было богатое. Тот еще рояль в кустах! В двадцатые годы – как раз тогда, когда они с Максом начинали на Земле свою новую жизнь – на Марсе было выкопано 187 километров одних только подземных галерей; достроены стапели для сборки тяжелых кораблей; смонтированы три автоматических завода и построен учебный центр, в котором можно

было развернуть целую дивизию. С размахом действовали! И с каким размахом!

Виктор мысленно покачал головой, вспомнив все еще пустынные коридоры марсианской базы, транспортные галереи, грузовые лифты, энергоблоки, погружённые в недра Красной планеты на километровую глубину, бесконечные залы синтезаторов. Да, с размахом и воображением потрудились там наемники-земляне. А ведь это была только первая очередь. В трехстах километрах от стапелей уже были заложены – в пятидесятые годы, как можно было понять – второй сборочный комплекс, а еще севернее – и третий. Осмотрев их, Виктор пришел к выводу, что с наличными силами их можно было бы достроить за год-два. Другой разговор, надо ли? Ведь у них нет такого количества конструктивных элементов, чтобы загрузить работой целых три комплекса. Тем более через два года. За два года и на одном комплексе можно собрать все имеющиеся в запасе корабли. Если, конечно, постараться. Но, с другой стороны, если готовиться к большой войне... Да, в этом случае верфи пригодятся, но тогда только промышленность Земли способна была обеспечить необходимое число деталей и компонентов для сборки крейсеров, рейдеров и войсковых транспортов. Однако Виктор вполне представлял себе, что это значит – задействовать Землю. Прежде всего, ни один даже самый современный завод на Земле не был в состоянии произвести с ходу даже самый простой из конструктивных элементов то-

го же «Шанса». Даже имея чертежи (которые у них были) и детальное описание технологических процессов (которое также имелось), запустить производство было невозможно. Сначала надо было перевести «тексты» на доступный язык, обучить инженеров и техников, а заодно и рабочих – куда без них? – и наконец, выпустить на земных заводах станки и машины, с помощью которых можно было бы сделать те «механизмы», которые и начнут производить требуемое. И это только крошечный пример из того списка проблем, которые им предстояло разрешить, если, конечно, они все же решат играть по-крупному.

«Но мы ведь уже решили, не так ли?»

Следовательно, в дело пойдут и добывающие комплексы в поясе астероидов, и база на Венере. Но все равно главным в этом случае окажется то, что они будут делать на Земле. Как ни крути, что ни предпринимай, а Земля – это ключ ко всему.

Виктор прикинул, не в первый раз, впрочем, и не в последний, вероятно, что можно и нужно сделать для развертывания полноценного флота и настоящей боеспособной армии, которые нужны будут не только для овладения империей, но и для противодействия экспансии ратай. Представил, и ему стало не по себе. Объем работы был огромен, а времени до ужаса мало. И в этом свете упавшие им в руки ресурсы богатством уже не казались. Потому что все опять-таки упиралось в Землю. Можно было, конечно, совершить пару

рейдов в империю, на Ойг или еще куда – и они их непременно совершат, потому что деваться-то некуда – и привезти сюда еще пару-другую тысяч специалистов, и что-нибудь из техники украсть, но... Но в конечном счете и бойцов и технику придется создавать самим здесь, на Земле. И вот это будет труд так уж труд. Та еще работенка предстояла им в самом ближайшем будущем. Им четверым и всем остальным, кто волею судьбы и аханской истории оказался в их «тесном кругу».

Глава 8. Снятие печатей под гарантию

– Ну и как оно? – спросил Виктор, но Макс ничего не ответил, только покачал головой и показал рукой на дверь, типа «ваша очередь, дорогой товарищ». А у самого глаза совершенно сумасшедшие, то ли от того, что вспомнил, то ли от самой процедуры. Иди знай, каково это – снимать печати? Может быть... Но деваться уже было некуда, не Ди же перед собой посылать, в самом деле. И так уже вторым шел.

«Ну, с Богом!» – сказал он себе, взглянул быстро на Ди, окунулся на мгновение в пронизанный любовью свет ее огромных серых глаз и, ободряюще улыбнувшись, шагнул в дверь.

– Так, – сказал он, деловито осматривая Малахитовые покои. – Консилиум в сборе?

Это была овальной формы комната, пол которой был выложен мраморными плитками нескольких оттенков зеленого – от светлого до темного, а стены и куполообразный потолок действительно были малахитовыми. В центре покоев, в широкой их части, стояли пустое кресло и высокий бронзовый пюпитр. Кресло, вероятно, было предназначено для него. В паре метров от этого кресла, около пюпитра, на котором лежала Улитка, стояли Меш и Риан. Лица у обоих были сосредоточенные, глаза усталые. А чуть в стороне, сгорбившись,

сидела в другом кресле Лика и держала на коленях серый каменный шар. «Пленителя Душ» Виктор увидел впервые, и его буквально передернуло от отвращения, когда он вспомнил, что ему рассказала об этом шарике Ди. «Вот же мразь какая!»

– Ну, – сказал он, отпуская напускную браваду. – Чего делать-то?

– Садись в кресло, – ответил Меш, поднимая на него взгляд. – Если хочешь, закрой глаза, но это не обязательно. И помолчи. Хорошо?

– Как скажешь. – Виктор прошел к пустому креслу – другой мебели в Малахитовых покоях не было – и сел.

Риан глаз на него не подняла, а Лика даже не пошевелилась. Как сидела, когда он вошел, так и продолжала сидеть. Виктор вздохнул поглубже и закрыл глаза. Ему вдруг вспомнился какой-то то ли английский, то ли американский роман, читанный бог весть когда, – а может быть, это и вовсе была пьеса? – но суть дела там состояла в том, что один солдат потерял на войне память. Контузия или еще что, но память прошлого он потерял. Вообще. Не помнил даже, как его звать и откуда он родом. И разные семьи предполагали в нем, в этом молодом симпатичном мужчине, совершенно разных людей, своих сыновей, женихов, братьев, пропавших на войне без вести. А война там, кажется, была еще Первая мировая, но не в этом суть, а в том, что все эти люди пытались оживить в нем, в этом солдате, память. Хотели, чтобы

он вспомнил. В конечном счете солдат вспомнил-таки, кто он, и оказалось, что был он таким говном в своей прошлой жизни, что дальше ехать некуда. И вот он, ставший теперь совершенно другим человеком, выбирает себе чужую судьбу. Зная, что это чужая жизнь, решает на самом деле стать другим, потому что прежним, настоящим собой, ему быть не хочется. Такая история. Ерунда, конечно, но, с другой стороны...

«Господи! А если там действительно?..»

И в этот момент... Перед глазами вспыхнуло северное сияние, не яркое, не раздражающее, но многоцветное и изменчивое. Вспыхнуло и погасло так же внезапно, как возник и исчез в ушах глухой посторонний гул. Но зато Виктор почувствовал, как что-то мягкое, невесомое коснулось его мозга. Можно было сколько угодно убеждать себя, что мозг ничего не может чувствовать, потому что в нем нет нервных окончаний. Можно было повторять это себе, как Отче наш, но что это могло изменить, если он это чувствовал? Ощущение было отвратительным, мерзким, таким, что все содержимое желудка потянулось вверх, норовя выйти обратно тем же путем, каким зашло туда во время завтрака. Виктор усилием воли подавил рвотный позыв и тут же о нем забыл, потому что...

Они стояли на Скале Прощания, а вокруг неистовствовала штормовая ночь. Небо было затянуто тучами, и луны вид-

но не было. Ветер рвал с них плащи, а под ногами, в невидимой бездне, волны грудью штурмовали скалы Приюта, и их грохот сотрясал небо и камни. Скала Прощания. Прощание... Все было уже позади, и семьдесят лет жизни в чужом мире и в чужом обличье, и формальности, и даже могилки схронов – все уже осталось в прошлом. Последняя ночь на Курорте, а завтра... Завтра даже это все станет смутным воспоминанием, как неверные впечатления раннего детства.

Они стоят на Скале Прощания. Ветер пытается сорвать с нее темный тяжельый плащ, приносит водяную соленую взвесь.

– Мне нечего делать дома, милый. Что я буду там делать, скажи, пожалуйста. Ты знаешь, как мы живем? У нас Средневековье, милый. И потом, кому нужна такая уродина, как я?

– Ты красавица!

– Да, в твоих глазах, милый. Но мои сородичи смотрят другими глазами. И потом, там не будет тебя.

«Не будет меня, – повторяет он про себя и понимает, что это значит. – Не будет меня у нее, и не будет ее у меня. Не будет нас».

– Прости меня. Я спросил, не подумав. Я глупею рядом с тобой, ты знаешь? Я так тебя люблю, что ни на что больше не остается места.

– Я знаю, милый. Но мы будем вместе. Вместе состаримся и умрем. И с нами будет Ё.

– Его зовут Макс.

– Макс... Странное имя. Мне кажется, я уже его слышала когда-то. Знаешь, мне все время кажется, что я что-то забыла, что-то важное...

– Брось, Йя, как ты могла забыть? И что? Мы же еще не проходили демобилизацию.

– Наверное, ты прав, Абель. Кстати, меня зовут Ди. Ди – это мое подлинное имя, его можно доверить только самым близким людям. Так у нас принято.

– Спасибо, Ди. А я Виктор. Это мое настоящее имя.

– Виктор... А как будут меня звать там, у вас?

– Не знаю. Наверное, наши подберут тебе подходящую биографию. И имя подберут.

– И все-таки что-то не так. Я чувствую. Я же колдунья Сойж Ка, Виктор. Я могу... Иногда я могу чувствовать что-то, что не чувствуют другие.

– И что же ты чувствуешь?

– Не знаю. Что-то. Как будто я забыла что-то, но не до конца. Кто такая Нор? – спросила она вдруг.

– Нор? – удивился Виктор. – Ты имеешь в виду графиню Ай Гель Нор?

– Графиня... Не знаю. Я вспомнила только это – Нор. Кто она?

– Ее уже нет, Ди. Это была гегхская графиня. Я спас ее ко-

гда-то на Сцлогхжу¹³, лет десять назад, но она умерла здесь, на Курорте. Спасти ее не удалось. Ты же помнишь, какой ужас устроили там ратай.

– Умерла? Не знаю. У меня такое ощущение, что она еще не родилась, но с ней что-то будет связано. Что-то важное, только не сейчас, а потом. Потом, когда-то, где-то... Не знаю. Возможно, это предвидение. У нас это случается.

Огромная волна ударила в скалу. Дрогнула скала, камни ударили по ногам, как будто норовя сбросить их вниз, и мгновенная, как вспышка света во тьме, волна мелкой дрожи прошла через все тело Виктора, заставив его закричать от боли и ужаса. Он попытался открыть глаза, вырваться из водоворота воспоминаний, затягивающих его все глубже и глубже в омут прошлого, но...

– Если ты перестанешь орать, я тебе объясню. – Лотман, куривший толстую черную сигару, набрал полный рот пахнущего степным пожаром дыма и замолчал. Первый Первый Глаза был невозмутим. Он вообще редко выходил из себя, Генрих Самуэль Обадия Лотман, начальник собственной разведки Легиона.

Виктор смерил его нарочито оценивающим взглядом и погасил гнев.

– Говори, – предложил он, демонстрируя образцово-показательное спокойствие. – Говори.

¹³ *Сцлогхжу* – коронная провинция Аханской империи и одноименная планета.

– Вот что значит профессионал, – заметил Лотман с очевидной иронией и снова замолчал, затягиваясь.

– Ты хотел что-то объяснить. Объясняй.

– Ты прав, – согласился Лотман, меняя модус операнди с такой изящной простотой, что впору, позавидовать. – У нас очень мало времени. Я украл эти полчаса у Легиона, и даже моих прав и возможностей не хватит на большее. Увы. Так что к делу. Если хочешь, кури, ешь, пей. Но боюсь, когда ты поймешь, о чем я говорю, аппетит у тебя пропадет. Извини.

– За меня не бойся, – отрезал Виктор и демонстративно налил себе бренди в чашку для омовения пальцев. – Говори.

Они сидели в небольшом конференц-зале, куда Виктора доставили прямо из карантина. На краю круглого яшмового стола для заседаний были заранее приготовлены напитки и закуски, и именно с этого края они и сидели. Больше в помещении никого не было, и Виктор был уверен, что никаких иных свидетелей их разговора – ни живых, ни мертвых – в природе не существовало. Уж об этом Первый побеспокоился наверняка.

– Приказ на прекращение операции поступил от Лорда Директора, лично, – сухо сказал Лотман и с интересом посмотрел на Виктора.

– Старик что?..

– На старика нажали, – объяснил Лотман и добавил, опережая следующий вопрос: – Его убедительно попросили об этом люди, которым он не мог отказать: Гранд-Мастер и

Штаб-Адмирал.

«Неужели они знают? Но как? Откуда?» – Виктор почувствовал, что... Впрочем, он успел остановить реакцию потоподделения, а вазомоторику он держал под контролем и так.

Оба, и Гранд-Мастер (Второй Первый Головы) и Штаб-Адмирал (Первый Первый Десницы) были лидерами имперцев. Притом что Гранд-Мастер Маклеланд был землянином, а адмирал Ф'Чуеш – той'йтши, в этом вопросе они были едины. Как и другие имперцы, они полагали, что Легиону невыгодно и не нужно менять правила игры, во всяком случае, до тех пор, пока императоры позволяют Легиону быть тем, что он есть. А Лорд Директор... Как известно, такой должности штатное расписание Легиона не предусматривало. Более того, и тот человек, которого имел в виду Лотман, тоже не существовал. Его не было, хотя, разумеется, он был.

Бывший командир Легиона Ннаршц, прослуживший в этой должности почти полстолетия и удостоенный за верность и эффективность дворянского звания, умер тридцать два года назад. Виктор хорошо помнил эти похороны. Как и любые другие государственные похороны в империи, они сопровождались сложным и пышным церемониалом, основанным на древних традициях Легиона и империи. Зрелище было не рядовое, хотя граждан империи удивить такими вещами было сложно. Но командир Легиона – пусть даже не имперский дворянин, а Ннаршц им был – фигура знаковая, и его смерть – всегда значительное событие. На самом же

деле...

На самом деле не только рядовые легионеры, но и большинство младших командиров даже не догадывались об истинном могуществе Легиона, а о существовании Ордена знали совсем уж немногие из действующих наемников. Только посвященные бывали на Курорте, и только посвященные высоких степеней ведали, что база на северном континенте – это лишь верхушка колоссального айсберга, имя которому Орден Легиона. Заводы и верфи располагались на западном континенте, лаборатории и исследовательские центры – на островах Гряды, а штаб-квартира Ордена была построена на Копыте – острове, плывущем в полярных водах Курорта. Там, на Копыте, и жил последние тридцать лет Лорд Директор Чулков. Виктор видел Чулкова всего несколько раз, и, надо сказать, впечатление от этих встреч осталось у него очень сильное.

Чулков был высоким, жилистым и, очевидно, все еще крепким стариком. В его возрасте, а он принадлежал к поколению первых рекрутов-землян и как-то обмолвился, что успел поучаствовать еще в Семилетней войне, воюя под знаменами фельдмаршала Румянцева; так вот, в его возрасте даже омоложение не позволяло достигнуть большего, чем дать человеку силы жить. Замаскировать возраст оно не могло, тем более повернуть время вспять. К тому же, как догадывался Виктор, Иван Никаноров сын попал в Легион уже зрелым мужчиной, а не мальчишкой, как большинство дру-

гих наемников. А степеней посвящения, гарантировавших доступ к самым дорогим и соответственно наиболее эффективным технологиям, достиг еще позже. Поэтому и старик. Но старик крепкий, как мореный дуб, умный, сильный. Во всех отношениях сильный. Склонить старика Чулкова к чему-либо было задачей непростой, и власти, чтобы такие попытки даже не возникали, ему хватало вполне. Но в том, что касалось подковерной борьбы интересов, Лорд Директор традиционно находился над схваткой, хотя, как догадывался Виктор, и сочувствовал «землякам». В отличие от имперцев, земляки, к которым, в свою очередь, принадлежали и Виктор и Лотман, исходили из предположения, что империя в нынешнем своем состоянии себя исчерпала, и хотели не только перехватить власть, но и трансформировать империю во что-то другое, в другую империю например. Самое любопытное, что в движении земляков, как и в среде имперцев, наемники-земляне великолепно уживались с легионерами-той'йтши, хотя справедливости ради надо отметить, что земляки тоже разными бывали.

– Расклад такой. – Теперь Лотман был деловит и собран. – Или вы трое что-то узнали о них, или они узнали что-то про нас, конкретно про вас. Я думаю, что верны оба предположения.

Лотман внимательно посмотрел на Виктора и снова затаился.

– Ничего я... – возразил было Виктор и вдруг сообразил,

что может означать заявление Лотмана: – Мне что, поставили печати? Без моего ведома?

– Догадался, – кивнул Лотман. – У меня нет доказательств, Виктор, и я не могу предъявить официального обвинения. Но мой эксперт нашел следы вмешательства у всех вас. У всех троих. То есть между захватом и карантином вам нелегально поставили печати, причем печати не обычные, а неснимаемые печати категории «Кольцо».

– «Кольцо»? – Виктор даже не знал, что существует такая категория печатей.

– Никогда не слышал?

– Нет.

– Очень серьезные печати, Виктор, сложные технологически и скверные по результатам. Они обеспечивают блокирование строго определенных информационных массивов, причем так, что сам носитель об этом ничего не знает. Ни о печатях, ни о скрытой информации. И другим их обнаружить очень сложно. Почти невозможно, если честно. Просто нам повезло. Печати свежие, и у меня есть один уникальный нюхач, который ментальные операции чувствует на расстоянии. К сожалению, его чутье к делу не подошьешь, и во внутреннюю безопасность с этим я пойти не могу.

Лотман налил себе немного бренди, понюхал и отставил нефритовую чашечку в сторону.

– Это не все, – сказал он, глядя Виктору в глаза. – У «Кольца» есть несколько особых свойств. Видишь ли, такие печати

склонны к экспансии. Они часто распространяются на связанные с исходным информационные поля. Иногда это результат развертывания заложенной в «Кольцо» программы, а иногда – спонтанная агрессия самой печати. В общем, скверная штука и непрогнозируемая. Одно то, что вам ее поставили, много говорит о характере закрытой информации. Там лежит что-то уж очень скверное для них, если они решились на такой шаг. И на такие издержки. Но, с другой стороны...

– А не легче было нас всех?.. – перебил Лотмана Виктор.

– Практически невозможно. – Лотман понял вопрос правильно. – Одного можно было бы. Двух – сложно. Трех – исключено. Посуди сам. Три легионера, а вы к тому же не рядовые бойцы. Было бы расследование. В дело пошли бы все технические средства не только дознавателей контрразведки, но и всего Легиона. Три агента-нелегала вашего уровня просто так умереть не могут. И исчезнуть не могут тоже. Так что нет. К слову, то, что они не пошли на убийство, означает, что и второе мое предположение правильно. Они знают про нас вообще и про вас в частности достаточно, чтобы понимать – такое мы бы им не спустили, и за вас они заплатили бы слишком большую цену.

Виктор слушал Лотмана и вроде бы слышал, даже соглашался и с его доводами и с его выводами, но притом думал о своем. Ситуация чем дальше, тем больше ему не нравилась.

– Это что же выходит, – наконец спросил он, наливая себе еще бренди, – оно мне еще чего-нибудь сотрет? И что это

будет?

– Непременно, – кивнул Лотман. – Сотрет. Это ответ на твой первый вопрос. Не знаю – это на второй. Одно могу обещать: в идиота ты не превратишься. Только утешение это слабое, потому что вам ведь и еще одно «Кольцо» будут ставить. И это уже официально.

– Что? – Виктор не поверил своим ушам. – Это за что же нам такая честь? По уставу вроде бы не полагается.

– А ты слушай и не перебивай, – устало вздохнул Лотман, и Виктор увидел, что Генрих и сам скорее старик, чем пожилой мужик. Тощий длинный старик с лысой как бильярдный шар головой, крючковатым носом и усталыми карими глазами.

«Сколько ему лет?» – спросил он себя и затруднился с ответом, потому что пятьдесят лет назад, когда Виктор был еще только Вторым Двенадцатым Правой руки, Лотман был уже Вторым Вторым Глаза.

– Ты, вероятно, помнишь, что у нас всего полчаса времени. Было, – поправил себя Лотман, взглянув на проекцию. – И ни с Максом, ни с Ди я уже поговорить не смогу. Только с тобой.

– Кто это Ди? – спросил Виктор, предполагая, впрочем, что так Лотман назвал... Йя?

«А как ее зовут на самом деле? – спросил он себя, понимая с ужасом, что не помнит, как ее зовут. – Но она же мне наверняка говорила! Не может быть, чтобы не сказала!»

– Не помнишь? Н-да, – покачал головой Лотман. – Это младшая Йя. Ее настоящее имя. Ты помнишь, что она?..

– Той’йтши? Да. И она... Она мне говорила, наверное, как ее зовут.

– Наверняка.

– Продолжай, – угрюмо предложил Виктор, необходимости в уточнениях уже не было. Он все понял.

– Ваше изъятие было мотивировано возникновением опасности для Легиона со стороны Информационно-аналитического бюро.

– Глупости! – возмутился Виктор. – Йёю недвусмысленно предложил Макс сотрудничать.

– Это я и сказал на Совете, – кивнул Лотман. – Но видишь ли, такой контакт можно трактовать по-разному. Это объективно, и они эту возможность использовали. Их версия, что Йёю с Максом играет, как кот с мышью. Вернее, с вами всеми, а не только с Максом, потому что наверняка уже всех вас вычислил. Через Макса, естественно. Как ты понимаешь, я возражал, и ведь это моя епархия, и мне виднее. Но их поддержал мой собственный заместитель, С’Зуёш. И Лорд Директор вынужден был дать добро. Ну, это ты уже знаешь. Яхта жемчужного Ё взорвалась, а вы оказались в карантине. Теперь другое. На Совете они предъявили доказательства вашего участия в движении земляков. Ничего по-настоящему криминального, но достаточно, чтобы подверстать к делу. Официально их позиция такова. Ваши, так сказать, по-

литические взгляды ваше личное дело, и, пока вы остаетесь солдатами Легиона, они никому не мешают. Типа чем бы дитя ни тешилось. Но оказавшись на Земле, вы можете неправильно интерпретировать свои взгляды и начать свою игру. Поэтому – «Кольцо». Формально первое, а по факту – второе, а ведь впереди еще демобилизация с сопутствующими процедурами.

– Я понял, – грустно кивнул Виктор. – Нас пускают в рас-ход.

– Еще нет, – покачал головой Лотман. – Но могут. На Совете Первых Первых выступил Первый Желудка Сантос и сказал очень странную вещь. Обрати внимание, Виктор, заявление и в самом деле неординарное. Я такого от него услышать не ожидал, тем более что он человек. А сказал он вот что. Он, дескать, как землянин, хорошо понимает те настроения, которые, к сожалению, имеют место в среде легионеров-людей – это почти дословно, но он обеспокоен впадением некоторых землян в экстремизм. Дескать, по его данным, экстремизм этот получил закономерное воплощение в создании тайной организации землян-националистов, и что вы трое, хотя он и затрудняется это формально доказать, принадлежите к указанному подполью.

– Ну да, особенно Ди!

– Ну тут как сказать, – возразил Лотман. – Не забывай, что Ди твоя любовница. Об этом знают все, а она к тому же уже заявила, что полетит с тобой на Землю.

– Сильно.

– Не то слово. Но ты послушай дальше. Подполье планирует в ущерб всем остальным легионерам вступить в союз с аханками, и что Дмитриев и Прагер играют в этом деле последнюю роль, недаром же вся история началась с контактов между Прагером и Йёю.

– Бред!

– Бред, – согласился Лотман. – Но бред, звучащий очень логично, особенно из уст Первого, который и сам землянин. Многие приняли его слова близко к сердцу, так что Санто-су поручено создать на Земле Единицу Безопасности, неподконтрольную Смотрящему. На всякий случай. Например, если мы вас попытаемся активировать.

– Расстрельная команда, значит.

– Да. – Лотман снова взглянул на проекцию и покачал головой. – Они оживут, если вы вдруг начнете действовать не штатно.

– И кто?

– Увы, не знаю, но попробую узнать.

– Но это же нарушение прав легионера! – Виктор был искренне возмущен. Все и так было скверно, но последние новости были уже и вовсе паскудные.

– И да и нет. Формально-то вы получаете все, что положено, а Единица Безопасности – это только подстраховка, не более.

– Ну да, ну да, – покивал Виктор. – Почему тогда вообще

отпускают?

– А ты сам подумай! Кому нужен взрыв внутри Легиона? У вас ведь и друзей немало – это все знают, и сторонники имеются, и не все они на виду.

– Я понял, – сказал Виктор. – Что-то еще?

– Да. Мы попробуем вмешаться на стадии постановки «Кольца» и тоже подстрахуемся от всяких неожиданностей. Ну и, естественно, сделаем все, чтобы вы вернулись.

Виктор обдумал слова Лотмана и понял, что ему в них мешает.

– Почему? – спросил он. – Зачем вы все это делаете? Зачем, например, ты со мной сейчас говоришь? Я ведь все равно обо всем забуду.

– Правильный вопрос, – кивнул Лотман. – О дружбе и солидарности я помолчу, но есть и кое-что еще. У Лорда Директора есть Камень. Он называется «Роза». Хороший оператор может делать на нем предсказания высокой степени достоверности. Не часто. Иногда. Но когда Камень все-таки позволяет, получаются сбывающиеся предсказания. Понимаешь, что это такое? И это не сказки, я знаю о пяти случаях за семьсот лет, но всего, как ты, вероятно, догадываешься, не знаю даже я. Зато мне известно, что Чулков умеет работать с «Розой» и никому, естественно, о результатах не докладывает. Однако три дня назад, когда вы уже были в карантине, он неожиданно допустил к Камню моего эксперта. *Того самого.*

– Ты его просил об этом? – спросил заинтригованный Виктор.

– В том-то и дело, что нет. Он сам предложил. Из чего я сделал вывод, что Лорд Директор получил какое-то предсказание... Мой эксперт тоже получил предсказание. О нем сейчас знают считанные люди, включая Чулкова, естественно. С ним я не мог не поделиться. Теперь о самом предсказании: Это не текст, это образы и ощущения в интерпретации человека. Человека, бесспорно, одаренного, уникального нюхача, но все же человека. Понимаешь?

– Да.

– Тогда смотри и слушай, Виктор. И думай.

Лотман достал из кармана крошечный вычислитель, повозился с кодами допуска и активировал мнемोगрамму. Над столом возникла проекция: полноватый немолодой человек – по виду типичный тхоланец-северянин – сидит с закрытыми глазами и курит трубку с длинным чубуком. На проекции виден только он и широкая спинка кресла, в котором он сидит. Помещение, где велась запись, и люди, которые там наверняка находились, в проекцию не попали или были из нее изъяты. Человек сидит в кресле и молча курит трубку, явно наслаждаясь самим процессом. Потом он начинает тихо говорить:

– Я думаю, это будущее... Далекое близкое. Не знаю, что это значит, но у меня возникло ощущение времени, его протяженности далеко вперед. Но в то же время я знаю, что это

близко. Вероятно, можно сказать так, это будущее, которое связано с нами. Я имею в виду наше поколение. Я думаю, речь идет об отрезке времени в пятьдесят-сто лет. Далеко, но в пределах жизни нашего поколения. Далекое близкое. Пожалуй, так.

Мужчина говорил на Ахан-Гал-ши с типичным для северян носовым произношением гласных. Говорил медленно, не торопясь, как будто вглядываясь во что-то, что видит только он один там, за смеженными веками своих глаз. Человек пытался передать смутные образы своих видений, интерпретировать их и облечь в слова, что в свою очередь требует уточнений и объяснений.

– Двое мужчин. Две женщины. Мужчины... Я бы сказал, что один из них похож на жемчужного Ё. Я не могу этого утверждать со всей определенностью, но это предположение не вызывает у меня чувства протеста. У Камня тоже. Ё? Да, скорее всего. Второй... Я его не вижу, но он военный... Да, он верк гарретских стрелков. Это определенно так. Я вижу, как он открывает схрон, достает контейнер... Да, в контейнере лежит налобная повязка верка и... и коллекция трубок.

«А ведь это он про меня говорит, – понял Виктор. – Определенно про меня».

– Это происходит в будущем. Не сейчас. Долго вперед, но на дистанции жизни. Не знаю, как сказать лучше. Далекое близкое. Я так чувствую.

Две женщины. Одна... у нее серебряные волосы... Что-то

такое, но это не седина. Старое серебро, платина... Не знаю. Знаю только, что ее образ двоятся, как будто она не одна. Два образа сливаются в один. Это все. Вторая... Она из гегх, вероятно. Я думаю, что из гегх. Не знаю, почему я так думаю, но у меня такое впечатление. Возможно, это потому, что у нее зеленые глаза. И еще потому, что ее зовут Барс. Нет, не так, ведь это гегхское имя. Нор? Мне кажется, Камень хочет, чтобы я называл ее так. Нор.

Они вместе, эти люди. И они... Тут есть какой-то сложный образ. Вероятно, его следует понимать, как слитность, неразделенность судьбы... судеб... неразрывной связи... Нет, не так. Тхолан, Той'йт и еще одна планета, на которой тоже живут аханки. Мне кажется, это аханки, но Камень так не считает. Он не принимает моего толкования. Планеты... они связаны как-то, и четверо людей тоже связаны со всем этим. И будущее... То будущее, которое наступит после этого далекого близкого будущего, зависит от того, что сделают или не сделают эти четверо.

Мнемोगрамма завершилась, и изображение исчезло. Лотман спрятал вычислитель в карман и посмотрел в глаза Виктору:

– Вы трое и Земля. Это очевидно. Мои эксперты единогласны. Но кто четвертая?

– Не знаю, – устало ответил Виктор. – Нор? Была такая графиня, но... Ты думаешь, мы вернемся?

– Не знаю, – покачал головой Лотман. – Но ты слышал то,

что слышал. И поэтому мы будем иметь вас в виду – всех троих – во всех наших планах, как если бы ничего не случилось.

– Не люблю я эту мистику.

– А кто же ее любит? Впрочем, это не мистика. Камни не сказочные амулеты, и предсказание, сделанное Камнем, это такая вещь, что ее не выбросишь. Оно уже есть. Потому я с тобой и говорил. Кто знает, может быть, ты все это когда-нибудь вспомнишь?

Вспомню... Вспомнил... О господи.

Желудок свело мгновенным спазмом, и воздух стал горячим, как расплавленный металл...

– Моя светлая госпожа. – Абель Вараба коснулся кончиками пальцев правой руки своей левой щеки в знак восхищения, поднял плечи, выражая смущение, граничащее с извинением в дерзости, и поклонился, обозначая дистанцию. – Разрешите представиться, аназдар Вараба, черный полковник. К вашим услугам, жемчужная госпожа!

Он говорил, старательно размыкая челюсти, но никто из слышавших его слова не усомнился бы сейчас в том, что это говорит настоящий гарретский стрелок.

– Полно, аназдар. – Ее голос был прекрасен, как песня птицы солнечным утром в плавнях Голубой, ясен и прозрачен, как само утро, искрился, как живая вода в протоках, благоухал, как напоенный ароматами цветущих лилий воз-

дух над бегущей водой. – Полно! Не утруждайте себя. Мне нравится гарретский говор.

Она стояла перед ним нагая. Высокая, одного с ним роста, стройная и сильная, женщина-богиня. Ее серые глаза излучали свет воли и мужества, и ещепряного и пьяного веселья. Таким взглядом, верно, глядят на тварный мир Духи Верхнего Мира, так смотрят на мир простых смертных одни лишь Жирные Коты.

– Анайша!¹⁴ – сказал он, чувствуя, как растворяется в свете ее глаз. – Ликующая! Я потрясен! Ваши поединки заставили мое сердце петь. Я...

– Вам понравилось, как я танцевала? – выражение интереса и... благодарности? Ее голос виртуозно передавал даже смыслы четвертого уровня выражения!

«Она сказала, что готова танцевать со мной танец Нья?»¹⁵ Она сказала это мне? Со мной?»

Полковник Вараба ошалело смотрел на младшую Йя и не мог найти достойного ответа. Он! Не мог!

«Она сказала это, или я грежу наяву?»

Но выходило, что Среброкудрая Койна¹⁶ сказала именно то, что он слышал, потому что, по-видимому, слышал

¹⁴ *Анайша* – ликующая (старооханский язык), титулование богинь, приобретшее со временем функцию обращения к даме в высоком стиле.

¹⁵ *Танец Нья* – эвфемизм, принятый в высоком стиле для обозначения сексуальной близости.

¹⁶ *Койна* – богиня (высокий стиль).

это не только он один. Краем сознания Вараба отметил, как неожиданно сменился тон и ритм беседы за его спиной. А там, за спиной полковника, беседовали вполголоса люди, которые и сами были способны подниматься на самую вершину пирамиды смыслов. Ё Чжойю и средний Э очевидным образом демонстрировали, что слышали и услышали, как младшая Йя только что в их присутствии пригласила гвардейского офицера в свою постель.

Исчез шум трибун, исчезло и само Дуэльное поле, и восемь смертельных схваток, которые блистательно пропела бирюзовая Йя. Все это более не имело значения, потому что остались только он и она. Она и он. Одни во всей невообразимо огромной вселенной.

– Я дорога под твоими ногами, Великолепная, – выдохнул он, чувствуя, как хмель любви и яд страсти кружат ему голову. – Я тень твоей улыбки, Бирюзовая Дева. – Он понял, что бросился в омут, а попал в водоворот. – Я пью твое дыхание, жемчужная госпожа, я плыву в сиянии твоих глаз, я...

– Ты истинный рыцарь, солдат. – В ее голосе, опустившемся в грудь, запели боевые трубы бесчисленных сражений, в которых побеждали и умирали ее предки, жемчужные господа Йя.

– Я...

– Ты и я, – сказала она и протянула ему свою божественную руку. – Пойдем со мной, солдат. Пока я буду одеваться, ты расскажешь мне о сражении за Перо...

Боль, и ужас, и смертельная тоска, а еще отвращение, вызвавшее сильнейший приступ тошноты, и безмерное одиночество человеческого существа, затерянного в невообразимой сложности лабиринте своего собственного Я.

«Бога! Боже! Я...»

Хрустальный салон был наполнен искрящимся светом пронзительно-ясного утра. Солнце играло на гранях полированного горного хрусталя, заставляло светиться мозаичные панно, составленные из всех известных в империи драгоценных и полудрагоценных камней, жило своей собственной отраженной жизнью в серебряных и платиновых элементах декора и деталях мебели, сделанной из легкого и светлого дерева дворианской березы.

Ди отошла от широкого и выпуклого панорамного окна и, повернувшись к ним лицом, улыбнулась Виктору. За ее спиной сиял под солнцем Фейтша¹⁷ Безымянный залив.

– Тебя ждет любовь, Макс, – сказала Ди, переводя взгляд своих чарующих глаз с Виктора на Макса. Сейчас она была задумчива и, возможно, грустна.

– Ты смотрела в «Камень Судьбы». – Макс не спрашивал, он знал.

– Я смотрела в «Камень Судьбы», – сказала Ди, и от ее улыбки, в которой жила грусть, Виктору стало нестерпимо тоскливо. Ради нее он был готов разрушать города и убивать

¹⁷ *Фейтши* – коронная провинция Аханской империи и одноименная планета.

ее врагов голыми руками, но правда, печальная и жестокая правда дня, заключалась в том, что сейчас он ничего сделать не мог. Они проиграли, все трое и еще, возможно, множество других людей и... не людей.

– Я смотрела в «Камень Судьбы», – сказала Ди. – Я говорила с Матерью. Я прощалась с собой.

– Прощалась, – Виктор чувствовал, что еще немного, и он сам бросится навстречу судьбе. Просто, чтобы не ждать.

– Прощалась, – повторил за ней Макс. Он был задумчив. – Все так плохо? Но тогда о какой любви ты говоришь?

– Нет, – покачала головой Ди. – Возможно, и даже, скорее всего, мы переживем этот день, и тогда у всех нас будет будущее. Две дороги. Две возможности. Или – или.

– Тогда к делу, – предложил Макс и стал набивать свою трубку. – Последние двенадцать часов мы находимся в полной изоляции. Кто-то отрезал нас от всех каналов связи. Мы даже думали, что ты не придешь.

– Видимо, они хотят взять всех нас вместе, – усмехнулся Виктор. – Вот тебя, Ди, и пропустили.

– Да, – согласилась Ди. – Они вели меня от самого Той'йта. И приказ, переданный от имени Первого Первого Уст, был недвусмыслен – следовать на Фейтш.

– Мы догадались, что это «дружественный огонь». – Макс был невозмутим.

«Вот же статуя железный!» – в очередной раз восхитился другом Виктор и, покачав головой, полез в карман за соб-

ственной трубкой.

– Вероятно, – сказал он, – убивать нас не будут. Это был бы перебор, как считаете?

– Пожалуй, – кивнул Макс. – Впрочем, это зависит от двух обстоятельств. Знают ли они, кто мы на самом деле, и узнают ли они, что нам известно.

– А что нам известно? – быстро спросил Виктор. – Лично мне известно только то, что за спиной имперцев есть кто-то еще.

Он внимательно и со значением посмотрел на Макса, перевел взгляд на Ди, улыбнулся ей и снова посмотрел на Макса:

– Слушаю вас, коллега.

– Моя группа на планете Дье обнаружила отлично сохранившиеся останки вуспу, – неторопливо, как если бы и не было загонщиков, нетерпеливо дышащих им в спину, ответил Макс. – Группу перехватили и уничтожили при возвращении, но они успели передать экстренное сообщение. Сюда, на Фейтш. Здесь мы и должны были с ними встретиться. Сигнал был передан четыре дня назад, то есть до того, как нас блокировали, а сегодня ночью приемник-накопитель оказался внутри кокона, в который нас упаковали, и я смог получить сообщение.

«Вот так просто. И что же такого ужасного принесла птичка в клювике?»

– Не тяни, – попросил Виктор и сделал первую затяжку.

– Вуспсу были той’йтши, – спокойно закончил Макс. – Несколько выше нынешних той’йтши и массивнее, но родовое сходство несомненно, и генетический анализ образцов не оставляет места для сомнений – той’йтши.

– Бред, – покачал головой Виктор. – Как это может быть?

– Не знаю, а ты что думаешь, Ди?

– На Той’йт есть легенды. У нас, у Сойж Ка, есть легенды о Королях Но, наших предках – небесных королях. Ты уверен, то есть твои люди уверены? Прости. Они были уверены в том, что это той’йтши?

– Теперь их не спросишь, но в сообщении звучала полная уверенность.

– Ну что ж. – Ди взяла из украшенной изумрудами папиросницы, стоявшей на хрустальном столике, длинную алую сигарету и закурила. – Ну что ж. Возможно, Той’йт был каким-нибудь центром отдыха, охотничьей фермой, детским садом... чем-нибудь таким, где жили вуспсу, но где не было развитой инфраструктуры, промышленности, ничего, что позволило бы воссоздать цивилизацию. Если правда, что аханки, сумев перехватить власть, уничтожили всех вуспсу, то... На Той’йт случайно уцелела маленькая нежизнеспособная – в цивилизационном смысле – колония. Когда это могло произойти?

– Три-пять тысяч лет назад, если верить официальной истории империи. Но я не стал бы на нее полагаться, ее переписывали несколько раз.

Макс подошел к столику для напитков.

– Вам налить? Это виноградная водка с Сше¹⁸. Очень хорошая.

– Наливай, – согласился Виктор. – Но тогда, выходит, в империи известно, что вуспсу и той'йтши – один народ?

– Мне тоже, – кивнула Ди. – Не обязательно. Заметь, что на всех изображениях вуспсу похожи на аханков. Аханки или настолько серьезно изменили свою историю, что уже не помнят, как выглядели вуспсу, или никогда их не видели.

– Я думаю, что второе предположение более соответствует истине. – Макс разлил водку по серебряным чашечкам и подал их друзьям. – Тут простая логика. Еще три тысячи лет назад аханки были дикими варварами, куда им было тягаться с космическими путешественниками? Вероятно, вуспсу погибли по другой причине, а аханки лишь приписали себе эту победу. Тогда все сходится. Той'йт был открыт тысячу семьсот восемьдесят лет назад, и если аханки не знали о родстве вуспсу и той'йтши, то они должны были вести себя именно так, как и повели.

– Тогда за что же нас в расход? – удивился Виктор. – Ведь ясно же, что все закрутилось из-за этой экспедиции поганой, или имело место несчастное для нас стечение обстоятельств?

– Стечение? Да, пожалуй, – согласился Макс. – Ди ведь посетила Той'йт. Они могли подумать... Впрочем, все равно непонятно, при чем здесь той'йтши?

¹⁸ *Сше* – коронная провинция и одноименная планета в Аханской империи.

– При том... – на его, по всей видимости, риторический вопрос ответила Ди. – Я говорила с Матерью.

– И что? – насторожился Виктор.

– Я не единственная той'йтши, кто прошел большую пластику. У меня уже были какие-то, правду сказать, смутные, предположения, но с теми людьми я редко встречаюсь и мало времени нахожусь рядом, так что мне сложно было судить. С одной стороны, возможно, они меня избегают, но с другой стороны, они занимают в Легионе такое положение, что я и объективно – по уровню допуска – такой возможности не имею.

– Кто? – спросил Макс. Он спросил так быстро, что опередил даже быстрого Виктора. Когда он хотел, он мог быть стремителен. Одно слово, лучший танцор Тхолана.

– Кто?

– Маклеланд, Ширер и Сантос.

«Гранд-Мастер, Первый Первый Уст и Первый Первый Желудка... Все считаются людьми, и все трое имперцы».

– Они что, хотят вернуть власть той'йтши? – спросил потрясенный Виктор. – Они боятся, что мы раскроем их авантюру раньше времени?

– Я думаю, именно так, – мягко сказала Ди. – Вероятно, они видят в вас конкурентов, ведь земляне неотличимы от аханков.

– А ты? Ты что думаешь? – через силу спросил Виктор.

– Ты мог бы и не спрашивать, милый, – с укоризной в голо-

се ответила Ди. – Я ездила прощаться... С собой, с Той'йт... Я выбрала свою дорогу.

– Прости!

– Прощаю, – улыбнулась она.

– Они вертят имперцами как хотят, – как ни в чем не бывало сказал Макс. – А поскольку среди имперцев много землян, земляки на их фоне выглядят на редкость скверно.

– Да уж, – признал Виктор. – Ну что ж, во всяком случае, теперь понятно, во что мы вляпались, – кивнул он после паузы.

– Они знают, кто мы, – добавила Ди.

– Скорее догадываются, – поправил ее Макс. – Знать наверняка они просто не могут, если только среди земляков не сидит крот. Но это вряд ли. Нас бы уже давно разгромили. Но убить нас они побоятся.

– Тогда что? – спросила Ди.

– Печати, – пожал плечами Макс.

– Но печати не гарантируют, – возразил Виктор.

– Смотря какие, – не согласился Макс.

– «Кольцо»? – ужаснулся Виктор.

– А какой у них выход?

– Но они же нам все, к чертям, сотрут, и то, что надо, и все, что не надо!

– Сотрут, – согласился Макс.

– Я могу попробовать... – тихо сказала Ди.

– Что? – встрепенулся Макс.

– У тебя же есть здесь Камень, – объяснила Ди. – «Мышь», ведь так? Я могу попробовать прикрыть главное. Наши убеждения, наши чувства, наши отношения. Это называется «Паутина Оберега»... Сильные колдуньи накладывают ее без помощи Камней, но я так не смогу.

– Сколько времени тебе понадобится? – спросил Виктор.

– Десять-пятнадцать минут на каждого из вас и минут тридцать для себя.

– Что скажешь, успеем? – Макс смотрел на Виктора, который разбирался в таких вещах лучше них всех.

– У нас часа два. Это по минимуму. Они просто не успеют подготовить захват раньше.

– Тогда расскажи нам сначала о «Камне Судьбы», – попросил Макс Ди.

– Я уже сказала, – сразу же ответила Ди. – У нас есть шанс, и это не только наш шанс. Камень сказал, от нас зависят судьбы трех планет.

– Планет? – переспросил Виктор.

– Не в космологическом смысле, – объяснила Ди. – Правильнее, наверное, сказать – судьба трех цивилизаций.

– Не слабо, – усмехнулся Виктор.

– Да, это серьезно, – согласился Макс.

– Мы трое и еще один человек, – сказала Ди. – Камень сказал, что тебя ожидает любовь. Это как-то связано, но я не знаю как. Может быть, женщина, которую ты полюбишь, и есть этот четвертый человек? Не знаю.

Она обвела их взглядом.

– Еще одно. Я слышала имя, но оно мне незнакомо. И я даже не знаю, об одном ли человеке идет речь, или о трех разных.

– Какое имя? – спросил Макс.

– Нор.

– Нор? – удивился Виктор. – Нор – это гегхская фамилия. Графы Ай Гель Нор. Но эта ветвь пресеклась. Последняя графиня Ай Гель Нор умерла на Курорте десять лет назад.

– Не знаю, – как бы извиняясь, улыбнулась Ди. – Это все, что сказал Камень...

Виктор открыл глаза. Меш и Риан по-прежнему стояли, возложив руки на Улитку. Выглядели они сейчас еще хуже, чем когда он вошел в Малахитовые покои. Виктор перевел взгляд на Лику; казалось, она ссутулилась еще больше. Волосы упали ей на лицо, пальцы, сжимавшие шар «Пленителя Душ», побелели.

На секунду он снова закрыл глаза. Ему было плохо. Так плохо ему, кажется, не было никогда в жизни. В голове туман и гул, тошнота сжимает горло, тело какое-то невесомое, легкое, ненадежное, и мокрая, насквозь мокрая от пота одежда, раздражающая это скверное и ненадежное тело.

Виктор с усилием открыл глаза и попытался встать. Встать получилось только со второй попытки, но он все-таки встал и, ничего не говоря, пошел прочь.

Маленькая ночная серенада. Тень отца Гамлета

Дверь открылась, пропуская в новый просторный кабинет Виктора очередного посетителя, закрылась, оставляя их наедине.

– Здравствуйте, Виктор Викентьевич, – сказал посетитель тихим хрипловатым голосом и неуклюже потянул с седой головы старую кепку.

– Здравствуйте, Иван Никанорович! – ответил Виктор, с интересом наблюдая за трансформацией. Робкий проситель стремительно превращался в... равного партнера?

«Пожалуй, так», – решил он наконец.

– Проходите, садитесь, пожалуйста, – сказал он вслух, указывая на журнальный столик в углу. – Сердечно рад вас видеть.

– А чего же тебе не радоваться, – ворчливо ответил старик, проходя к столику и усаживаясь в предложенное ему кресло. – Чай, не с пустыми руками пришел.

– Не сомневаюсь, – снова улыбнулся Виктор, он действительно был рад видеть старика, и не только потому, что тот был «богатым женихом». – Выпьете что-нибудь, или вы уже в полной завязке?

– А что у тебя есть?

– Почти все, а чего нет, достанем. Вы же ко мне не на пять минут пришли?

– И не на десять, – хмыкнул старик. – А пить будем вот это.

Он вытащил из кармана потертого пиджака полулитровую флягу, обтянутую выцветшей кожей, и торжественно водрузил в центре полированной столешницы.

– Стопки есть?

– Найдутся. – Виктор подошел к бару и взял два граненых «ностальгических» хрустальных стаканчика.

– Подойдут? – спросил он, возвращаясь к столу.

– Вполне, – кивнул старик и стал свинчивать крышечку. – Садись, чего стоишь!

Виктор сел. Перед ним по другую сторону низкого столика сидел высокий жилистый старик. Лицо у старика было темное, задубевшее на солнце и морозе, обветренное, глаза светлые, почти прозрачные, но по-прежнему ясные и внимательные. Одет он был просто, как небогатый сельский пенсионер, сохраняющий форму и уважение к себе. На улице, в метро или электричке на него, пожалуй, никто и внимания особого не обратил бы. А между тем это был некогда всесильный Лорд Директор Ордена Легиона Чулков. Впрочем, Виктор подозревал, и не без оснований, что и сейчас, на Земле, этот «старичок» мог без труда помериться силой и с иными правительствами, и с всесильными, как им самим кажется, корпорациями и спецслужбами.

Когда десять минут назад секретарша положила на стол перед Виктором список посетителей, он сразу мгновенно вы-

целил девятую позицию: Чулков – бывший директор. Вот так, без изысков. Бывший директор. Простенько и со вкусом. Самое интересное, что Виктор не удивился. Чего-то в этом роде он, грешным делом, и ожидал. И даже надеялся подсолнечно: ведь вероятность того, что Чулков уцелел, не казалась теперь исчезающе малой. Напротив, теперь она представлялась ему и всем остальным тоже достаточно высокой. Логика тут была проста и незатейлива. Покойный адмирал Ву Дайр Ге – ни дна ему, ни крыши! – обрушил на Курорт испепеляющую мощь целого ударного флота. Это факт, причем давно уже факт истории. Но когда Ге вколачивал Курорт в мезозой, он отрабатывал, прежде всего, по материковым базам и по системе планетарной обороны. И это тоже факт, ведь, разрушь адмирал планету до основания, им просто некуда было бы потом высаживаться. Ге просто не знал, что есть еще и острова Гряды, а уж обнаружить Подкову – крошечный скалистый и, по виду, необитаемый остров, затерявшийся среди сотен подобных ему промороженных лютоту стужей островов полярной зоны, обнаружить штаб-квартиру Ордена, даже не зная о ее существовании, было не под силу никому. И они, грешные, только что очнувшиеся от летаргического сна длиною в жизнь, не искали и не нашли на Курорте исследовательские центры Легиона и штаб-квартиру Ордена тоже не нашли. Они о них забыли, вот и лазили по выжженным пустошам в районе бывшей базы, а океаны... Что с них взять, с океанов, катящих свои радиоактивные волны к

пустынным берегам? Но вот когда упали печати и память об отставке и обо всем, что ей сопутствовало, вернулась к ним троим, тогда и подумалось: а что, если кто-то все же уцелел? Они даже экспедицию на Курорт уже спланировали, но Чулков их опередил – объявился сам. Чулков – бывший директор.

Между тем старик разлил по стаканчикам прозрачную жидкость и, взяв сильными пальцами свою стопку, поднял ее почти на уровень глаз.

– Ну, за встречу!

– Будем! – согласился Виктор и опрокинул в себя содержимое стаканчика.

Восемьдесят граммов крепкой водки, настоящей хлебной, нечувствительно пролетели пищевод и прошли волной доброго пламени по желудку.

– Недурственно, – кивнул Виктор. – Сами гоните или кто помогает?

– Сам, – хмыкнул старик, разливая по новой. – Ну и против кого будем дружить?

«Хорошее начало, – мысленно кивнул Виктор. – Вполне».

– В империи война, – бросил он пробный камень.

– Значит, против ратай. – Чулков взял из вазы яблоко и положил его с краю стола. – Приемлемо.

– В империи переворот, – продолжил Виктор, с интересом ожидая реакции Чулкова. – Мятеж Позвонков.

– А император? – старик спросил о главном.

– Император убит, все члены фамилии тоже.

– И о чем ты мне недоговариваешь?

– Иван Никанорович! – театрально всплеснул руками

Виктор и потянулся за стопкой.

Он не смотрел сейчас на Чулкова, но взгляд старика чувствовал. Тяжелый взгляд.

«А куда ты, на хрен, денешься! – подумал он с привычным цинизмом. – Не просто же так вылез из норки? Скучно тебе на пенсии сидеть, Иван Никанорович, вот в чем дело».

– Камень есть, или мне свой доставать? – угрюмо спросил Чулков.

– Есть, как не быть, – Виктор встал, подошел к письменному столу, открыл сейф, вмонтированный в тумбу, и достал из него небольшой плоский Камень. Вернувшись к Чулкову, он положил Камень на столешницу рядом с чулковской флягой и кивнул:

– Прошу вас, Иван Никанорович, стандартной присяги пятого уровня будет достаточно.

Виктор улыбнулся, а старик только головой покачал. Еще бы, пятый уровень такие тайны предполагал, за которые в былые времена планетами расплачивались и княжескими титулами, если до того голову не снимали с плеч. Головой покачал, но всю присягу, не ерепелясь, прочел от первого до последнего слова. Наизусть.

– Ну? – спросил он, завершив формулу.

– У императора остался наследник, – после секундной па-

узы сказал Виктор.

– Сын?

– Принцесса.

– Кто мать?

– Графиня Ай Гель Нор.

– Нор, – повторил за Виктором старик. – Ты знаешь о предсказаниях?

– Да, – кивнул Виктор.

– Значит, Лотман успел. Молодец. – Старик не скрывал удовольствия. Не хотел скрывать.

– Это вы положили контейнер с архивом разведки в схрон Макса? – Это пришло в голову Виктора спонтанно. Что-то было такое в интонациях старика, что-то такое...

– Я, – кивнул старик. – Ну не сам я, конечно, а мой человек, работавший у Лотмана, но можно сказать и так. Я.

«И это вам зачтется», – мысленно усмехнулся Виктор и взял со стола свою стопку.

– Нор получила корону гегх из рук императора, – сказал он и выпил.

– А кто она на самом деле? – поинтересовался Чулков, возвращая на стол свой только что опустевший стаканчик.

– Землячка.

– Хорошо, – сказал старик и, взяв из вазы еще одно яблоко, положил его рядом с первым. – Если договоримся («А разве мы еще не договорились?»), ты мне потом всю историю расскажешь, с подробностями. А пока скажи, пожалуй-

ста, ты знаешь, за что вас съели?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Виктор.

– Не знаю, – вздохнул Чулков. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но я так и не понял, с чего имперцы так всполошились. И спросить было не у кого, не их же самих спрашивать?

– А следовало бы спросить! – жестко определил свою позицию Виктор.

– Умный больно! – фыркнул старик. – Сказано, не мог, значит, не мог! Тогда все очень не просто сложилось, а Лорд Директор должен быть над схваткой. Положение обязывает. Так что там было не так?

– А все, – усмехнулся Виктор и полез в карман за трубкой. – Все не так.

Он демонстративно медленно набил трубку, прикурил от зажигалки и сделал первую затяжку. Все это время Чулков так же демонстративно ждал, не проявляя и тени нетерпения. Только водку разлил по стаканчикам и ждал.

– Имперцы имперцами, Иван Никанорович, но среди них прятались и настоящие враги, – сказал наконец Виктор, выдохнув дым.

– Не интригуй, Виктор Викентьевич, рассказывай! – Старик был серьезен. – Кто?

– Той'йтши, – коротко ответил Виктор и снова затянулся.

«Той'йтши, – в который уже раз удивленно подумал он. – Ну кто бы мог подумать? Той'йтши!»

Но вот старик, похоже, не удивился.

– Той’йтши, – повторил он за Виктором. – Значит, это правда, что вуспсу были той’йтши?

– А вы откуда знаете?

– Был слушок, но данных у *меня*... – Чулков выделил голосом это меня, показывая, что хотя и был он Лордом Директором, но всесильным и всемогущим не был, – данных мало было.

– А если конкретнее?

– Мы, разведчики Легиона, если точность соблюсти, нашли на Йяфте¹⁹ – давно уже, еще до меня дело было – старый отчет о генетических исследованиях. – Чулков задумчиво покатал по столешнице одно из двух отложенных им в сторону яблок. – Предположительно это были останки вуспсу. Но только предположительно, потому что это я громко сказал, отчет. Обрывки отчета, если честно, фрагменты... Потом там что-то не так пошло. Я деталей не знаю... или не помню, но все это добро пропало. Однако факт лег в архив. Немного, конечно, но вполне достаточно, чтобы зародилась легенда.

– Ну так это не легенда, – криво усмехнулся Виктор. – Это именно что научный факт, Иван Никанорович. Более того, один *наш* друг, – теперь уже Виктор сыграл интонацией, показывая, что он не один, – уже теперь, буквально полгода назад, нашел на Той’йт древнее захоронение вуспсу. Целое, с артефактами. В идеальной сохранности, потому что внутри

¹⁹ *Йяфт* – коронная провинция и одноименная планета в Аханской империи.

Камня. А тогда информацию получил Макс. Его люди обнаружили целый костяк, ну и... Мы, естественно, знать о том, что на самом деле произошло с вуспсу, не можем – пять тысяч лет прошло все-таки или шесть. – Виктор решил не рассказывать Чулкову о визите в Черную Гору, во всяком случае, пока. – Но на Той'йт они сохранились. Выродились, конечно, одичали, но вуспсу – это той'йтши. Вернее, наоборот.

– Вот как!

– Вот так. Той'йтши – это деградировавшие вуспсу, ставшие рабами своих бывших рабов. И кто-то из них, нынешних, я имею в виду, этот факт узнал раньше нас и сделал соответствующие выводы.

– Наследие предков вернуть решили? – понимающе кивнул Чулков.

– Вероятно, – пожал плечами Виктор. – Моча от гордости в голову ударила, к тому же их испугали мы. Я имею в виду людей, в смысле землян. А ну как мы договоримся с аханками? И ведь не на пустом месте их страхи выросли, если честно.

– Не на пустом, – согласился Чулков. – Говорил я Лотману, что кое-кому не мешало бы языки пообрезать, да он думал, пустяки. Ан нет, не пустяки, как оказалось.

– Вообще-то теперь трудно сказать наверняка, – сказал Виктор, немного помолчав. – С чего там у них все началось, мы уже вряд ли узнаем. Но нас они прищемили как положено.

– А в результате прищемили всех нас, – грустно усмехнулся Чулков. – Доигрались, называется. Ну да ладно, давай выпьем за упокой души бойцов Легиона.

Они подняли свои стопки и молча, не чокаясь, выпили.

– Маклеланд, – сказал, помолчав, Чулков. Вероятно, он все это время прокручивал в голове полученную от Виктора информацию. – Почти наверняка.

– Точно, – подтвердил его догадку Виктор.

– Так ты знаешь фамилии?

– Знаю.

– Кто еще?

– Ширер и Сантос.

– Вот же суки! Но каковы! Провернуть большую пластику втайне от всех... Да! А ты откуда знаешь?

– А за что нам «Кольцо» поставили?

– За это?

– Думаю, да. Ди узнала фамилии, а Макс получил информацию о вуспсу. Стечение обстоятельств и наше собственное ротозейство. Следили они за нами, вот что получается.

– Получается, – согласился Чулков. – Ну да что теперь! Дело прошлое.

Он демонстративно достал из вазы третье яблоко, положил его рядом с двумя прежними и поднял взгляд на Виктора.

– Поговорим о настоящем, если не возражаешь. Какие у вас планы?

– Наполеоновские, – усмехнулся Виктор. – Ах да! Вы же про Наполеона...

– Знаю я про Наполеона, – отмахнулся Чулков. – Конкретнее.

– А что конкретнее? Большая программа земляков.

– Значит, нейтралитет Земли отменяется?

– А куда нам деваться? – развел руками Виктор. – Ресурсы Земли нам так и так нужны. Иначе в империю и соваться нечего. Армия нужна, флот. Анонимно такой проект не поднять. Значит, придется раскрыться.

– Ну да, – понял его Чулков. – Тогда или колонизировать Землю, или...

– Мы выбрали *или*.

Чулков помолчал, видимо, обдумывая слова Виктора, потом кивнул, соглашаясь.

– Кто рулит? – спросил он, переходя к главному пункту переговоров. – Вы трое? Ах, прости, четверо! Четверо, как я мог забыть! Нор?

– Да, – усмехнулся Виктор. – И еще у нас есть пара компаньонов-аханков и той'йтши тоже есть.

– А я?

– Заходите, гостем будете, – снова усмехнулся Виктор.

– А не обманешь?

Вместо ответа Виктор положил руку на Камень и произнес именно те слова, которые так хотел услышать сейчас Чулков.

– Спасибо, Виктор Викентиевич, – улыбнулся старик. –

Тогда к делу. Я ведь не с пустыми руками пришел.

– Догадываюсь. А кстати, вы давно на Земле?

– Восемь лет.

– А почему тогда?..

– А ты не в курсе, что тут было трое ревнителей?

– Трое? Были?

– Двоим я голову свернул, хотя, бог видит, кровью умылись, пока их ломали. А третий ушел, затаился и уже года два себя не проявляет. Может, сам издох?

«Не издох, – с ощущением гадливости подумал Виктор. – Но лучше бы он сдох, честное слово».

Виктор и сейчас, а ведь прошло уже почти три месяца, не мог без отвращения вспоминать единственную и, даст бог, последнюю встречу с ревнителем.

Это было жалкое существо. Человеком его назвать было сложно, потому что ничего человеческого в нем уже не осталось. Да и было-то немного. Сила, дарованная ему однажды, много лет назад, колдовской мощью Черного Камня, вычеркнула его из списков людей, сделав тем, чем нормальный человек не захотел бы быть ни за какие деньги. Но то, что не могут сделать деньги, может сделать вера. Прав был Рекеша, всему есть своя цена. И силе, позволяющей творить чудеса в мире, не знающем магии и волшебства, тоже имелась цена. Этот бывший монах заплатил свою страшную цену за возможность читать других людей, как открытую книгу, за право повелевать ими, превращая в послушные его воле ин-

струменты. Сила выела его изнутри, съела, искорежила, выжгла. Но по-прежнему ревнитель буквально излучал ужас. Неоформленный, неопределенный и беспредметный ужас и чувство омерзения, вызывавшее рефлекторную тошноту, появились, как только они приблизились к этому одиноко стоящему в лесу дому, и нарастали по мере того, как они приближались к комнате, в которой умирал ревнитель. В конце концов, даже «железный» Макс начал тоскливо материться по-русски и по-немецки, так скверно им стало. Если бы не Меш, они, скорее всего, бросили бы свою затею, ушли бы, убежали с полдороги, так и не поговорив с бывшим врагом. Но Меш их поддержал, и коньяк с сигаретой оказались вполне сносной защитой от беспричинного ужаса, накатывавшего на них волна за волной, как прибой какого-нибудь загаженного отходами и отравленного смертельной химией моря. Как могли жить в этой атмосфере его слуги, было непонятно. По мнению Виктора, даже зомби сошел бы с ума, находясь двадцать четыре часа подряд рядом с этим монстром. А если недели, месяцы, годы?

«Да, вот это действительно ужас! – подумал тогда Виктор, подходя к двери в комнату-убежище. – А то заладили, понимаешь, ужас, ужас. Не знаете вы, дорогие товарищи, что такое настоящий ужас!»

В комнате было темно – ревнитель уже не переносил света, никакого, ни солнечного, ни электрического – и омерзительно пахло: его организм разлагался. И не было на Земле –

да и в империи не было – таких лекарств, которые могли бы остановить этот ужасный процесс. Так что, войдя в комнату, где прятался от мира и света ревнитель, разглядеть что-нибудь они не смогли. Поэтому и остался навсегда в памяти Виктора только образ чего-то темного, более темного и плотного, чем окружающая их тьма, да вспоминался невзрачный и незапоминающийся человек, зашедший однажды во время допроса Виктора в кабинет дознавателя на станции Форт Б.

А разговора, как такового, не случилось. Ревнителю нечего было им сказать, да и просить их теперь было не о чем. И у них, как оказалось, не было больше вопросов, которые следовало бы ему задать. Был враг, да весь вышел. Секрет его был им известен, и как гонял он их по Земле, как мог столь стремительно брать под контроль спецслужбы самых разных государств и заставлял работать на себя, было понятно. Оставались лишь несколько фигур вежливости да пара необязательных, факультативных вопросов, которые можно было бы и не задавать, но можно было и задать, раз уж все равно пришли.

Они, говорил Макс, передали ревнителю привет и благословение от Рекеши, и буквально физически почувствовали вспышку холодной, нечеловеческой благодарности. А выполнив долг, и спросили. Интересовало их, в сущности, всего две вещи: где остальные ревнители – «Умерли», – прошелестел мертвый голос, – и как их вычислили? А их, оказывается, и вычислять не надо было. На борту транспорта, захва-

ченного Мясниками Лабруха, в вычислителе были записаны их метки.

«Ну, не бином Ньютона!» – с привычным чувством тоски подумал Виктор. Стечение обстоятельств, и ничего больше. Имперцы готовились к прыжку, погиб Карл, и земляки решили ускорить свое выступление. Лотман – по-видимому, это был все же Лотман – снарядил транспорт на Землю с приказом о мобилизации и заложил в вычислитель их метки, чтобы посланные люди не ошиблись, возвращая, как и было обещано, их в строй. Но не сложилось. Начался переворот, и Ярш, сукин сын, отправляя вместе с Мясниками к Земле, к неизвестному ему Смотрящему Ходящего в Тени, дал тому еще одно маленькое поручение: послать закодированный сигнал с орбиты. Ходящий сделал все, что мог. И борт взорвал, и до Смотрящего добрался, но до того, как он добрался до Виктора – а это, как ни считай, от трех до шести дней, сигнал с орбиты активировал Группу Контроля – Ольгу и Олафа, и понеслось.

Ну да всего этого ревнители, конечно, не знали, они только по несчастливой для легионеров случайности получили из вычислителя транспорта метки, позволявшие пеленговать Виктора, Макса и Ди, да фамилию Дефриз – вот откуда в вычислителе взялась эта фамилия, было действительно непонятно. А потом уже, позже, в ходе начавшейся охоты, пересеклись с Олафом, оценили его задание и включили в свою собственную игру, манипулируя Группой Контроля, как ма-

нипулировали они и другими людьми, в отчаянной попытке захватить Смотрящего, за которого ревнители ошибочно приняли Макса, и получить корабль.

«Воистину все сложное на поверку оказывается на удивление простым. И хорошее и плохое».

– Значит, вам удалось убить двух ревнителей? – переспросил он Чулкова. – Не просто, должно быть?

– Если бы не они, Виктор Викентьевич, мы бы несколько по-другому сейчас беседовали, – усмехнулся в ответ Чулков. – Они меня будь здоров как погоняли! У меня ведь ресурсы на тот момент были ограниченные, так что сам должен понимать, как это – бодаться теленку с дубом.

– А что случилось с вашими ресурсами? – искренне удивился Виктор.

По его прикидкам, ресурсов у Чулкова должно было быть немеряно. По земным меркам, конечно.

Теперь удивился Чулков. Он поднял на Виктора изумленный взгляд и даже брови, седые, клочковатые, поднял.

– Ты что же, Виктор Викентьевич, думаешь, я сюда с целой эскадрой прибыл?

Он покачал головой, как бы сетуя на недомыслие своего собеседника.

– Если так, то это ты, не подумав, решил. – Чулков говорил медленно, обстоятельно доводя до сведения Виктора фактическое положение дел. – Когда флот отбомбился, на Курорте климат испортился настолько, что на поверхности

жить уже было нельзя. Но ты ведь там был, должен и сам понимать. Однако Гряды почти совсем не пострадала, там все в скалы вмуровано, так что не сразу и найдешь, даже если заранее знаешь, что и где искать. Это плюс. Но есть и минус. Мы к такому повороту событий готовы не были. Всего, как ты понимаешь, не предусмотреть. Вот и не предусмотрели. Запасов на островах было чуть, и если с водой и воздухом проблему решили быстро, то с едой дело обстояло хуже некуда. Аварийные запасы – мизерные, а синтезаторов там не было. Быстро их создать из имеющихся деталей тоже не получилось, и народ начал роптать. Дело дошло до того, что появились желающие позвать на помощь, тем более что патруль – вот он, на орбите висит. Решили, видимо, что власть Легиона кончилась, и очень зря, как ты догадываешься.

Старик замолчал, вздохнул тяжело и потянулся за своей флягой. Он разлил водку, поставил флягу на место, но заговорил только после того, как опрокинул стопку себе в рот.

– Мое счастье, Виктор Викентьевич, что они о Подкове не знали. Вернее, кое-кто там знал, но не *где* я сижу, а что я где-то там – в пространстве немереном пребываю. Вот что они знали, но связаться со мной не могли. Я Лорду Администратору Гряды приказ сидеть тихо сбросил сразу, как изверги в системе появились, а на Подкове объявил режим два нуля – полная изоляция, и сидел, как мышка в норе. Мотивы мои объяснять надо?

– Нет, – покачал головой Виктор, хорошо представляв-

ший ситуацию, сложившуюся тогда на Курорте. – А кто работал на Гряде?

Он уже понял, что людей этих давно нет в живых, и даже поверил Чулкову, что другого выхода у Лорда Директора не было, но...

«Вот именно, что *но!*»

Чулков смерил его взглядом, зло усмехнулся и сказал:

– Не бойсь, Виктор Викентьевич, это не legionеры были, а если бы и legionеры? Знаешь, что там, в тех лабораториях, делалось?

– Ладно, Иван Никанорович, извините, – примирительно сказал Виктор. – Я вас внимательно слушаю.

– Вот и слушай. Контрактники там работали; правда, контракты у них были без права прекращения, но они об этом, когда на работу нанимались, не знали. Аханки, Виктор Викентьевич, все, как один, аханки, кроме нескольких наших людей в администрации. Да и где было еще взять ученых? Не на Земле и уж точно, что не на Той'йт. Аханки.

– И чем же вы их?..

– А тебе это надо, Виктор? – Старик впервые назвал его по имени и внимательно следил за тем, как Виктор отреагирует.

«Систему отношений строит, – понял Виктор. – На вшивость проверяет».

– Не надо.

– Вот и правильно. Этот грех на мне, а тебе, *Виктор Викентьевич*, и своих хватает. Зачем душу лишним грузом

обременять? Так вот, после того, как их не стало, осталось нас сто семь человек, включая меня. В основном старики администраторы, несколько ученых, экспертов, а оперативников всего девятнадцать душ. Патруль ушел спустя год, но мы еще полгода сидели в своей щели и не суетились. Кораблик у нас был. Один и маленький, но на сто семь человек – вполне. С собой в дорогу взяли самое ценное, но не много. Остальное там и лежит, на Курорте.

Старик снова помолчал, но, видимо, решив, что договор подписан и темнить смысла нет, добавил:

– Еще есть кое-что. Заначки на черный день. Орден, Виктор Викентьевич, не один день строился, так что директора не одну сотню лет распахивали нужное про запас. В основном по необитаемым мирам, по окраинам. А в свете ваших наполеоновских планов и общей технической отсталости Земли десятков-другой автоматических заводов и добывающих комплексов лишними не будут. И кораблики есть. Не много, всего двадцать три борта, но, как у нас с вами на Родине говорят, на безрыбье и рак – рыба. Согласны?

– Да, – кивнул Виктор.

Он и в самом деле был согласен. Визит Чулкова многое менял в их планах. Очень многое.

«А ведь я был прав», – понял он вдруг, вспомнив давний уже разговор у костра, произошедший сразу после коронации Лики.

Или боги Ахана, или их грозный земной Бог, но кто-то во-

рожил им так, что дух захватывало, когда он пытался представить себе вероятность происходивших на его глазах событий. Оно, конечно, удача сопутствует смелым, но, с другой стороны, сколько роялей в кустах может случиться в жизни одного, отдельно взятого, пусть и чертовски удачливого сукина сына? Сколько раз явление бога из машины может быть оправдано теорией вероятности?

– Мы просто обречены на победу, не правда ли, Иван Никанорович? – спросил он, улыбаясь.

И увидел, как загорелись глаза старика.

– Непременно, – ответил ему Чулков и снова потянулся за флягой.

Времена не выбирают

Любовь – имперское чувство.
И. Бродский

*Что ни век, то век железный,
Но дымится сад чудесный,
Блещет тучка; обниму
Век мой, рок мой на прощанье.
Время – это испытанье.
Не завидуй никому.*

А. Кушнер

Пролог. Время грамматическое

Глава 1. Коронация. Когда-то потом. Будущее ультимативное

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...
П. Герман

*Здесь бой, где ждет нас победа иль гибель,
Игра, где корону получит счастливый.*

Г. Гейне

Когда опричники, веселые, как тигры...
К. Бальмонт

*Пятый день второй декады месяца птиц 2998 года
от основания империи (апрель 2016, Вербное воскресенье),
Москва, планета Земля*

Первый удар колокола застал Кержак в лифте. Тяжелый и долгий голос недавно установленного Князя достал его даже сквозь толстые кирпичные стены старого здания, ударил и прошел сквозь него, заставив напрячься и без того взведенную до упора нервную систему. А когда Игорь Иванович достиг заветной двери на шестом этаже, гремели уже десятки, если не сотни колоколов новой Москвы.

«Сорок сороков? – спросил он себя, останавливаясь перед дверью. – Аллилуйя?! – Глубокий вдох, длинный выдох. И еще раз. И еще. – Сорок сороков, говоришь? Будет тебе праздник! Будет тебе Вербное воскресенье».

Кержак плавно отжал ручку двери и также плавно, замедленно, как будто плывя в густом вязком воздухе, вошел в кабинет.

Сукин Сын сидел на стуле напротив стола. Руки его были скованы за спиной и пристегнуты к ногам, прикованным, в свою очередь, к задним ножкам стула. Неудобная поза и унижительная, но Кержак на Сукина Сына как бы и не смотрел.

Он поздоровался – через всю комнату – с дамой Ноэр, курившей сигару у высокого узкого окна («Доброе утро, Наталья Петровна, рад вас видеть»), пожал руку Щця («Как жизнь, Шалва Георгиевич?») и кивнул невысокому крепкому парню, стоявшему за спиной у вынужденно сидевшего Сукина Сына.

«Как его? Рэр, что ли?» – подумал он с раздражением, пытаясь вспомнить имя этого темного блондина, с серыми внимательными глазами, и никак не вспоминая.

Между тем Кержак подошел к столу и присел с краю, прямо на столешницу, не забыв, впрочем, поддержать брюки. Вот теперь он посмотрел, наконец, на Сукина Сына открыто. Сукин Сын, как и докладывали, оказался молодым мужиком – от силы лет тридцати, – худым и жилистым, крепким. По виду он вполне мог сойти за русского, но Кержак подумал, что это, скорее всего, не так. Вот нет, и все. Вроде бы и причин сомневаться нет, и масть рыжеватая, и глаза серо-голубые, а все равно – не русак.

«Не русский ты, – окончательно решил он, рассматривая лицо Сукина Сына. – Не русский, хоть крестись по десять раз на каждую икону. А кто?»

– Тебе не повезло, – сказал он равнодушным голосом. – Ты знаешь, как тебе не повезло?

Перед глазами возник туман – кровавый туман, – и мышцы непроизвольно напряглись, но Кержак с собой справился, надеясь, что Сукин Сын его реакции не заметил.

– Давай, начальник! – огрызнулся Сукин Сын, решивший, видимо, косить под блатного. – Давай, пугай! Требую прокурора!

«Не заметил».

– Дурачок, – усмехнулся Кержак ему в лицо и оглянулся на Нету. – Вы слышите, Наталья Петровна? Клиент вспомнил о прокуратуре.

– На понт берешь, начальник! – окрысился Сукин Сын. У него был какой-то едва уловимый акцент.

«Осетин? Адыгеец? Чечен?»

– Нэт, дорогой! – включился в игру полковник Щця, старательно изображавший в России грузина. – Тэбэ же ясно сказали, мраз, тэбэ не повэзло.

– Хочешь знать, в чем? – спросил Кержак.

– Что девка эта... – Закончить Сукин Сын не успел.

Кержак ударил его по лицу. Он ударил намеренно больно – до крови – и обидно, не изменив позы, все так же рассматривая Сукина Сына равнодушными – он надеялся, что у него получается, – глазами.

– Эта девка, сучонок, моя жена.

Вот тут Сукина Сына проняло. Он даже с лица сбледнул, и испарина мгновенно выступила у него на лбу.

«Дошло», – с удовлетворением отметил Кержак.

– А ты, говнюк, убит при задержании, – сказал он вслух и полез в карман за сигаретами.

Кержак не торопился, хотя курить хотелось зверски, а пе-

ред глазами снова встало смертельно-бледное лицо Таты. Тата. Три проникающих: два в грудь, одно – в живот. Калибр – девять с половиной. Сукина Сына прикрывали три на редкость хорошо обученных боевика.

«Ну и за кем же ты пришел?» – Кержак медленно достал сигарету, слушая ставшее вдруг тяжелым дыхание Сукина Сына и наблюдая за поведением меча, стоявшего у того за спиной. Лицо у парня было спокойным, но в глазах разгорался холодный огонь. Меч был из последнего набора, и Кержак никак не мог вспомнить его имени. Зато он неожиданно вспомнил, что парень этот – его собственный ленник.

«Нехорошо, – решил он, закуривая. – Никуда не годится. Своих людей нужно знать. Всех. Вот Тата...»

Тата. Доктор – аханк – сказал, что выкарабкается, хотя раны нехорошие, потому что... Перед глазами Кержака стояло ее лицо, на которое уже легла тень смерти.

«Ох, Тата, сердце мое! – подумал он с тоской. – Но как-то!»

С тремя дырками, каждая из которых была пропуском на тот свет, она взяла-таки Сукина Сына живым, пока остальные гасили боевиков из его прикрытия.

«Такая важная фигура? Или это такая новая тактика?» – Я тебя подержу здесь, – сказал Кержак, дожимая. – Недолго, дня два-три... Это для моего личного удовольствия, чтобы ты знал, а не для дела. А потом передам тебя

Цики Ёю. Знаешь такую *геверет*?²⁰

«Знает! – понял Кержак, с удовлетворением отмечая то, как расширяются от ужаса глаза Сукина Сына. – И с происхождением твоим я, похоже, не ошибся. Хорошая у Клавы слава, правда, в основном на Ближнем Востоке, но...»

– Ведь мог ты за ихним царем прийти? – неторопливо продолжал развивать свою мысль Кержак, как будто и не обративший никакого внимания на изменившееся душевное состояние Сукина Сына. – Вполне мог. Вот пусть она тебя и спрашивает. А я тебя спрашивать не буду. Зачем?

Он посмотрел в глаза Сукину Сыну и понял, что выиграл. Это было не его поле. Контрразведка особое искусство, а уж дознание тем более, но в условиях отсутствия конституционных гарантий...

– Я все скажу! Все!

«Боже мой, какие простые слова. И как все это похоже на кино – на плохое кино про шпионов, – вот только Тата...»

– А мне неинтересно, – сказал он и затаился.

– Вы не знаете! – заторопился Сукин Сын. – Вы не знаете, а...

– А ты, значит, знаешь? – усмехнулся Кержак и покачал головой. – Сомневаюсь. Ты же простой исполнитель, расходный материал, ну что ты можешь знать?

Он повернулся к даме Ноэр и попросил:

– Наталья Петровна, голубушка, будьте любезны, распо-

²⁰ *Геверет* – госпожа (ивр.).

рядитесь, чтобы этого мудака спустили в подвал, а то он тут своими воплями весь народ перепугает. А у нас все-таки праздник. И коронация опять же. Стыда перед иностранцами не оберемся.

– Начальник!

– А давай, Игорь Иванович, ему рот заклеим, – предложила Нета и потянулась так, что ее и без того выдающаяся грудь чуть не порвала, на хрен, и бюстгальтер, который она стала-таки носить, подчиняясь служебной дисциплине, и белый свитерок, все это богатство любовно обтягивающий. – Залепим, и пусть себе надрывается.

По-русски она теперь говорила без акцента, как, впрочем, и все остальные. Как Тата, например. Тата... Вероятно, она уже на «Вашуме». Вероятно, все с ней будет хорошо. Вероятно, Сукин Сын сейчас начнет петь... Но... он хотел получить не только ответы на разные вопросы, он желал получить сатисфакцию.

– Ты Кержак?

«Выходит, не только у Клавы есть репутация. У меня тоже. И это скорее хорошо, чем плохо. Опричнина – она и в двадцать первом веке опричнина, а иначе зачем?»

Кержак затянулся, выпустил дым – он держал паузу, как бы размышляя над словами Неты Ноэр – и покачал головой.

– Нет, Наталья Петровна. Вы уж извините меня, бога ради, но придется все же – в подвал... (Ты Кержак? Да? Слушай! – кричал Сукин Сын.) Там жарковато, конечно... (Я много... –

надрылся Сукин Сын.) Но я хочу слушать, как он кричит.

– Горбунов, – сказал Сукин Сын каким-то неживым сиплым голосом.

«Ну, вот и Горбунов всплыл, голубь наш сизокрылый».

– Какой Горбунов? – спросил из-за его спины меч, и Сукин Сын сделал судорожное движение, пытаясь повернуться, но не смог. – Сиди спокойно. Отвечай.

«Молодец, – отметил Кержак и наконец вспомнил: – Эйк Рэр. Ну да! Рэр, Эдик Рукавишников...»

– Не вмешивайся, Эдик, – сказал он раздраженно. – Не дорос еще.

– Генерал! – выдохнул Сукин Сын. – Генерал Горбунов.

– Вот оно как, – «удивился» Кержак, даже не заметив, что говорит сейчас, как Федор Кузьмич. Впрочем, сам Федор Кузьмич теперь так не говорил, во всяком случае, при свидетелях. – А тебя, болезный, как звать-величать?

– Селим.

– Это ты заговариваешься, парень, – усмехнулась от окна Нета. – От ужаса, наверное. Ну какой из тебя Селим? Ты в зеркало-то смотрелся когда-нибудь?

– У меня мама русская, – объяснил Сукин Сын, облизав губы, и с надеждой посмотрел на вступившую с ним в разговор женщину.

– А папа? – спросил Кержак и снова затянулся.

– Набилъ Абу-Рейш... – ответил Селим.

– Абу-Рейш... – якобы задумчиво повторил за ним Кер-

жак. Его насторожила интонация Сукина Сына. Он сказал это так, как если бы Кержак обязан был знать, кто это такой – Набиль Абу-Рейш. На самом деле ничего такого Кержак не помнил и помнить не мог, потому что Ближний Восток – не его епархия. Ему и в империи дел хватало.

– Да, – сказал Сукин Сын. – Это он.

– И гдэ же он сэйчас? – спросил Щця.

– В Тегеране.

– А иранцы знают? – снова подала голос Нета.

– Знают. – Сукин Сын решил сотрудничать.

«Слабак, – вздохнул про себя Кержак. – Оно, конечно, все равно, но противно».

– Кто у них курирует операцию в Москве? – спросил он.

– Второй советник посольства...

«Ну? – спросил он себя. – Ты удовлетворен? Потешил сердце?»

Следовало признать, что – да, потешил.

«Как ребенок, честное слово! Как злой ребенок. А времени-то совсем нет».

На душе было пасмурно, и еще эти колокола звонили...

– Спасибо, господа, – сказал он, вставая. – Спасибо, Наталья Петровна. Извините, бога ради, за представление. Нервы. Еще раз – спасибо.

Он грустно усмехнулся, увидев понимание в глазах дамы Ноэр, но тут же представил, что бы сделала на его месте она, и успокоился. Все мы люди, все мы... животные.

– Эдик, займись этим трупом. – Кержак перехватил полный непонимания и ужаса взгляд Сукина Сына и, не удержавшись, подмигнул ему. Дескать, то ли еще будет! – Я хочу получить полный отчет не позже, чем через полчаса. Мы будем в комнате для совещаний.

Эйк молча кивнул – он вообще был неразговорчивый парень – и, открыв дверцу стенного шкафа, достал с верхней полки шлем ментального декодера и допросную аптечку. Праздник закончился, начиналась рутина. Химия не только развяжет Сукину Сыну язык – и, надо признать, сделает это много лучше, чем любые пытки, – она поможет допрашиваемому вспомнить такие детали, о существовании которых он и сам не подозревает, потому что не обратил на них внимания или давно забыл. Но мы ведь ничего не забываем, не правда ли? На самом деле все остается при нас, только найти это все обычно не удастся. Вот тут химия и поможет. И, что характерно, никакого вранья, одна только правда голимая и ничего, кроме правды.

Кержак отвернулся и вслед за остальными вышел из кабинета. Комната для совещаний находилась в конце коридора, и идти им было недалеко. Практически весь этот этаж являлся неприступной крепостью – «А с чем тогда сравнить все здание в целом?» – и ни одного звука, тем более ни одного фотона визуальной информации отсюда вовне просочиться не могло по определению. Но комната для совещаний была защищена еще лучше. «Лучшее – враг хорошего, не прав-

да ли?» Во всяком случае, не с земными технологиями было пытаться проникнуть в тайны Политического сыска Империи, который в новой России назывался просто РИАЦ – Российский информационно-аналитический центр. «Что хочешь, то и думай».

Закрылась тяжелая дверь, опустились на окна шторы из металитовой ткани, включились подавители электронного проникновения, и комнату на мгновение залил пронзительно-голубой свет. Все. Стерильная зона. Теперь только зеленая лампочка контроллера и красная – охранный контур, горевшие на центральном пульте, указывали на то, какие меры безопасности приняты для того, чтобы обеспечить спокойную работу руководителям штаба операции «Локи»²¹. Кержак подошел к автоматическому бару, около которого уже стоял Щя, и налил себе чашку крепкого кофе без сахара. Секунду поразмышлял, не помешает ли работе алкоголь, и, решив, в конце концов, что от пятидесяти граммов коньяка хуже работать не станет, налил себе еще и немного «Камю». Между тем над овальным столом из оникса уже появились три проекции: прямая связь с командующим войсками специального назначения, генералом Шакировым, канал связи с Дворцовым управлением, которое официально все еще называлось Управлением делами Правительства, и Лен-

²¹ *Локи* – один из богов древнегерманского пантеона. Если верить Вагнеру, Локи отличался большим умом, хитростью и изворотливостью и был, что называется, себе на уме.

та Новостей – непрерывно обновляющиеся сводки аналитического бюро. В стороне от главных проекций, у стены, обозначились два дополнительных канала связи, находившиеся сейчас в режиме ожидания: Прямая Линия и Флотская Эстафета.

Дама Ноэр уже сидела в кресле координатора и вводила в вычислитель коды доступа.

– Наталья Петровна, – обернулся к ней Кержак, – тебе чего-нибудь налить?

– Будь любезен, Игорь Иванович, – улыбнулась Нета, не отрываясь, впрочем, от вычислителя. – Березовый сок, если тебя не затруднит, и... да, и еще немного бренди.

– Ты имеешь в виду именно бренди или тебя коньяк тоже устроит?

– Я имею в виду то, что налито в твой бокал, Кержак.

– Значит, коньяк.

– Значит, коньяк, – повторила за ним Нета, просматривавшая протоколы связи.

– Группа Семь в сборе, – сообщила она появившемуся на проекции дежурному по Дворцовому управлению.

– Ждите, – сказал дежурный офицер.

– Ждем, – согласилась Нета.

Кержак поставил перед ней стакан с соком и бокал с коньяком и, вернувшись к бару, забрал свою посуду. Щця уже сидел за столом, когда Игорь Иванович наконец занял свое место и, отпив из бокала, активировал личный канал связи.

В управлении О – «Опричнина, она опричнина и есть. Стало быть, О» – колеса крутились вовсю, но от резких движений опричники пока воздерживались. Кержак быстро просмотрел сводку и пришел к выводу, что никаких драматических изменений за последние три часа не произошло, если не считать инцидента на Большой Пироговской, но о нем он знал, что называется, из первых рук. А вот Лента Новостей оказалась гораздо интереснее. Не отрывая глаз от стремительного информационного потока, он на ощупь нашел чашку с кофе и сделал глоток. Кофе был горьким и ароматным и еще горячим. Все это вместе было замечательно вкусно, но насладиться чудесным напитком он не успел. Он даже забыл, что хотел закурить. Не до того стало. Аналитическое бюро обращало внимание всех заинтересованных лиц, что полтора часа назад из поселка Шибанкова началось выдвижение частей и соединений 4-й танковой дивизии на плановые учения. Кроме того, сводка указывала на то, что в последние двадцать четыре часа отмечен немотивированный семипроцентный рост активности на гражданских линиях связи в Шибанкове и одновременный двенадцатипроцентный рост – в Алабине. Содержание разговоров носит нейтральный характер, но повышенную телефонную и интернет-активность в указанных районах проявляют офицеры Кантемировской и Таманской дивизий.

«Неужели пропустили? Вот же!..»

– Дежурный по... – откликнулся на вызов штаб.

– Не надо, – отрезал Кержак. – Дай мне Чудновского.

– Боря, – сказал он полковнику Чудновскому. – Узнай – только, бога ради, аккуратно, – когда были запланированы нынешние учения Кантемировской? И кем? И побыстрее. И вот еще что: зашли-ка ты кого-нибудь поумнее в Алабино. Со связью. Пусть погуляет до ночи и посмотрит, что там да как.

– Сделаем, – пообещал Чудновский и отключился, а Кержак уже вызывал Никонова.

Вася Никонов сидел на какой-то броне и курил. Кержак секунду смотрел на него молча, затем достал-таки сигарету и закурил.

– Готовность? – спросил он наконец.

– Полная, – улыбнулся Никонов. – Сам видишь, спим на броне.

– Вижу, – кивнул Кержак. Несмотря на то, что прошло уже больше шести лет, он по-прежнему испытывал чувство внутреннего дискомфорта, глядя на здорового – во всех смыслах – Васю. Даже протезы у Васи были такие, что от живых ног на взгляд не отличишь. Не то чтобы Кержак не был за него рад. Не то слово. Счастлив. И все же страшная это вещь – чудеса. И привык, кажется, а все равно страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.